

**МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РФ
ФГБОУ ВО «ЧЕЧЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

ЭЛЬЖУРКАЕВА Малика Янарсовна

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ-
ПРИЛАГАТЕЛЬНОМ В ЧЕЧЕНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор М. Р. Овхадов

Грозный 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ЧЕЧЕНСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ В СРАВНИТЕЛЬНО- СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ	
1.1. Фразеология как раздел языкознания.....	13
1.2. История исследования фразеологии в чеченском языке.....	20
1.3. Классификация английских фразеологизмов.....	35
1.4. Имя прилагательное как лексико-грамматический разряд и объект изучения.....	41
1.5. Часть речи имя прилагательное в чеченском языке.....	45
1.5.1. Имя прилагательное в английском языке	54
1.5.2. Фразеологические единицы с компонентом-прилагательным в английском языке.....	65
Выводы по первой главе	70
ГЛАВА II. СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМ В ЧЕЧЕНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКА	
2.1. Характеристика прилагательных в субстантивных фразеологических единицах.....	75
2.2 Характеристика прилагательных в составе адъективных фразеологических единиц.....	99
2.2.1 Компаративные адъективные фразеологические единицы с компонентом прилагательным.....	100
2.2.2 Адъективные фразеологические единицы с компонентом- прилагательным некомпаративного характера.....	112
2.3 Фразеологические единицы с компонентом-названием цвета в чеченском и английском языках.....	118
Выводы по второй главе	144
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	150
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	158
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ	178
СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ	182
ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ	184

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время наблюдается возросший интерес к сравнительно-сопоставительным исследованиям по фразеологии как в генетически родственных (гомогенных), так и неродственных (гетерогенных) языках. Данное исследование проведено в рамках типологического языкознания.

Степень разработанности проблемы. Современные исследования фразеологии европейских языков и возросший к ним интерес, как считает Anita Naciscione, связаны «с основанием в 1999 году Европейского общества фразеологов (EUOPHRAS)» [Naciscione, 2010: 203].

В отечественном и зарубежном языкознании представлен ряд работ, посвященных сравнительно-сопоставительному исследованию фразеологических единиц (ФЕ) в разноструктурных языках, среди которых, диссертация Л.Т. Мифтахутдинова (2003), описавшей корпус фразеологических единиц с адъективным компонентом двух разносистемных, генетически дистантных языков - английского и турецкого - на основе применения единых критериев; Д.А. Борисова (2005) проводит исследование динамики развития адъективной лексики: на материале английских отсубстантивных суффиксальных прилагательных; исследование Н.С. Кайтмазовой (2005) посвящена межъязыковым сходствам и различиям в семантике фразеологизмов со значением эмоций, фиксирующих национально-культурные особенности мышления носителей английского и осетинского языков; диссертация М. Назировой (2009) посвящена исследованию сходства и различия структурных и лексико-семантических соотношений фразеологизмов с компонентом цветообозначения в английском, русском и таджикском языках; С.Г. Каримова (2007) исследует механизмы метафоризации адъективных ФЕ в английском и русском языках; А.Н. Любова (2009) исследует адъективные компаративные фразеологизмы в английском, немецком и норвежском языках и определяет общие и специфические черты компаративных фразеологических единиц; С.А.

Виноградова (2018) исследует семантику английского прилагательного на материале относительных прилагательных.

A. Ghazala (2003) в работе «Idiomaticity Between Evasion and Invasion in Translation» рассматривает проблемы перевода фразеологических единиц; E. Funtek (2015) в работе «Idiom Comprehension in English as a Second Language» распределяет фразеологизмы по концептосфере английского языка; «Phraseological units with a colour component in the English and Turkish languages» Vyiyk Iana Arthurovna (2016) анализирует межъязыковые связи фразеологизмов с цветовым компонентом в английском и турецком языках. Gabriele Knappe, Laura Pinnavaia (2016) в работе «Sugar and Spice Exploring Food and Drink Idioms in English» проводят классификацию идиом с едой и напитками в английском языке; Shiqing Zhou (2021) в научной работе «A Cognitive Analysis of Conceptual Metaphors of Color Idioms in English and Chinese Based on Data Mining» проводит сравнительно-сопоставительный анализ английских и китайских фразеологизмов.

В нахском языкознании ФЕ с компонентом-прилагательным в чеченском и английском языках не подвергались научному анализу, но исследование фразеологии перспективно, но является нелегким, что связано с природой определения фразеологии, гомогенностью и гетерогенностью чеченского и английского языков, неоднородностью эволюционирования фразеологических систем и разной степенью разработанности в сопоставляемых языках, что предопределило выбор темы исследования. *Комплексный* анализ фразеологии в разноструктурных языках позволяет конкретизировать вопрос об универсалиях в чеченской и английской фразеологии, а также определить особенности и их специфику. Исследование фразеологии различных языков может послужить материалом как для социокогнитивной лингвистики, так и для типологического языкознания и лингвокультурологии.

Актуальность исследования определяется не только важностью исследования ФЕ с компонентом-прилагательным в чеченском и английском

языках на уровне теоретического осмысления языков. Эмпирический анализ свидетельствует о наличии не только расхождений, но и общих, совпадающих явлений в гетерогенных и разноструктурных языках, что может явиться точкой соприкосновения в «поведении» имен прилагательных в составе устойчивых ФЕ, так как фразеологический материал демонстрирует некоторую нечеткость границ обоих разрядов имен прилагательных – качественных и относительных – в составе устойчивых словосочетаний адъективно-субстантивного типа ФЕ, что предопределило актуальность темы исследования. Сопоставительное изучение ФЕ разносистемных языков содействует раскрытию языковой картины мира народов-носителей данных языков. Старописьменный английский язык – самый распространенный в настоящее время, с одной стороны, и младописьменный чеченский язык, история которого остаётся не до конца установленной, с другой, при сравнительно-сопоставительном изучении проявляют как значительные расхождения фразеологических систем, так и некоторые соответствия. Наблюдаемые схождения могут быть отражением общности цивилизованного процесса человечества, однако, возможны и некоторые неустановленные современной наукой явления, отражающие древние связи далёких предков народов, которые убедительно проступают при сопоставительном анализе лексических систем языков древнейшего периода. Если старописьменный английский язык глубоко и всесторонне исследован, то младописьменный чеченский язык исследован менее. К тому же и фразеология чеченского языка менее исследована, чем его основные уровни. Сопоставительное изучение дистантных фразеологических систем, географически и структурно отдаленных чеченского и английского языков может послужить определенным подспорьем в исследовании отдельных аспектов становления этой самобытной в различных языках отрасли языкознания. Непосредственное отражение во фразеологии языковой картины мира народов может содействовать решению проблемы «язык» и «культура», т.е. развитию лингвокультурологии и межкультурной

коммуникации, как относительно новых научных направлений. Сравнительно-сопоставительное исследование фразеологических систем языков является определенным вкладом в социокогнитивную и корпусную лингвистику чеченского языка.

Объект исследования – фразеологические единицы с компонентом-прилагательным в чеченском и английском языках

Предмет исследования – лексико-семантические, морфолого-синтаксические, коннотативные особенности и специфика их реализации в фразеологических единицах с компонентом-прилагательным в сопоставляемых языках.

Материалом исследования явились ФЕ, извлеченные методом сплошной выборки из словарей разных типов: А. Г. Мадиев «Чеченско-русский словарь» (Москва, 1961), А.Т. Карасаев «Русско-чеченский словарь» (Москва 1978), А. В. Кунин «Англо-русский фразеологический словарь» (Москва 1984,2001, 2021), Judith Siefring «Oxford Dictionary of Idioms» (Oxford, 2004), И. Ю. Алироев «Чеченско-русский словарь = Нохчийн-оьрсийн словарь» (Москва, 2005), А. Д. Вагапов «Этимологический словарь чеченского языка» (Тбилиси, 2011), Д. Б. Байсултанов «Чеченско-русский фразеологический словарь» (Грозный, 2016).

Выборка эмпирического материала составляет – 723 чеченского и 878 ФЕ английского языков, общие параметры эмпирического материала – 1601 ФЕ. Для сбора фактического материала было использовано 81 источник, словари и справочники, художественная литература на чеченском и английском языках, интернет-сайты. Степень достоверности полученных результатов обеспечивается исследованием теоретических основ фразеологии, надежностью методологической основы работы, анализом обширного эмпирического материала, транслирующего репрезентативный корпус фразеологического материала чеченского и английского языков.

Цель работы заключается в изучении и описании лексико-семантических, морфолого-синтаксических, коннотативных особенностей

фразеологизмов с компонентом-прилагательным в чеченском и английском языках в сравнительно-сопоставительном аспекте.

Реализация поставленной цели предусматривает решение следующих **задач**:

1) исследовать имя прилагательное как лексико-грамматический разряд в чеченском и английском языках;

2) обосновать синхронный аспект исследования фразеологии в чеченском и английском языках;

3) выявить и проанализировать лексико-семантические и морфолого-синтаксические и коннотативные признаки ФЕ в чеченском и английском языках;

4) описать прилагательные в составе субстантивно-адъективных ФЕ чеченского и английского языков;

5) провести сравнительно-сопоставительный анализ адъективных ФЕ с компонентом-прилагательным компаративного и некомпаративного характера в сопоставляемых языках.

Методы исследования – общенаучные (сравнительно-сопоставительный, интерпретационный, описательный метод, анализ словарных дефиниций, метод компонентного анализа, сплошной выборки) и частнонаучные (наблюдение, анализ, синтез, статистическая обработка эмпирического материала). Соответственно, проводилась количественная и наглядная интерпретация эмпирического материала.

Теоретическо-методологическую основу исследования составили концепции отечественных и зарубежных ученых, изложенные в трудах

- по лексико-семантической номинации фразеологии, в чеченском языке: А. Г. Мациев (1973), Д. Б. Байсултанов (2006), С. С.-А. Юсупова (2007, 2014), М. С.-С. Абуева (2011), И. М. Сигаури (2012), Р. С. Ильясова (2013); в отечественном Н. М. Сидякова (1967), К. Н. Дубровина (1970), А. А. Гурдов, (1972), А.В. Кунин (1972), В.И. Овсянникова (1984), З.Н. Вердиева (1986), М.Р. Натх (1985), А. А. Кайбияйнен (1996), Н. Н. Репникова (1999),

В. А. Маслова (2001), И. Б. Ушакова (2002), Н. В. Терехова (2002), И. А. Шубарчик (2003), , Л. А. Сергеева (2004), Н. П. Кочерган (2005), Н. В. Кунакужина (2005), М. Назирова (2009), С. В. Лескина (2010), Л. Г. Бедоидзе (2012), О. Н. Бондина (2017), М.А. Сорокина (2018), А. Ю. Команова (2018), С.А. Виноградов (2018), М. Б. Антонова (2021) и *зарубежном языкознании* Е. А. Оливер (1954), , D. Bolinger (1967), З. Вендлер (Vendler) (1967), А. А. Фарзи (Farsi) (1968), P.Teller (1969), D. Curme (1977), М. Маринучи (2005), Anita Naciscione (2010), Dabrowska Anna (2018), Shiqing Zhou (2021), Вэй И. (2023);

- *по морфолого-синтаксическим работам в чеченском языке* Ю. Д. Дешериев (1963), К.З. Чокаев (1968, 1970), В. Д. Тимаев (2007), З. Х. Хамидовой (2007), А. И. Халидов (2010), М. Р. Овхадов (2012), М. У. Зубайраева (2013), Р. Д. Шамилева (2018) и др., *отечественном* А. Х. Востоков (1863), Р. Г. Котов (1956), В. В. Виноградов (1959, 1972), Л. П. Винокурова (1959), В. А. Звягинцев (1965), Т. Сайранбаева (1965), М. М. Рехвиашвилли (1966), Ф. С. Шакиров (1974), М. И. Акодес (1987), А. А. Глушкова (2005), В. Д. Аракин (2005), Т. Н. Федуленкова (2006), Т. С. Соловьева (2007), М. Б. Талапина (2008), В. Л. Каушанская (2008), Л. Н. Комарова (2009), Е. В. Милетова (2016), М. В. Сандакова (2020) и *зарубежном языкознании* Nesfield J.C. (1924), Sweet Н. (1930), Bryant М. (1945), А. Ghazala (2003), G. Кнарре, L. Pinnavaia (2010), E. Funtek (2015), S. M. Rajabova (2023);

- *по работам коннотативных значений фразеологизмов* Э. Х. Рогг (1967), С. И. Ройзенсон (1967), С. М. Мезинин (1969), А. В. Терентьев (1997), Д. Б. Байсултанов (1992), Л. Т. Мифтахутдинова (2003), Н. С. Кайтмазова (2005), Л. А. Нальгиева (2006), С. Г. Каримова (2007), А. Н. Любова (2009), А. В. Гандалоева (2013);

- *по сравнительно-сопоставительным исследованиям в чеченской лингвистике* А. Г. Мациев (1973), И. Ю. Алироев (1978), А. Д. Вагапов (1994), *в отечественной* Г. С. Свешникова (1969), С. В. Татаренко (1999), Л.

Ю. Михайлова (2004), Л. А. Нальгиева (2006), С. Г. Каримова (2007), Н. А. Сергиенко (2006), Л. Р. Сакаева (2011), О. А. Пасюкова (2016), М.Н. Тукешова (2022) и *зарубежном языкознании* Вуіуқ Іана Артуровна (2016).

Положения, выносимые на защиту:

1. В чеченском и английском языках имена прилагательные в составе адъективно-субстантивных фразеологизмов являются конституирующим фразеологизм компонентом, а лексико-семантические, морфолого-синтаксические, коннотативные особенности определяются характером несвободного компонента. В сопоставляемых языках прилагательные во фразеологически связанном значении не имеют полного набора трансформаций, присущих им в свободных сочетаниях.

2. В чеченском языке фразеологические единицы имеют структуру N+сання+A. Прилагательные в составе ФЕ имеют такие же характеристики, как и в английском языке. Доминирующей структурой фразеологизмов компаративного типа в английском языке является модель устойчивого сочетания слов, построенная по схеме (as)+A+as+N. В чеченском языке функционируют конструкции со сложными прилагательными, образованные сочетанием формы сравнительного падежа существительного с качественным прилагательным. Форма сравнительного падежа существительного в данной конструкции нестандартна, и кроме как в этой конструкции обычно не употребляется. При этом, значения сравнения передается не прилагательным, а его сочетанием с формой сравнительного падежа существительных, которые в чеченской языковой картине мира имеют соответствующее качество в предельной степени. В исследуемых языках выявлены и менее распространенные модели компаративных оборотов. Некомпаративный тип устойчивых сочетаний слов является менее продуктивным в чеченском языке, в котором наблюдаются сравнительные обороты, представленные сложными именами прилагательными, образованными путем соединения формы сравнительного падежа имен существительных с формантом-окончанием сравнительного падежа -л/-ла,

обозначающим предмет сравнения, с именами прилагательными.

3. В сопоставляемых языках противопоставляемость ФЕ с компонентом-прилагательным цвета не совпадает в количественном отношении и в плане выражения. Представлены схемы и критерии, характеризующие общее, особенности и специфику в фразеологических единицах с компонентом цветообозначения в гетерогенных чеченском и английском языках, типологически различных и структурно дистантных на лексико-семантическом, морфолого-синтаксическом и коннотативном уровне.

4. Категория сравнение, присутствующее в сопоставляемых чеченских и английских фразеологических единицах с компонентом «прилагательное», свидетельствует/подтверждает о наличии одинаковых характеристик в оценке явления. Сравнительно-сопоставляемый анализ состава языковых структур компаративных устойчивых сочетаний с союзом *санна* – в чеченском, *as* – в английском языках по своей семантике соответствуют союзу «как» в русском языке. В структуре компаративного словосочетания стержневым элементом выступает адъективный компонент – прилагательное, определяющий общую семантику всего сочетания. Влияние, которое оказывает компонент с названием цвета на фразеологическую единицу, в большинстве случаев одинаково в сопоставляемых языках.

Научная новизна исследования заключается в выявлении и описании специфики лексико-семантических, морфолого-синтаксических, коннотативных особенностей фразеологизмов с компонентом-прилагательным в чеченском и английском языках. Проведен сравнительно-сопоставительный анализ адъективных ФЕ чеченского и английского языков, характеризующих наличие в структуре компаративных устойчивых словосочетаний союзов *санна* (в чеченском), *as* (в английском), выступающих элементами сравнения. Установлено, что некомпаративный тип устойчивых сочетаний менее частотен и продуктивен в чеченском языке, по сравнению с английским. На основе комплексного анализа

фразеологизмов чеченского и английского языков выявлены сходства и различия, присущие фразеологии сопоставляемых языков, установлены ФЕ, имеющие соответствия (эквивалент или аналог) и не имеющие соответствий в одном из языков.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что проведенное исследование вносит определенный вклад в дальнейшее развитие сравнительно-сопоставительной лингвистики, в дальнейшую разработку теории фразеологии в чеченском языкознании; в структурную дифференциацию фразеологических единиц чеченского языка в сопоставлении с английским. Теоретически значимым представляется вклад в дальнейшее изучение имени прилагательного как относительно малоисследованной части речи в чеченском языкознании. Выводы относительно типологических сходств и различий фразеологических структур чеченского и английского языков могут быть значимы для дальнейшей разработки методов сопоставительного и типологического изучения языков.

Практическая ценность. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании вузовских курсов контрастивной лингвистики и лингвистической типологии, лексикологии чеченского и английского языков. Выводы и материал могут быть использованы в разработке и преподавании спецкурсов по фразеологии, лексической семантики, лексикографии чеченского и английского языков для студентов англо-чеченского отделения Чеченского государственного педагогического университета (ЧГПУ) и Чеченского государственного университета (ЧГУ).

Апробация и внедрение результатов исследования. Результаты проведенного исследования докладывались на международных, региональных и межвузовских научных и научно-практических конференциях: Международной научной конференции «Филологические науки в России и за рубежом (II)» (Санкт-Петербург, ноябрь 2013 г.); Региональной научно-практической конференции «Проблемы исследования

и преподавания языков в современных условиях» (Грозный, 6-7 декабря 2013 г.); Второй международной научно-практической конференции «Язык и литература в образовательном и культурном пространстве юга России и Кавказа» (Грозный, 22–24 ноября 2019 г.).

Основные результаты исследования опубликованы в **13** публикациях, из которых **6** статей опубликованы в научных журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура и объем работы. Цель и задачи исследования определили структуру работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, 5 диаграмм, библиографического списка – 287 (отечественные источники - 170, зарубежные – 16), литературных источников - 63, словарей и справочников - 16, интернет-источников - 23. Общий объем работы составляет 186 страниц.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ЧЕЧЕНСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

1.1. Фразеология как раздел языкознания

В переводе с греческого языка термин «фразеология» обозначает «оборот речи» или «выражение» [phrasis — «выражение, оборот речи» и logos — «учение»] [Жеребило, 2010: 253]. В лингвистической науке термином «фразеология» обозначается устойчивое словосочетание, которое исследуется еще с античной эпохи. В отечественном языкознании существует значительное количество научных работ и публикаций ученых-лингвистов в области фразеологии, представлены различные исследования по языкам народов РФ, а также, по иностранным языкам.

Следует отметить, что для любого языка является характерным постоянная изменчивость его лексического состава, которое непосредственно отражает жизнь народа и постоянно меняется, пополняя словарный состав новыми словами, т.е. обновляется лексический уровень языка. В процессе сравнительно-сопоставительного анализа языка существенную и немаловажную роль играет знание семантики слова и устойчивого словосочетания. Изучение фразеологизмов как исследовательских языковых единиц является прерогативой науки фразеологии, что стало предметом исследования ученых-фразеологов (см. Ш. Балли (1961), Н. Н. Амосов (1963), В. В. Виноградов (1972), А. В. Кунин (1996), А. В. Терентьева (1997), С. В. Татаренко (1999), Мифтахутдинова (2003), Н. С. Каймазова (2005), С. Г. Каримова (2007), М. Б. Талапина (2008), S. Granger, F. Meunier (2008), А. Н. Любова (2009), А. Г. Ахиярова (2010), G. Knappе, L. Pinnavaia (2010), A. Naciscione (2010), Brendan S.Gillon (2015), E. Funtek (2015), М. А. Сорокина (2018), Dabrowska Anna (2018), Dixon (2020), А. Г. Гурочкина (2021), Shiqing Zhou (2021), E. Osipova, E. Vagrova (2021) и др.), которые предложили

оригинальные классификации фразеологизмов. Anita Naciscione отмечает, что в последние десятилетия наблюдается растущий интерес к различным аспектам фразеологии. Автор связывает это с основанием «в 1999 году Европейского общества фразеологии (EUOPHRAS), которое стало центром фразеологических исследований, организующим регулярные конференции и другие мероприятия» [Naciscione, 2010: 180].

Считается, что Ш. Балли, швейцарский лингвист французского происхождения, стал основоположником фразеологии как науки. Как известно в своих работах, посвященных стилистике французского языка, «он уделял большое внимание описанию таких единиц, как сочетание слов» [Балли, 1961: 21]. Прежде всего отметим, что фразеология – это не отдельная наука, а раздел лексикологии, приравнивающая фразеологические сочетания к слову. Однако, известный отечественный ученый-лингвист В. В. Виноградов первым «представил определение основным понятиям фразеологии» [Виноградов, 1972: 32]. Большинство языковедов придерживается широкого определения термина «фразеология»:

- 1) это совокупность фразеологизмов данного языка;
- 2) раздел языкознания, изучающий фразеологический состав языка [Кочерган, 2005: 77]. Более узкое толкование термина встречаем в работе А. В. Кунина: «Фразеология – это наука о фразеологических единицах, то есть устойчивых сочетаниях слов с осложненной семантикой» [Кунин, 1972: 82].

Нужно отметить, что термины фразеологизм, фразеологический оборот могут рассматриваться как синонимы, как «лексико-грамматическое единство двух и более компонентов, грамматически организованных по модели словосочетания или предложения, которые, имея целостное значение, воспроизводятся в речи традиционно, автоматически» [Соловьева, 2007:127].

Некоторые исследователи дополняют этот синонимический ряд термином фразема, однако, и, до сих пор, лингвисты дискутируют по поводу возможности соотнести все эти понятия. Основными чертами ФЕ являются воспроизводимость в процессе коммуникации и целостность значения.

Между тем, предпосылки для дискуссии по фразеологии были заложены еще в XIX в. А.А. Потебней. Как отдельная лингвистическая дисциплина она возникла в 40-х годах XX века. Становление данной науки связано с идеями французского языковеда Ш. Балли, а также с исследованиями (см. Е. Д. Поливанова, Л. А. Бурлак (1955), В. В. Виноградова (1972) и др.), которому принадлежит определение основных понятий, объема и задач фразеологии. Однако, и в настоящее, время немало вопросов, имеющих непосредственное исследовательский интерес к фразеологии, которые остаются предметом исследования ученых-фразеологов. Исследовательская тематика разнообразна, среди них: определение фразеологизма и критерии его выделения; соотношение между фразеологизмом и словом, словосочетанием и предложением; принципы классификации ФЕ; семантические и грамматические свойства фразеологизмов и т.д.

Фразеологическая структура языка и сама языковая система подвержены развитию, с учетом многих, собственно лингвистических и экстралингвистических факторов. В связи с этим представляется возможным использовать в отношении фразеологии термины «диахрония» и «синхрония». Фразеология имеет системный характер и системные связи во фразеологии обнаруживаются не только между составляющими ФЕ компонентами, но и между самими фразеологизмами. Таким образом, исходя из системности фразеологии как языковой структуры, из синхронного и диахронного подходов к ней, из конкретных, входящих в состав фразеологизмов лексем, и их значений, и других признаков, представляется возможным отметить, что фразеология определенного языка носит исторический характер и имеет ярко выраженные национальные черты. Фразеологический фонд языка – это заключенная в языковые рамки история народа, его культурно-исторические традиции, особенности его быта, своеобразие ландшафта, территории обитания народа и т.д.

В своеобразии условий жизни народа, его истории и заключается национальная специфика фразеологической системы языка каждого народа.

Наряду с специфичными национальными фразеологизмами, данные языковые единицы имеют также и интернациональные аналоги англ. *between Scylla and Harybda* – русск. «*между Сциллой и Харибдой*»; англ. *neither fish nor flesh* – русск. «*ни рыба, ни мясо*». Как отмечает Е. В. Шепелева «Фразеологический фонд – сложный конгломерат собственно фразеологизмов данного языка и заимствованных фразеологизмов. В некоторых фразеологизмах сохраняются архаические элементы» [Шепелева, 2012: 160].

По мнению многих исследователей, фразеология относится к самой специфической и национально-самобытной области языка. Ю. П. Сологуб отмечает «Специфика фразеологических единиц является следствием, происходящих в языке экстралингвистических процессов» [Сологуб, 2002: 128]. Благодаря наличию в языке большого количества ФЕ ученые располагают информацией, касающейся народа-носителя языка, его культуры, истории.

В связи с широким пониманием в лингвистической науке фразеологии к ним относят идиомы, фразеологические сочетания и устойчивые фразы (пословицы, крылатые выражения, фразы-приветствия и т.д., которые нередко выходят за пределы словосочетаний). В узком смысле – это лишь идиомы и устойчивые сочетания слов, функционально соотносимые со словом, как номинативной единицей языка. Ввиду этого фразеологизмы – это языковые знаки вторичной номинации, как бы находясь на промежуточном уровне языка, на стыке лексико-семантического и синтаксического уровней, где особенность промежуточного уровня заключается в том, что она не имеет собственных языковых единиц. Фразеологические единицы возникают на одном уровне, а функционируют как единицы другого уровня. Фразеологизмы возникают в синтаксисе, а функционируют на равных правах со словом в лексико-семантической системе; это своеобразные лексемы-многочлены, структура фразеологизма

совпадает со структурой словосочетаний или предложений, а значение – со значением лексических единиц.

Таким образом, фразеология изучает специфику лексических единиц, как знаков вторичной номинации, их значение, структуру, характер их внешних лексико-синтаксических связей, а также их экспрессивно-стилистические признаки и системные связи с другими ФЕ и словами. Исследователи-лингвисты также разрабатывают принципы выделения и классификацию фразеологизмов, методы их изучения, приемы лексикографической обработки. Важной задачей фразеологии является исследование ее национально-языкового и социокультурного своеобразия, поскольку она в каждой языковой культуре имеет индивидуально-специфический план выражения, фиксируя национальный характер и ментальные параметры родного языка. Отсюда следует, что «подавляющее большинство фразеологизмов невозможно перевести на другие языки» [Маслова, 2001: 91]. Таким образом, существующие в специальных научных трудах определения ФЕ как «украшений» или «языковых излишеств» в настоящее время не отражают сути этого явления. ФЕ, как устойчивые образования, существуют практически во всех известных языках мира, отражая национальный колорит, являясь универсальным языковым явлением, содержащим этнокультурную информацию, причем, безотносительно к наличию или отсутствию письменной традиции языков.

Сложность научного осмысления фразеологии заключается в различии исследовательских подходов к данной изыскательской проблеме. Вместе с тем активизация исследовательских работ объясняется тем, что фразеологические системы различных гомогенных и гетерогенных, разноструктурных языков народов мира содействует выработке общей теории фразеологии в мировой лингвистической науке. Учет специфики и своеобразия фразеологии, как раздела лингвистической науки, учет содержания фразеологических систем различных языков, сравнительно-сопоставительный анализ разноструктурных фразеологических систем,

особенно актуален для переводческой деятельности, для преподавания языков (прежде всего иностранных в школьной и вузовской практике) и межкультурной коммуникации. Специфика и своеобразие фразеологической системы предполагает и комплексный исследовательский подход при исследовании данных языковых единиц, междисциплинарность исследовательских научных направлений, в том числе не только собственно языковедческих (лексических, лексикографических, морфологических, синтаксических, лингвостилистических, этимологических, лингвокультурологических, лингвострановедческих), но и лингвофилософию, социокогнитивистику, социолингвистику, переводоведение, психолингвистику, логику и т.д. Изучение и исследование фразеологии, начавшееся, относительно недавно, достигло в современной научной парадигме больших исследовательских масштабов, вследствие чего, небезосновательно выделяется в самостоятельную лингвистическую дисциплину. Отметим, что в современных исследовательских работах описано фразеологическое содержание многих литературных произведений, изучены грамматические и стилистические свойства различных групп фразеологизмов, высказаны и определены исследовательские подходы по поводу критериев их определения и классификации, составлены и изданы фразеологические словари чеченского, английского, русского и ряда других языков. Вместе с тем, и количественная статистика фразеологии, и ее структура понимаются разными авторами по-разному, в связи с чем трудно ожидать, что в обозримом будущем будут найдены какие-то неоспоримые доказательства в пользу той или иной точки зрения. Несложно заметить, что в разнообразных исследованиях, представляющих разные научные школы представлены различные группы фразеологизмов, выделенные на основе неоднородных признаков. В связи с этим становится понятным стремление ряда исследователей, в частности В.В. Виноградова (1972), З.Н. Анисимовой (1952), Г. М. Никитиной (1972), С. Г. Каримоваой (2007), А. Н. Любовой (2009), Ю. П. Сологуб (2002), М.Р. Овхадова (2012) Е. В. Шепелевой (2012),

К. А. Сидоркина (2014) и др., более четко определить границы того, что они считают фразеологией, оставив ее за пределами словосочетаний, которые не соответствуют выдвигаемым критериям. Так, словосочетания, которые многими исследователями после В. В. Виноградова стали называться «фразеологическими сочетаниями», имеют такое свойство как «семантическая нерасчлененность значения» [Виноградов, 1972: 32]. Выказаны мнения и о том, что «сочетание в слове хотя бы двух значений автоматически превращает каждое из них в несвободное, контекстуально-связанное» [Анисимова, 1952: 10]. Таким образом, если фразеологизмы определяются как словосочетания, значение которых необоснованно значением, созданным при помощи слов, образующих словосочетание, то за пределами фразеологии должно остаться множество, так называемых составных наименований, выступающих в качестве «эквивалентов слова». Мы должны признать, что сами понятия «нерасчлененность целого», «эквивалентность слову», а также «мотивированность» не имеют точного определения. Действительно, когда мы говорим о семантической «нерасчлененности», то имеем в виду целостность значения сочетания отдельных слов, которое является неделимым, а потому оно эквивалентно слову, в связи с чем должно быть определено как фразеологическое. Остановимся на том, что одним из признаков является «немотивированность значения (идиоматичность) фразеологизма». Но здесь опять-таки возникают трудности различного типа. Во-первых, непонятно, как на основе признака семантической немотивированности можно отнести к фразеологии мотивированные словосочетания, такие как, например, *опустить глаза*. Во-вторых, спорным остается само понятие немотивированность, если речь идет о том, что словосочетание может иметь какое-то значение, то мы никак не можем считать немотивированным такое словосочетание как *камень преткновения*. Напротив, это значение необходимо признать полностью мотивированным, по причине того, что в данном словосочетании каждое слово, входящее в него, может иметь только одно значение, из которого

вытекает значение целого. С другой стороны, значительная часть фразеологического лексического пласта языка состоит из таких словосочетаний, которые характеризуются «мотивированностью» своего значения. Исследователям-фразеологам, кажется, более уместным, рассматривать словосочетание не с точки зрения их мотивированности-немотивированности, а с точки зрения «образности». Но в таком случае объем фразеологии придется значительно сузить, так как языковые единицы всех уровней языка характеризуются парадигматическими и синтагматическими отношениями. В отличие от фонем, единицы лексики имеют и третье измерение, то есть имеют значение, а способ представления значения определяет внутреннюю форму и, тем самым, третий вид связи ФЕ с другими единицами.

Краткие выводные данные параграфа свидетельствуют, что фразеологический пласт любого языка отражает самобытную культуру народа, лингвокультурные и ментальные параметры, верования и традиции этноса. В состав ФЕ входят слова и словосочетания, которые отличаются постоянством и воспроизводимостью своей семантики и структуры, а с пополнением фразеологического пласта лексики языка, обогащается и развивается культура народа. Представляется обоснованным мнение о том, что фразеологические словосочетания восполняют в значительной мере дефицит в словарно-понятийной структуре языка, являясь названиями различных реалий развивающегося мира в синхронно-диахронном аспекте.

1.2. История исследования фразеологии в чеченском языке

Диахронный аспект исследования чеченской фразеологии, как и, собственно, чеченского языка, не имеет длительных научно-разработанных характеристик. Вследствие того, что осуществление научно-методологических вопросов нахского языкознания, относительно последовательно было начато в советское время и прерывалось периодически

трагическими событиями для чеченского народа и для страны в целом (Великая Отечественная 1941-1945 гг., депортация чеченского народа), а также, не менее значимыми, как для чеченского, так и для других языков народов бывшего СССР событиями (например, латинизацией и последовавшей кириллизацией), началом планомерных исследований в чеченской лингвистической науке можно считать 60-е годы XX века. В своей диссертационной работе «Экспрессивно-стилистическая характеристика фразеологизмов чеченского языка» (Лейден, 2006) Д. Б. Байсултанов пишет: «Фразеология чеченского языка в настоящее время представляет собой один из наименее исследованных разделов нахождение, так как ее специальным изучением лингвисты стали заниматься сравнительно недавно. Исследователи словарного состава чеченского языка довоенного периода (до начала 40-х гг. XX века – примеч. М. Э.) не выделяли фразеологизмы в особую группу, а объясняли их в том и ином объеме в сборниках пословиц, поговорок, крылатых выражений и в двуязычных, и терминологических словарях» [Байсултанов, 2006: 19]. Далее, Д. Б. Байсултанов отмечает, что «в языковедческих трудах по чеченскому языку 30-х годов XX века отсутствует и сам термин «фразеология» [Байсултанов, 2006: 19]. О недостаточной исследованности чеченской фразеологии пишет А. И. Халидов в «Словаре лингвистических терминов чеченского языка» [Халидов, 2012: 145]. Обращает на себя внимание неразличение в первых работах, в какой-либо мере затрагивающих чеченскую фразеологию понятий «фразеологизм» и «фразеология», что свидетельствует и о состоянии чеченской фразеологии, как раздела науки о языке 60-70-х гг. XX века. В ряде публикаций этого периода (научных и учебных) термин «фразеология» используется и для обозначения раздела «фразеология» [Арсаханов, 1965: 15]. Необходимо подчеркнуть, что перечисленные выше издания являются учебниками для вуза и педучилища, и во всех этих изданиях имеет место неразличение понятий «фразеология» и «фразеологизм». Таким же образом, представлено толкование фразеологии, фразеологического оборота или фразеологизма в

учебнике «Чеченский язык» для 10-11 классов: «Дешнийн чIагIделлачу цхьаьнакхетарх фразеологически цхьаьнкхетар я фразеологи олу (я фразеологически корчам). Фразеологически цхьаьнакхетарш Iамочу лексикологин декъах а, дешнийн фразеологически цхьаьнакхетарх а – цу шиннах а фразеологи олу. Фразеологически цхьаьнакхеттачу дешнех фразеологизмаш олу» [Джамалханов, М. Ю. Мачигов, 1972: 48], - *«Устойчивое сочетание слов называется фразеологическим сочетанием или фразеологией (или фразеологическим оборотом). Раздел лексикологии, изучающий фразеологические сочетания, и фразеологическое сочетание слов – они оба называются фразеологией. Фразеологически соединенные слова называются фразеологизмом»* (перевод наш – М. Эльжуркаева).

Определяющие научно-лингвистические работы, посвященные чеченской фразеологии, принадлежат А. Т. Карасаеву, который в 1975 году опубликовал такие статьи, как «Классификация фразеологических единиц чеченского языка по их семантическим признакам» и «Структурные типы фразеологических единиц чеченского языка» [Карасаев, 1975: 65; 66]. В 1980 году анонсированы ещё две работы А. Т. Карасаева «Основные типы фразеологических единиц чеченского языка с точки зрения их семантической слитности», «К вопросу о времени возникновения некоторых фразеологических единиц чеченского языка» [Карасаев, 1980: 68, 69]. Попытка определения предмета и задач фразеологии чеченского языка и классификации фразеологизмов по частям речи (т.е., по ключевым словам, как об этом сказали бы в настоящее время), была предпринята А. Г. Мациевым, который в 1973 году опубликовал научную статью «Очерки лексикологии современного чеченского языка» [Мациев, 1973: 92]. Далее, в разделе «Очерки лексикологии современного чеченского языка» А. Г. Мациев отмечает: «Специальных работ по фразеологии чеченского языка в нахской лингвистической литературе нет. Вопрос этот требует глубокого и всестороннего исследования с точки зрения семантической слитности фразеологических единиц и их стилистического использования в

художественной и общественно-публицистической литературе» [Мациев, 1973: 92]. Далее, языковед А. Г. Мациев обращает внимание на то, «что в чеченском языке широко распространены устойчивые неразложимые сочетания слов, отдельно взятые слова, в которых теряют присущий им смысл и выступают как звенья сложного целого» [Мациев, 1973: 92]. В выше указанной работе А. Г. Мациев дает следующую классификацию фразеологизмов «по частям речи»:

1) субстантивные фразеологизмы:

нохчийн гериг – «чеченская (желобчатая) черепица»;

Ча такхийна тача – *Млечный Путь* (созвездие), перевод букв. «*соломы протащенный след*»;

бIаьргах духку куьзганаш – «*очки*» (стекла, зеркала, надеваемые на глаза).

2) глагольные фразеологизмы:

юьхьIаьржа хIотта – «*опозориться*» перевод букв. «*лицо черным стать*»;

корта олло – «*загрустить, затосковать*» перевод букв. «*голову повесить*»;

бала хьега – «*муку, горе испытывать; страдать*».

3) адъективные фразеологизмы:

стим санна къаьхьа – «*горький как желчь*»;

барзал майра – «*волка храбрее*»;

цхьогалал мекара – «*лисы хитрее*».

4) адвербиальные фразеологизмы:

бага са а кхаьчна – «*впыхах*» перевод букв. «*в рот душа подошла*»;

ницкъ ма кхоччу – «*изо всех сил*» перевод букв. «*сил (сколько) хватает*».

5) фразеологизмы междометного характера:

гIагI-аьлла! – «*навзрыд*» букв. *гIагI* «*сказав*».

Следует заметить, что часть так называемых «фразеологизмов междометного характера», приводимых А. Г. Мациевым, в качестве примеров, таковыми, по нашему мнению, не являются. Например, чеченск. гПога юийла – русск. «*кушай на здоровье*» перевод букв. «*без горя, без несчастья кушай, приятного аппетита*»; чеченск. некъ дика хуьлда хьан! «*счастливого пути*» перевод букв. «*дорога хорошая была (чтобы) у тебя!*». Здесь, прежде всего, мы «имеем формулы пожеланий, иногда с определенным восклицанием. С грамматической точки зрения, они являются не сочетаниями, а предложениями» [Мациев, 1973: 92]. Также, «не являются фразеологизмами предложения: чеченск. ЭхI! ма хаза суйре ю хIара – русск. «*Какой прекрасный вечер!*» букв. «*Ох! Какой красивый вечер этот*»; чеченск. Ваттай ма тамашийна хIума ю иза – русск. «*Ой, какая удивительная вещь это!*» [Мациев 1973: 92]. В данных примерах, разумеется, имеются междометия, есть восклицание, но фразеологическими сочетаниями эти предложения не являются.

б) модальные фразеологизмы:

ала дашна – «*к слову сказать (букв. сказать к слову)*»,

бакъдерг аьлча – «*правду сказать*». Данный пример А. Г. Мациевым приводится дважды: как фразеологизм адвербиальный и как модальный [Мациев, 1973: 92].

7) союзные фразеологизмы:

делахь а – «*несмотря на то, что*»,

хIетте а – «*тем не менее*»,

хIунда аьлча – «*потому что*».

В своей научной работе А. Г. Мациев отмечает, что «наиболее распространенными и продуктивными в чеченском языке являются субстантивные, глагольные, адъективные и адвербиальные фразеологизмы» [Мациев, 1973: 92]. В своей работе ученый-лингвист в качестве фразеологизмов приводит проклятия, заклинания и пожелания. Как правило, «окончанием глагольной основы в таких фразеологических оборотах

являются форманты *-йла, -ийла*: дукха вехийла хьо «*да поживаешь ты долго*» [Мациев, 1973: 92]. Пословично-поговорочные конструкции чеченского языка А. Г. Мациев также относит в разряд фразеологизмов, опираясь на мнение И. В. Арнольд: «... они (пословицы) часто дают базу для образования фразеологизмов и характеризуются теми же лексико-стилистическими особенностями в отношении образности, ритма, рифмы, аллитерации и т. д.» [Арнольд, 2012: 13]. Однако, можно заметить, этой ссылки на указанную работу И. В. Арнольд, какой-либо классификации или выводов в отношении пословиц и поговорок, как и в отношении проклятий, заклинаний и пожеланий, в анализируемой работе А. Г. Мациева не приводится. В качестве примеров ученый приводит такие пословицы и поговорки как: чеченск. Палс ма-ббу хеца ког, – русск. *По ковру и ноги протягивай*; чеченск. Кхана хуттур аьлла глелан цлога хоттаза дисна, – русск. *Не приделали хвост лани, отложив на завтра, так и остался неприделанным*; чеченск. Цлей, хий цхьана тарлац. – русск. *Огонь и вода вместе не ужились*» [Мациев 1973: 92]. Отметим, что понятия «пословица» и «поговорка» в чеченском языке и чеченском языкознании не дифференцируются. Общим термином для этих понятий в чеченском языке является термин «кица» [Овхадов, 2011: 103]. Далее, в научной лингвистической литературе не отмечено, что «подобного разграничения нет и в ингушском, и в осетинском языках» [Овхадов, 2011: 103]. Содержательная часть раздела «Фразеология современного чеченского языка», опубликованная в учебнике «Очерки лексикологии современного чеченского языка», в 1973 году, после кончины А. Г. Мациева, свидетельствует о начальной стадии разработки фразеологии чеченского языка, так как по объему этот раздел занимает 14 страниц «Очерков лексикологии современного чеченского языка» [Мациев, 1973: 92]. Заслуга А. Г. Мациева в научных изысканиях по фразеологии национального языка состоит в том, что им положен «первый камень» в основу исследования данной проблемы в нахском языкознании, в чеченской филологической и

лингвофольклористической науке. Отметим, что представленная квалификация «укладывается» в каноны общей науки фразеологии и, прежде всего, опирается на научные труды, посвященные исследованию русской фразеологии» [Мациев, 1973: 92].

Первой значительной по объему и содержанию работой по чеченской фразеологии является докторское исследование Д. Б. Байсултанова «Экспрессивно-стилистическая характеристика фразеологизмов чеченского языка», опубликованное в Бельгии (Лейден) в 2006 году [Байсултанов, 2006: 19]. В научных публикациях и материале докторского исследования анализируется состояние научной дисциплины фразеология в чеченском языке и представлены перспективы исследовательских направлений и пути развития данного научного направления, определены некоторые критерии анализа фразеологического материала лексического уровня, высказана авторская точка зрения о семантической слитности ФЕ, определены основные признаки, характеризующие фразеологические средства художественной выразительности в текстовом пространстве, дана характеристика ФЕ с экспрессивно-стилистической точки зрения и определена частотность их использования в чеченском литературном языке в функционально-стилистическом отношении. В своем научном исследовании ученый-лингвист охарактеризовал основные признаки ФЕ чеченского языка, их состава, обосновал принципы разграничения фразеологизма и слова в нахском языкознании. Определенное внимание автор исследования уделил ФЕ с ситуативной и тематической точек зрения. Следует отметить, что Д. Б. Байсултанов охарактеризовал основные пласты отраслевой фразеологии чеченского языка и отмечает: «Поскольку изучение фразеологии нахского языкознания не получило достаточного развития, в своей работе мы опираемся в целом на общетеоретические разработки, существующие в исследованиях фразеологии русского и иберийско-кавказских языков, в частности – грузинского и дагестанских (аварского, лезгинского, даргинского, лакского и др.)» [Байсултанов, 2006: 19].

Необходимо подчеркнуть, что первой попыткой анализа фразеологического пласта в конкретном художественном произведении является статья З. Х. Хамидовой «Фразеологизмы в комедии А.-Х. Хамидова «Бож-Али» [Хамидова, 1976: 146], изданного на чеченском языке в журнале «Орга» №3, в 1976 году. В произведении А.-Х. Хамидова автор статьи выделяет следующие группы фразеологизмов «идиомы из разговорной речи, пословицы и поговорки, народные крылатые изречения; фразеологические сочетания из чеченского литературного языка; фразеологические сочетания индивидуально-авторские (т.е. окказиональные)» [Хамидова, 1976: 146]. Классификация З. Х. Хамидовой свидетельствует о том, что автор статьи применяет широкое толкование термина «фразеологизм», относя к фразеологии и паремии, т.е. пословицы и поговорки. Следует сослаться на исследование Дадаша и Дауда Байсултановых, опубликованное в 1984 году в журнале «Орга» № 4 «Об использовании фразеологизмов в чеченской художественной литературе» [Байсултанов, 1984: 17] на чеченском языке. Заглавие очерчивает аналитическое поле статьи, художественное и фольклорное текстовое пространство чеченской художественной литературы, с точки зрения функционирования в художественном произведении национальной фразеологии. Хотелось бы отметить, что указанная работа известных в Чеченской Республике и далеко за ее пределами ученых значительно шире по содержанию, чем предполагает обозначенная тема статьи. Еще одна значимая с точки зрения фразеологии работа Д. Б. Байсултанова «Образные сравнения чеченского языка» вышла в свет в 1992 году. Данное исследование было посвящено лексико-семантическим и экспрессивно-стилистическим свойствам ФЕ [Байсултанов, 1992: 18]. В научной статье на материале чеченского устного народного творчества рассмотрены более трехсот фразеологических сочетаний слов со сравнительным значением (с союзом «санна» – как), так как ФЕ с компонентом «санна» (как) составляют специфическую по образности и значительную по количеству группу фразеологизмов чеченского языка.

Затрагивая вопрос о фразеологизмах со значением сравнения в чеченском языке, в том числе и с союзом «*санна*», представляется необходимым назвать работы З. Х. Хамидовой и Р. Д. Шамилевой [см. Хамидова, 1976: 146; Хамидова, 2007: 148; Шамилева, 2012: 156; Шамилева, 2018: 157]. Первые исследования, посвященные сравнению в чеченских пословицах и поговорках, принадлежат Р. Д. Шамилевой, которая отмечает: «... среди средств образности в чеченском языке одним из самых распространенных является сравнение, лежащее в основе большинства тропов» [Шамилева, 2018: 157]. З. Х. Хамидова подчеркивает: «Выразительность сравнения подчеркивается тем, что читатель представляет сразу два явления – описываемое и то, с которым оно сопоставляется» [Хамидова, 2007: 148]. В публикациях, ранее указанных, рассматривается преимущественно один способ сравнения в чеченских фразеологизмах – с компонентом «*санна*» (*как*), а в работах Р. Д. Шамилевой выделяются несколько способов сравнения в чеченских пословицах и поговорках, в которых фразеологизмы (т.е. устойчивые сочетания), как правило, и употребляются. Наряду с компонентом «*санна*» Р. Д. Шамилева выделяет следующие способы: с использованием «*терра/тера*» (наподобие, вроде):

чеченск. Орамах *терра хуьлу стом а*, - «*Корню подобен бывает и плод*» (перевод наш – М. Эльжуркаева).

чеченск. Кхерче *терра хир ду кхаллар а*, - «*Печи подобен будет и хлеб*» (перевод наш – М. Эльжуркаева) [Шамилева, 2018: 157]. Подчеркнем, что другой способ сравнения – сравнительный падеж, который по своей семантике и названию непосредственно указывает на сравнение. С частеречной точки зрения сравнение может быть выражено главным образом сравнительным падежом имени существительного, прилагательного (преимущественно самостоятельного), числительного, местоимения, наречия, самостоятельного причастия. Например:

чеченск. Мотт туьрал а, шаьлтанал а ира бу, къаьхъачул дӀаьвше бу, - «*Язык острее сабли и кинжала, ядовитее желчи*» (букв. горького) (перевод наш – М. Эльжуркаева);

чеченск. Йовдалчул Йовдал ву Йовдална тӀаьхъахӀуттург, - «*Глупого глупее за глупым идущий*» (перевод наш – М. Эльжуркаева);

чеченск. Цхьаннал шиь тоьлла, шиннал – кхоь, - «*Одного трое превзошли, двоих – трое*» (перевод наш – М. Эльжуркаева) [Шамилева, 2018: 157].

Наиболее продуктивным способом передачи сравнения в чеченской фразеологии является использование компонента «санна». Например: Цкъа а лийр воцуш санна дуьне а лаха, кхана лийр волуш санна Тамал а е, - «*Трудись (т.е. ищи блага), как будто будешь жить вечно, служи Всевышнему, как будто умрешь завтра*» (перевод наш – М. Эльжуркаева). В работе Р. Д. Шамилевой выделяются и некоторые другие способы передачи сравнения в чеченских поговорках [Шамилева, 2012: 156]. Считаем необходимым отдельно затронуть вопрос о фразеологии, фразеологизме, пословицах и поговорках, и их соотношении.

Таким образом, изучение общетеоретических исследований, прежде всего, по русской фразеологии (на которые опирается чеченская фразеология преимущественно), а также по кавказским языкам свидетельствует о двойном рассмотрении проблемы соотношения устойчивых сочетаний, пословиц и поговорок, с одной стороны, и их включения или невключения во фразеологию как предмета исследования, с другой. Мы подразумеваем двойное толкование понятия «фразеология» – в широком смысле и в узком. Широкое толкование термина «фразеология» позволяет включить все виды устойчивых выражений: устойчивые (фразеологические) словосочетания, пословицы и поговорки, крылатые слова, речевые штампы. В этом случае общим признаком, объединяющим их в категорию «фразеология», выступает воспроизводимость в речи. Среди исследователей фразеологии чеченского языка также отсутствует единое мнение по этому вопросу (см. А. Г. Мациев

(1973), А. Т. Карасаев (1975, 1980), И.Ю. Алироев (1978), Д. Б. Байсултанов (1984, 2006), Хамидова (1976, 2007), Р. Д. Шамилева (2011, 2018), М. Р. Овхадов (2012), В.Д. Тимаев (2007) и др.). Очевидно, грамматические, в первую очередь синтаксические характеристики этих устойчивых единиц, в данном случае не учитываются, а узкое толкование термина «фразеология» предполагает включение во фразеологию только устойчивых сочетаний. Данное, узкое толкование учитывает структуру устойчивых единиц, но при этом не включает пословицы и поговорки, крылатые слова и афоризмы, как предложения в фразеологический пласт.

Касательно чеченского языкознания, по нашему мнению, заслуживает внимания точка зрения таких ученых, как М. Р. Овхадов и Р. Д. Шамилева, утверждающих, что «отграничение фразеологизма от пословиц и поговорок должно осуществляться на основе синтаксической структуры: фразеологизм – словосочетание, пословица – предложение. Лингвистическая характеристика пословицы должна учитывать это, несмотря на общность некоторых других признаков (воспроизводимости, устойчивости и др.)» [Овхадов, 2011: 103]. Следует отметить, что аналогичное, узкое мнение, высказано В. Д. Тимаевым в его вузовском учебнике [Тимаев, 2007: 134]. В диссертационном исследовании мы, также, придерживаемся мнения, что фразеологизм – это устойчивое словосочетание (а не предложение). Исходя из узкого толкования термина «фразеологизм», в учебнике чеченского языка В. Д. Тимаева представлены «следующие типы фразеологических сочетаний: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания» [Тимаев, 2007: 134]. Мнение В. Д. Тимаев характеризуется тем, что фразеологизмом, по его мнению, является словосочетание, которое понимается нами из фразы: Предложенина а, дашна а юккъехь лаьтташ ду ша-тайпа синтаксически дакъа – дешнийн цхьаьнакхетар (словосочетани), – *«Между предложением и словом стоит своеобразная синтаксическая часть (единица) – сочетание слов»* (перевод наш – М. Эльжуркаева) [Тимаев, 2007: 134]. Далее, конкретизируя сказанное, В. Д. Тимаев пишет: Дешнийн паргIат

доцчу, ч1аг1деллачу цхъаьнакхетарех фразеологизмаш олу, - «Не являющиеся свободными, связанные (устойчивые) сочетания слов называются фразеологизмами» (перевод наш – М. Эльжуркаева» [Тимаев, 2007: 134]. Таким образом, В. Д. Тимаев в своем вузовском учебнике чеченского языка выделяет указанные выше 3 ФЕ: сращения, единства и сочетания. В качестве примеров автор учебника приводит следующие фразеологизмы: сращения – хъапар-чупар, бурч йохка; лергах мехий даха; да ват1а хьо белхан; шеен ден мерах яхийтира цо и-м» [Тимаев, 2007: 134]. Несмотря на то, что фразеологизмом ученый-исследователь считает словосочетание (устойчивое), последние 2 примера – да ват1а хьо белхан; шеен ден мерах яхийтира цо и-м – по своей структуре являются предложениями (Ср. последний пример: *Через нос своего отца (хозяина) отправил он это*). В. Д. Тимаев отмечает, что значения фразеологических сочетаний не зависят от значений, входящих в их состав отдельных слов. Примерами фразеологических единств В. Д. Тимаев считает «следующие фразеологизмы: чеченск. нахала вала аналог «опозориться», чеченск. дуьненах б1аьрг тоха перевод букв. «на мир взгляд (глаз) бросить», чеченск. дог 1овжо перевод букв. «сердце обжечь, ужалить». Автор отмечает, что значение этого типа фразеологизмов в некоторой степени зависит от значений, входящих в них слов» [Тимаев, 2007: 134]. К фразеологическим единствам «лингвист-ученый относит также словосочетания типа: чеченск. кад-1айг русск. «посуда» – перевод букв. чашка-ложка», чеченск. юург-мерг русск. «еда» перевод букв. «пища-питье» и др.» [Тимаев, 2007: 134]. Фразеологическими сочетаниями, по мнению ученого, «являются те ФЕ, одно из слов, которое является несвободным, связанным по значению и может употребляться только в данном сочетании» [Тимаев, 2007: 134]. В качестве примеров приводятся следующие сочетания: чеченск. къемат де «русс. судный день», чеченск. б1аьргаш къарзо русск. «глаза раскрыть» перевод букв. «глаза растаращить». В 1965 году издан вузовский учебник «Современный чеченский язык» под редакцией И. А. Арсаханова, в котором не

представлены типы фразеологических сочетаний по степени спаянности компонентов. Кроме того, автор учебника подчеркивает, что часть фразеологизмов по своей структуре является предложениями. Отсюда, нам становится понятным, что «указанный автор исходил из широкого толкования термина «фразеологизм», включая во фразеологию пословицы и поговорки» [Арсаханов, 1965: 15]. В учебном издании для вузов на фразеологию отведена только одна страница, что свидетельствует о научно-исследовательском состоянии данного раздела лексического пласта чеченского языка. Приблизительно, в таком же объеме рассмотрена фразеология чеченского языка в работе З. Д. Джамалханова и М. Ю. Мачигова «Чеченский язык: 1 часть» (Грозный, 1972) [Джамалханов, Мачигов 1972: 48]. В параграфе, посвященном фразеологии, авторы подчеркивают: «Фразеологина юкъа догӀуш ду халкъан кицанаш а, яздархоша а, Ӏилманхоша а, юкъараллин деятельша а аьлла долу хьекъале ира дешнаш (цитаташ) а», - *«Во фразеологию входят народные пословицы (поговорки), сказанные писателями, учеными, общественными деятелями умные острые слова (цитаты)»* (Здесь и далее пер. наш – М. Э.) [Джамалханов, Мачигов 1972: 48].

По нашему мнению, в двух последних учебных изданиях, такое «широкое» толкование связано не столько с глубоким всесторонним подходом к чеченской фразеологии на фоне общетеоретических исследований, сколько со слабой развитостью на тот период самого чеченского языкознания как лингвистической науки, и, в первую очередь, фразеологии, как ее части. В таком контексте, в нахском языкознании демонстрируется то, что фразеологией считали «все образное». Необходимо рассмотреть подробно и разносторонне, как чеченская фразеология рассматривается в учебном пособии для вуза И. Ю. Алироева и М. Р. Овхадова «Иноязычная лексика в чеченском и ингушском языках» (1978) [Алироев, Овхадов, 1978: 7]. В этом издании, в отличие от некоторых других изданий учебного характера, дано четкое определение фразеологизма,

которое определено так «фразеологизм – это устойчивое с точки зрения семантики, лексики, структуры словосочетания, характеризующегося воспроизводимостью [Алироев, Овхадов, 1978: 7]. Также, очевидно, что фразеологизмом авторы считают устойчивое сочетание (а не предложение). С точки зрения спаянности компонентов И. Ю. Алироев и М. Р. Овхадов выделяют фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания, фразеологические выражения. При этом авторы отмечают, что «семантика фразеологических сращений и единств не зависит от смысла входящих в них компонентов. Семантика же фразеологических сочетаний и выражений зависима от смысла входящих в эти сочетания и выражения слов» [Алироев, Овхадов, 1978: 7]. В данной работе представлена и семантическая классификация фразеологизмов, с точки зрения которой фразеологизмы делятся на различные пожелания (пожелания добра, зла; клятвы, угрозы; поздравления со свадьбой, завершением каких-то значимых дел; фразеологизмы-формулы, связанные со встречей или расставанием; ласки и т.д.). Также, в учебном пособии «приведена и структурная классификация фразеологизмов: глагольные, субстантивные, наречные, адъективные, междометные, модальные, союзные фразеологизмы» [Алироев, Овхадов, 1978: 7]. Авторами при составлении учебного пособия учтены исследования А. Т. Карасаева. Фразеологический лексический пласт чеченского языка в учебном пособии И. Ю. Алироева, М. Р. Овхадова рассмотрен значительно шире и глубже, чем в других учебных изданиях по чеченскому языку, занимая 12 страниц. В словаре лингвистических терминов чеченского языка А. И. Халидова, который также «исходит из «узкого» толкования термина фразеологизм (т.е. считает его словосочетанием), выделены следующие типы фразеологизмов: фразеологическое сочетание, фразеологическое единство, фразеологическое сращение» [Халидов, 2012: 145]. Исходя из состояния научно-методологической исследованности и представленности фразеологического фонда чеченского языка на современном этапе развития гуманитарного знания, следует отметить,

научный вклад в этот раздел чеченской лингвистической науки известного ученого Д. Б. Байсултанова, которому принадлежит солидное монографическое исследование по чеченской фразеологии, а также несколько объемных словарей данной направленности, один из которых является трехтомным (см. Байсултанов, 1989: 249; Байсултанов, 2016: 250). Необходимо отметить, что чеченская фразеология, несмотря на перечисленные научные монографические издания, диссертационные исследования, учебные издания, научно-исследовательские статьи, не в должной мере представляет освещение данной исследовательской проблемы научному филологическому сообществу, с точки зрения структуры, семантики и некоторых других аспектов. Следует особо подчеркнуть отсутствие сравнительно-сопоставительных исследований, не представлено работ по функционированию чеченской фразеологии в условиях контактного и дистантного языкового функционирования с гомогенными и гетерогенными языками. Хотелось бы отметить, труды Д. Б. Байсултанова, положившего начало фундаментальным и прикладным исследованиям в области чеченской фразеологии, но требуют междисциплинарных изысканий по чеченской фразеологии, в том числе работ в сравнительно-сопоставительном плане, что восполнит чеченскую лингвистическую науку, позволив расширить и углубить в определенной степени общую теорию фразеологии. Данная диссертационная работа посвящена сравнительно-сопоставительному исследованию фразеологизмов с компонентом-прилагательным в чеченском и английском языках в плане выявления общего и специфики на лексическом, морфолого-синтаксическом и коннотативном уровне.

Следует подчеркнуть, что исследования *по проблемам чеченской фразеологии* (устойчивым сочетаниям чеченского языка) в научно-исследовательской парадигме чеченского языкознания хроникально недостаточно представлены: диссертация на соискание степени кандидата филологических наук А. Т. Карасаева «Классификация фразеологических

единиц чеченского языка по их семантическим признакам» (1972), докторская диссертация Д. Б. Байсултанова (2006), кандидатская диссертация Р.Д. Шамилевой (2011).

1.3. Классификация английских фразеологизмов

В современной научно-лингвистической литературе существуют различные работы по анализу и классификации фразеологизмов английского языка. Фразеологический пласт английского языка исследовали как зарубежные (см. Ghazala (2003), Granger Sylviane and Meunier Fanny (2008), G. Кнарпе, L. Pinnavaia (2010), A. Naciscione (2010), E. Funtek (2015), Shiqing Zhou (2021) и др.), так и отечественные исследователи (см. А. В. Кунин (1972, 1996); В. В. Виноградова (1972); Т. Н. Федуленко (2006); Т. С. Соловьева (2007); Шабашева Е.А. (2012); Е.В. Долгова (2020) и др.). В диссертационном исследовании, в большей степени, мы опирались на монографические работы, научные статьи по фразеологии отечественных и зарубежных ученых, исследовавших их в сравнительно-сопоставительном аспекте. Самой известной является классификация фразеологизмов по степени сочетаемости их компонентов, которую разработал французский лингвист Ш. Балли и дополнил российский лингвист В. В. Виноградов (1894-1969). В. В. Виноградов выделяет три основные группы фразеологизмов: лексическими фразеологизмами ученый считает те фразеологизмы, которые лексически соотносятся со словами, имеющими аналогичное значение. Например: *держат язык за зубами, без царя в голове, нечистый на руку*. Такие фразеологизмы употребляются в речи в качестве готовых лексических единиц, их семантическое значение проявляется в том, что за каждой такой единицей закрепляется целостное значение. Что касается предикативных фразеологизмов, то ученый утверждает, что это, как правило, «законченные словосочетания, которые закрепились в языке в виде устойчивых формул» [Виноградов, 1972: 32]. Например: *лучше синица в руках, чем журавль в небе*;

лучше поздно, чем никогда; седина в бороду, бес в ребро. Речь идет о пословицах, афоризмах, отражающих трудовой и жизненный настрой народа, практическую философию и человеческую мудрость. Компаративные фразеологизмы, по мнению В. В. Виноградова, – это устойчивые сравнения, например: *хитрый, как лис; красный, как свекла; твердый, как камень; ходит, как слон; поет, как соловей.* Однако, не все ученые соглашаются с классификацией В. В. Виноградова. Т. С. Соловьева утверждает, что английском языке существует три типа фразеологических единиц: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания. По мнению ученого, фразеологические сращения следует отнести к фразеологизмам, имеющим переосмысленное и немотивированное значение. В качестве примера можно привести следующие фразеологизмы: англ. *back the wrong horse* – русск. «*сделать плохой выбор*», англ. *bite the bullet* – русск. «*мужественно терпеть*». Фразеологические единства – это фразеологизмы с полностью переосмысленным составом и мотивированным значением. Например: англ. *the bottom line* – русск. «*конечный результат*», англ. *break the ice* – русск. «*растопить лед*». А фразеологические сочетания, по словам ученого, это фразеологизмы в составе которых имеется слово или ряд слов с фразеологически связанным значением: англ. *deep silence* – русск. «*мертвая тишина*», англ. *iron nerve* – русск. «*железные нервы*» [Соловьева, 2007: 127].

В английском языке существуют различные классификации фразеологизмов. В связи с этим, мы считаем необходимым обратить особое внимание на мнение известного в лингвистических кругах ученого А.В. Кунина, который выделяет два класса английских фразеологизмов с точки зрения их происхождения: исконно английские и заимствованные. Заимствованные фразеологизмы, в свою очередь, подразделяются автором на межъязыковые и заимствованные из территориальных вариантов английского языка:

- исконно английские ФЕ: англ. black as coals (as ink, as night) – русск. «*черный как уголь, (как чернила, как ночь)*»; англ. blue stocking (презр.) – русск. «*синий чулок*» (данное выражение «собрание синих чулок» возникло благодаря голландскому адмиралу Босковену, который посетил однажды один из литературных салонов середины XVIII в. в Лондоне и был крайне удивлен появлению в нем известного ученого Бенджамина Спеллингфлита в синих чулках); англ. a black sheep – русск. «*паршивая овца, позор в семье (по преданию в древности, черная овца была отмечена печатью дьявола)*»; англ. red as blood – русск. «*красный как кровь*»; англ. like a red rag to a bull – русск. «*как красное полотно для быка*»; англ. blue blood – русск. «*голубая кровь*»; англ. yellow press – русск. «*желтая пресса*»;

- межъязыковые заимствования, то есть ФЕ, заимствованные из различных языков путем того или иного перевода: англ. a black picture – русск. «*в черном цвете*»; англ. to be in a black book – русск. «*черная книга, черный список*»; англ. yellow belly – русск. «*желторотый птенец*»; англ. golden opportunity – русск. «*блестящая возможность*» [Кунин, 1984: 255]. Ш. Балли разработал классификацию фразеологизмов: «свободные и привычные словосочетания, а также фразеологические ряды и фразеологические единства» [Балли, 1961: 21]. «Свободными словосочетаниями (les groupements libres)», по мнению Ш. Балли, - являются такие «сочетания слов, которые имеют свойство распадаться после их формирования» [Балли, 1961: 21]. «Сочетания слов с относительно свободной связью (les groupements usuels) между составляющими их компонентами, которые допускают определенные изменения, вышеуказанный автор относит к разряду привычных словосочетаний [Балли, 1961: 21]. Согласно мнению Ш. Балли: «Фразеологические ряды (les series phraseologiques), – это группы слов, в которых два компонента сливаются в один, а фразеологические единства (les unites phraseologiques) – это словосочетание, в которых слова утратили свое значение и означают одно неразделимое понятие. Компоненты таких словосочетаний нельзя менять

местами» [Балли, 1961: 21]. Таким образом, Ш. Балли различает словосочетания «по степени устойчивости компонентов», относя их к фразеологическим сочетаниям. В дальнейших научных исследованиях ученый различает только два типа словосочетаний: «свободные словосочетания и фразеологизмы» [Балли, 1961: 21]. По его мнению, «фразеологизмы характеризуются наличием слова-идентификатора» [Балли, 1961: 21]. Вышеуказанные признаки позволили ученому-лингвисту «выделить фразеологические сращения и обозначить теорию соответствия (или эквивалентности) устойчивого сочетания слов, т.е. фразеологизма, отдельному слову» [Балли, 1961: 21]. Т. С. Соловьева в английском языке выделяет три основные группы фразеологизмов, которая идентична классификации, предложенной А. Д. Тимаевым, который делит фразеологизмы в чеченском языке на фразеологические сращения (фразеологически хьарчамаш), фразеологические единства (фразеологически цхьааллаш) и фразеологические сочетания (фразеологически цхьанадараш) [Тимаев, 2007: 134]. Рассмотрим эти типы ФЕ применительно к современному английскому языку. Например, «фразеологические сращения – абсолютно немотивированные словосочетания, такие как: англ. red tape – русск. «бюрократический метод»; англ. heavy father – русск. «серьезная или значительная часть в театральной пьесе»; англ. kick the bucket – русск. «умереть». Значения этих компонентов не связаны между собой, то есть, здесь присутствует значение всей группы слов; фразеологические единства – практически немотивированные, потому что их значение воспринимается через метафорическое значение всего словосочетания: *to show one's teeth*, *to wash one's dirty linen in public*, их следует переводить учитывая лексические значения компонентов, это поможет лучше понять истинное значение словосочетания; фразеологические словосочетания являются мотивированными, но они состоят из слов, которые обладают специальной лексической валентностью. В этом случае изменение компонентов словосочетания является ограниченным. Например, мы можем изменить *bear*

a grudge на *bear malice*, но не можем использовать *bear a fancy*» [Соловьева, 2007: 127]. Однако, не только классификация фразеологизмов является сложной проблемой в английской лингвистической традиции, недостаточно изученной является и структура фразеологизмов. Фонемное оформление ФЕ позволяет говорить об их системной связи со строем языка. Таким образом, соотносительность ФЕ с крупными морфологическими группами слов – частями речи, свидетельствует о связи этих устойчивых единиц на их морфологическом уровне, т.е. на уровне частей речи. В связи с тем, что фразеологизмы, как сочетания слов, вступают в определенные связи в составе предложения, можно говорить об их связи и на синтаксическом уровне, возможность ФЕ сочетаться с другими единицами лексическими уровня свидетельствует о наличии синтагматических отношений в фразеологической системе.

Проводившая сравнительно-сопоставительный анализ английских, немецких и шведских фразеологизмов Т. Н. Федуленкова утверждает, что «проблема структуризации фразеологизмов является одной из важнейших проблем не только структурного языкознания, но и когнитивной лингвистики. Фразеологическая система английского языка включает в себя различные группы сочетаний, которые имеют определенные признаки» [Федуленкова, 2006: 139]. Анализ научной литературы в Главе 1 монографического исследования Т. Н. Федуленковой свидетельствует, что фразеологические единицы с компонентом *look* еще не были детально исследованы, поэтому на основе этого компонента ученым были разработаны три структурные фразеологические модели современного английского языка:

1. V+Adv – данная модель характерна для двухкомпонентных фразеологических единиц, которые имеют константно-вариантную зависимость компонентов: англ. *look through / see through* – русск. «просматривать», англ. *look well / get well* – русск. «хорошо выглядит», англ. *look out / watch out / mind out* – русск. «быть осторожным», англ. *look ahead / see ahead* – русск. «смотреть вперед»;

2. V+Adj – данная модель (глагол+прилагательное) характерна для двухкомпонентных фразеологизмов с константной и константно-вариантной зависимостью компонента: англ. look alike – русск. «иметь одинаковую или примерно одинаковую внешность»;

3. V + Prep + q – объединяющие двухкомпонентные фразеологические единицы с предлогом, которые имеют константно-вариантно-переменную зависимость компонентов [Федуленко, 2006: 139]. По грамматическим функциям Т. Н. Федуленкова выделила следующие основные типы фразеологизмов:

- глагольные: русск. высосать из пальца – говорить, утверждать что-либо, не опираясь на факты, не имея для этого никаких оснований, придумывать; русск. окочуриться – умереть, англ. “to teach an old dog new tricks – change longlasting habits or ways, especially in an old person”; англ. “to back up the wrong horse – to show support for the wrong person, especially the loser in a competition”;

- субстантивные: русск. одного поля ягода – человек, чем-то одинакова, последняя капля – то, что делает ситуацию невыносимой, англ. “a cloud on the horizon – something that might spoil a happy situation, англ. a bolt from the blue – news that is sudden and unexpected”;

- адъективные: русск. не чист на руку – склонен к воровству, мошенничеству, англ. «black hearted – evil»;

- адverbialные: русск. хоть пруд пруди – очень много, русск. как кот к салу – жадно, очень энергично, англ. «by hook or by crook – used when you are to do something whatever methods you have to use; англ. between the devil and the deep blue sea – in a difficult situation because there are only two choices you can make and both of them are unpleasant».

В своем научном исследовании Е. Funtek также подчеркивает тот факт, что ФЕ классифицируются учеными по-разному: по «грамматическому типу», в зависимости от концепта или эмоции, которые выражает идиома (например, идиома *bite the dust* будет классифицирована как «умереть» или

«потерпеть неудачу»), в соответствии с «образом», который выражает фразеологическая единица (например, *weak at the knees* войдет в группу «части тела») [Funtek, 2015: 284]. А. Ghazala (2003) разделил идиомы на пять наиболее важных типов: «1) полные/чистые идиомы, 2) полуидиомы, 3) пословицы, популярные поговорки и полу-пословичные выражения, 4) фразовые глаголы и 5) метафорические крылатые фразы и популярные выражения» [Ghazala: 2003: 285].

В данном параграфе нами рассмотрены классификационные параметры фразеологизмов по степени сочетаемости их компонентов, которую разработал французский языковед Ш. Балли и дополнил российский языковед В. В. Виноградов (1894-1969). Представлена систематизация Т. С. Соловьевой, выделившей в английском языке три основные группы фразеологизмов: фразеологические сращения, единства, сочетания; рассматриваются характеристики фразеологизмов Т. Н. Федуленко, включающая три структурные фразеологические модели современного английского языка. Таким образом, в традиционной фразеологии ФЕ классифицируются, прежде всего, по их грамматической, синтаксической, семантической и коннотативной структурам. Необходимо подчеркнуть, что анализ теоретического материала по классификации ФЕ в английском языке позволил сделать краткие выводные данные по данному параграфу. Нами отмечено, что ФЕ имеет стабильную грамматическую и лексическую структуру, сформированную на протяжении определенного временного периода, известная носителям определенного языка, применяемая в дискурсе в соответствии с сложившимися нормами функционирования языка в диахронии.

1.4. Имя прилагательное как лексико-грамматический разряд и объект изучения

Имя прилагательное является одной из основных частей речи, характеризующих «категориальное значение признака, грамматические

категории степени сравнения, синтаксическое употребление в функции определения (атрибутивная функция) и предикативного члена...» [Акодес, 1987: 3]. По мнению Л. А. Нальгиевой, «морфологические характеристики части речи имя прилагательное служат, прежде всего, для определения качества, свойства и признаков предмета. Известно, что «эти признаки, свойства, качества могут быть отчуждаемыми и неотчуждаемыми, градуированными и неградуированными, присущими предмету и привнесенными в него, «признаками в предмете», «признаками для предмета», «признаками от предметов» и т.п.» [Нальгиева, 2006: 99]. Следует отметить, что прилагательное относится к одной из самых древних частей речи. Еще в древности оно рассматривалось в составе имен. Предполагается, что «индоевропейское языкознание вышло из древнегреческой философии, которая, в частности, рассматривала взаимоотношения имени и вещи» [Нальгиева, 2006: 99]. К примеру, Аристотель в IV в. до н.э. впервые выделил «части словесного изложения» и, отделив имя от вещи, назвал прилагательное в разряде Имя. Ученый-философ использовал термин «имя» как «составной, имеющий самостоятельное значение звук без оттенка времени» [Звегинцев, 1965: 66] применительно и к другим частям речи, таким как существительное, прилагательное, числительное. Представитель александрийской грамматической школы Дионисий Фракийский в грамматике (II в. до н.э.) дал следующее определение категории Имя: «Имя есть склоняемая часть речи, обозначающая тело или вещь (тело, например, – камень; вещь, например, – воспитание) и высказываемая как общее и как частное (общее, например, – человек; частное, например, – Сократ)». Под категорию имени подводятся и прилагательные. Имена изменяются по падежам и числам» [Звегинцев, 1965: 55]. Появившееся в средние века философское учение о субстанции и атрибуте позволило выделить имя прилагательное в самостоятельную часть речи. Выдающийся русский ученый М. В. Ломоносов в работе «Русская грамматика» в 1804 г. описывает имя прилагательное в разделе «О имени», параграфе 161 [Ломоносов, 1804: 86].

Отечественные языковеды, более позднего периода, разделяют имя на три самостоятельные части речи, одной из которых является имя прилагательное. Например, А. Х. Востоков в своей работе ««Грамматика церковно-словенского языка» выделяет имя прилагательное как отдельную часть речи, но при этом подразделяет прилагательные на относительные, качественные, притяжательные, числительные и причастия» [Востоков, 1893: 47]. Ряд ученых конца XIX - начала XX вв., такие (см. А. Х. Востоков (1863), Н. И. Греч (1834), Ф. И. Буслаев (1908-1930), К. С. Аксаков (1880), Ф. Ф. Фортунатов (1903) и др.) являлись последователями данной теории и выделяли его в отдельную часть речи.

Современные исследователи-грамматисты рассматривают имя прилагательное как самостоятельную часть речи, которую характеризует наличие как понятийных, так и формальных признаков. В современной лингвистике опубликовано большое количество работ в области грамматики, которые представляют «имя прилагательное как единицу языковой системы, в которых имя прилагательное продолжает оставаться одной из самых сложных и наименее исследованных языковых единиц среди частей речи» [Хамидова, 1976: 146]. В сравнительно-сопоставительной лингвистике существует целый ряд работ отечественных и зарубежных авторов по вопросам прилагательного (см. И. К. Калинина (1952), М. М. Рехвиашвили (1966), В. В. Виноградова (1972), А. М. Топоян (1973), Е. М. Вольф (1978), Е. И. Зимон (1981), З. А. Харитончик (1986), Р. А. Шхалаховой (1998), Н. В. Кунакужиной (2005), М. В. Сандаковой (2020), S. M. Rajabova (2023) и др.). Вопросы семантики рассмотрены в работах И. Б. Ушаковой (2002), Н. В. Тереховой (2002), А. А. Глушковой (2005) и др. Зарубежные исследователи, такие как (см. D. Bolinger (1967), Z. Vendler (1967), A. A. Farsi (1968), P. Teller (1969), Brendan S.Gillon (2015), S. Rajabova (2023) рассматривали семантику прилагательного в своих исследованиях. В своих работах ученые неоднократно предпринимали попытки исследовать качественные прилагательные, выявить и анализировать их лексико-семантические группы

в отдельно взятых языках. Примером этому являются работы таких ученых как (см. Е. А. Оливер (1954), О. Н. Бондина (2017) и др.); вопросами их оценочных свойств занимались (см. М. Р. Натх (1985), Л. А. Сергеева (2004) и др.), исследовал прилагательные со значением характеристики внешности человека, а В. И. Овсянникова (1984) – его умственных способностей, М. Б. Антонова (2021), анализирует концептуальные основания семантики английских прилагательных, Вэй И. (2023) исследует синонимические ряды прилагательных, характеризующие свойства личности и т.д.

В сравнительно-сопоставительном языкознании также встречается немалое количество работ, предметом исследования которых являются определенные лексико-семантические группы прилагательных. Среди них: работа З. Н. Вердиевой, посвященная «Английским и азербайджанским прилагательным, связанным с понятиями материального положения, размера, измерения» [Вердиева, 1970: 30]; диссертация С. В. Татаренко «Сопоставительное исследование прилагательных эстетической оценки в русском и английском языках (на материале словарей)» [Татаренко, 1999: 131]; исследование Л. Ю. Михайловой «Номинативный потенциал немецких прилагательных *dicke, dünn, fein*, французских прилагательных *gros, fin* и их функции в составе именного атрибутивного словосочетания» [Михайлова, 2004: 96]; диссертационное исследование Л. А. Нальгиевой «Сопоставительная характеристика эмотивных и социально-оценочных прилагательных английского, немецкого и ингушского языков» [Нальгиева, 2006: 99]; диссертационное исследование Н. А. Сергиенко «Сопоставительное исследование лексико-семантических групп прилагательных с идентификаторами «чистый/грязный» и «clean/dirty», на материале русского и английского языков» [Сергиенко, 2006: 122] и т.д. В значительной части работ авторы рассматривают семантический аспект данных лексических единиц, в частности, палитру цветов, обозначаемых этими прилагательными. Среди них диссертационное исследование М. Б. Талапиной [Талапина, 2008: 130]. Помимо этого, в научных трудах

лингвистов рассматриваются морфологические характеристики прилагательных (см. И. К. Калинина (1952), Л. П. Винокурова (1959), А. Г. Эйвазов (1964) и др.) и их системные связи (см. Л. Ю. Максимов (1958), М. Д. Казанская (1968), Т. С. Щепина (1984) и др.). Особую роль исследователи отводят признаку антонимии, являющемуся, по мнению Л. Ю. Максимова, «одной из важнейших характеристик качественных прилагательных» [Максимов, 1958: 88]. Необходимо подчеркнуть, что незначительное количество работ связано с изучением прилагательных в словосочетаниях различного типа (см. Т. Сайранбаев (1965), Г. М. Никитина (1972), Ф. С. Шакирова (1974) и др.).

1.5. Часть речи имя прилагательное в чеченском языке

Научно-исследовательские и учебно-методические труды по нахским языкам, в которых рассматриваются различные аспекты имени прилагательного представлены следующими работами Н. Ф. Яковлев «Морфология чеченского языка» (1960); А. Г. Мациев «Краткий грамматический очерк чеченского языка» / «Чеченско-русский словарь» (1961); З. К. Мальсагов «Грамматика ингушского языка» (1963); Ю. Д. Дешериев «Бацбийский язык» (1953); Ю. Д. Дешериев «Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов» (1963); Ю. Д. Дешериев «Чеченский язык. Языки народов СССР» (1967); И. Г. Арсаханов «Современный чеченский язык (на чеченском языке)» (1965); З. Д. Джамалханов, М. Ю. Мачигов «Чеченский язык (на чеченском языке)» (1972, 1985); К. Т. Чрелашвили «Цова-тушинский (бацбийский) язык» (2007); К. З. Чокаев «Морфология чеченского языка. Словообразование частей речи» (1970); Р. И. Долакова «Ингушский язык. Языки народов СССР» (1967); А. Д. Тимаев «Современный чеченский язык (на чеченском языке)» (1971); А. И. Халидов «Чеченский язык. Морфемика. Словообразование» (2010); М. У.

Зубайраева «Градационность качества и количества признака в английском и чеченском языках» (2011); М. У. Зубайраева «Интенсивность выражения качественного признака в английском и чеченском языках» (2013); М. Р. Овхадов «Имя прилагательное и вопрос о его разрядах в чеченском языке» (2012); «Современный ингушский язык» (2012); «Грамматика чеченского языка» (2013). Различные стороны имен прилагательных чеченского языка затронуты в ряде других научных исследований по чеченскому языкознанию И. М. Сигаури «Исконная лексика чеченского языка» (2011); Т. Х. Абдулазимова «Синонимы и синонимические отношения в лексике чеченского языка» (2012); С. С.-А. Юсупова «Новые слова и значения в чеченском языке» (2007) и «Неологизация лексической системы современного чеченского языка» (2014); Р. С. Ильясова «Антонимия в современном чеченском языке в сопоставлении с русским языком» (2013); М. С.-С. Абуева «Концептуальная метафора в чеченском языке» (2011); Р. Д. Шамилева «Чеченские пословицы и поговорки: лингвистический аспект» (2012) и др. Как справедливо отмечает М. Р. Овхадов, «Имя прилагательное в чеченском языке обозначает непроцессуальный признак предмета и имеет словоизменительные категории класса, числа и падежа, а также обладает категорией степени сравнения, т.е. компаратива» [Овхадов, 2012: 104].

В чеченском языкознании неоднозначно рассматривается вопрос о количестве лексико-грамматических разрядов прилагательных. Речь идет о том, что определенная часть авторов трудов, посвященных имени прилагательному в чеченском языке, выделяет три разряда: качественные, относительные, притяжательные. К этим авторам в чеченском языкознании относятся (см. И. А. Арсаханов (1965); З. Д. Джамалханов, М. Ю. Мачигов (1972; 1985); Тимаев, (1971; 2007) и др.). Две лексико-грамматические группы имен прилагательных в чеченском языке, т.е. качественные и относительные имена прилагательные, выделены (см. Н. Ф. Яковлевым (1960), Ю. Д. Дешериевым (1963), А. И. Халидовым (2010), М. Р. Овхадовым (2012) и др.). В научно-лингвистической литературе, посвященной имени

прилагательному в чеченском языке, выражается следующее мнение о количестве разрядов: «В связи с отсутствием между относительными прилагательными и прилагательными с притяжательным значением каких-либо формально-грамматических различий, кроме лексических, а также невозможностью зачастую разграничить притяжательное прилагательное и прилагательное со значением принадлежности (т.е. относительное прилагательное), мы не выделяем в особый разряд (притяжательное прилагательное) прилагательные и рассматриваем их в составе относительных» [Овхадов, 2012: 104]. Ученый-лингвист А. И. Халидов относительно вопроса о количестве разрядов имен прилагательных в нахских языках отмечает, что «в чеченском языке границы между относительными и притяжательными прилагательными значительно менее определены» [Халидов, 2010: 144]. Далее, А. И. Халидов констатирует, что «даже в русском языке, при более отчетливых, чем в чеченском, различиях между относительными и притяжательными прилагательными (оканчивающимися на -ин, -ов), находят основания для выделения только двух лексико-грамматических разрядов – качественных и относительных прилагательных ...» [Халидов, 2010: 144].

Вслед за лингвистами-исследователями (см. Н. Ф. Яковлевым (1960), Ю. Д. Дешериевым (1963), А. И. Халидовым (2010), М. Р. Овхадовым (2012) и др.), мы придерживаемся такого же мнения о том, что в чеченском языке достаточно четко выделяются два разряда имен прилагательных: качественные имена прилагательные и относительные имена прилагательные. Считаем, что приведенные в трудах указанных авторов примеры и доводы являются достаточно наглядными и убедительными для выделения только этих двух лексико-грамматических групп имен прилагательных в чеченском языке. В некоторых трудах по нахским языкам (как правило, более ранних) дифференциация разрядов имен прилагательных отсутствует (см. «Грамматика ингушского языка», Грозный, 1963). В связи с этим, интересно мнение Л. Д. Мальсаговой: «В нахских языках мы находим

признаки, которые тоже свидетельствуют о том, что был какой-то период, когда имена прилагательные не выделялись в составе частей речи с такой определенностью, как в настоящее время. Достаточно для этого сравнить качественные прилагательные и соотносительные с ними имена существительные, формы производных прилагательных и наречий, а также имеющие общие грамматические признаки» [Мальсагов, 1963: 89]. Необходимо подчеркнуть, что «имена прилагательные в чеченском языке обозначают различные свойства и качества: цветовые, временные, пространственные, физические и др.» [Тимаев, 2007: 134]. Например, признаки по цвету обозначают качественные прилагательные: чеченск. к1айн – русск. «белый», чеченск. 1аьржа – русск. «черный», чеченск. сийна – русск. «синий», чеченск. можа – русск. «желтый», чеченск. баьцара – русск. «зеленый» и др. В отдельных работах (см. З. К. Мальсагов (1963); В. Д. Тимаев (2007); М. У. Зубайраева (2008) и др.), посвященных имени прилагательному в чеченском языке, выделяются имена прилагательные, обозначающие интенсивность цветового признака. Например: чеченск. шурул-к1айн перевод букв. «молока белее», т.е. «очень белый», чеченск. к1арул-1аьржа перевод букв. «угля чернее», т.е. «очень черный», чеченск. ц1арул-ц1ен перевод букв. «огня краснее», т.е. «очень красный», чеченск. барул-можа перевод букв. «желтка желтее», т.е. «очень желтый», чеченск. бел-баьцара перевод букв. «травы зеленее», т.е. «очень зеленый» и т.д.

Как правило, обозначение интенсивности признака, т.е. обозначение называемого в высшем качестве, достигается постановкой сравнительного существительного, обладающего данным признаком в форме сравнительного падежа. При этом и сама форма сравнительного падежа имени существительного усиливается дополнительной долготой гласного звука. Например, имя существительное шура – *молоко* в чеченском языке воспринимается как «символ» белого цвета. Форма сравнительного падежа этого существительного в чеченском языке – шурел. Однако передача эффекта высшего проявления признака к1айн «белый» достигается

увеличением долготы второго гласного звука в сравнительном падеже шурул. Таким же образом, высшая интенсивность проявления признака соответствующего цвета достигается аналогично формами сравнительного падежа имен существительных к1арул-1аьржа вместо к1орал-1аьржа, т.е. «угля чернее», лилул-сийн вместо лилал-сийна, т.е. «синьки синее», ц1арул-ц1ен, т.е. «огня краснее». На русском языке эти значения можно передать приблизительно так: «даже молока белее», «даже угля чернее» и т.д.

Необходимо подчеркнуть, что признаки, связанные с физическим состоянием человека, его характером и умственным складом обозначают различные качественные имена прилагательные. Например: чеченск. къона – русск. «молодой (молодая, молодое)», чеченск. къена – русск. «старый», чеченск. мела – русск. «слабый, безвольный», чеченск. меца – русск. «голодный, ненасытный, жадный, прожорливый», чеченск. сема – русск. «чуткий», чеченск. кура – русск. «гордый, надменный, высокомерный», чеченск. дера – русск. «злой, ярый, вспыльчивый, горячий», чеченск. сонта – русск. «глупый, недалекий, неразумный», чеченск. б1аьрзе – русск. «слепой», чеченск. хаза – русск. «красивый, приятный», чеченск. ирча – русск. «некрасивый, невзрачный», чеченск. стешха – русск. «трусливый, боязливый, ненадежный (букв. женоподобный)», чеченск. оза – русск. «худой, сухой», чеченск. дегала – русск. «самолюбивый», чеченск. каде – русск. «ловкий», чеченск. озда – русск. «воспитанный, культурный, вежливый», чеченск. миска – русск. «бедный, несчастный, обездоленный, убогий», чеченск. эсала – русск. «кроткий, спокойный, смирный». Данная группа качественных имен прилагательных в чеченском языке является наиболее многочисленной.

В чеченском языке также выделяется группа имен прилагательных, имеющих пространственные признаки:

чеченск. йеха – русск. «длинный» (соответственно – деха, веха, беха);

чеченск. йоца – русск. «короткий» (доца, воца, боца);

чеченск. лекха – русск. «высокий»;

чеченск. лоха – русск. «низкий»;

чеченск. шуьйра – русск. «широкий»;
чеченск. готта – русск. «узкий»;
чеченск. йоккха – русск. «большой»;
чеченск. жима – русск. «маленький»;
чеченск. к1орга – русск. «глубокий»;
чеченск. гомха – русск. «мелкий, неглубокий»;
чеченск. томма – русск. «толстый»;
чеченск. буткъа – русск. «тонкий».

Вкусовые признаки обозначают имена прилагательные:

чеченск. мерза – русск. «сладкий»;
чеченск. чаьмза – русск. «невкусный (букв. вкуса без)»;
чеченск. дуьра – русск. «соленый»;
чеченск. къаьхъа – русск. «горький»;
чеченск. муьста – русск. «кислый»;
чеченск. къо – русск. «острый».

Исследователь нахских языков В.Д. Тимаев отмечает, что: «... шайн кхолладаларе хъаьжча, мухалин билгалдешнаш (цхъа наггахь бен) схьадовлаза а ду...», - «... качественные имена прилагательные в чеченском языке в большинстве своем являются производными» (пер. наш – М. Э.)» [Тимаев, 2007: 134]. Далее, он полагает, что «прилагательные чеченск. сирла – русск. *светлый*, чеченск. сийна – русск. *синий*, чеченск. сира – русск. *серый*, чеченск. сиха – русск. *быстрый*, чеченск. шуьйра – русск. *широкий* не являются производными» [Тимаев, 2007: 134]. «Непроизводными», по крайней мере, в синхронном срезе эти прилагательные, а также ряд других считает и А. И. Халидов [Халидов, 2010: 144]. Следует подчеркнуть, что несколько отличается от вышевысказанного, мнение М. Р. Овхадова, который считает, что «большинство качественных прилагательных – производные», по крайней мере, в историческом срезе. Так, по его мнению, «производными являются все приведенные выше прилагательные: чеченск. сирла – русск. *светлый*, чеченск. сийна – русск. *синий*, чеченск. сира – русск.

серый, чеченск. сиха – русск. *быстрый*, чеченск. шуьйра – русск. *широкий* и ряд других» [Овхадов, 2012: 104]. «Основой (производящей основой) прилагательных сирла, сийна, сира является», по мнению М. Р. Овхадова, «са» – *свет* – продуктивная словообразовательная основа в чеченском языке» [Овхадов, 2011: 103]. Как отмечает А. С. Куркиев, «имя прилагательное сиха происходит от основы са – *душа*. Также, «и прилагательное шуьйра (*широкий*), созвучное с русским именем прилагательным *широкий*, имеет в основе *ша* – старинная мера длины в чеченском языке, «равная расстоянию между растянутыми большим пальцем и мизинцем» [Куркиев, 2005: 258]. При исследовании качественных имен прилагательных чеченского языка и соответствующих им качественных имен прилагательных русского языка, внимание, невольно останавливается на их звуковых и семантических соответствиях. Например: чеченск. сийна – русск. «*синий*», чеченск. сира – русск. «*серый*», чеченск. бора – русск. «*бурый*». Хотелось бы, отметить, мнение З. К. Мальсагова, что «в нахских языках встречаются отдельные прилагательные, исконно общие в нахских и русском языках ...» [Мальсагов, 1963: 89], аналогичное мнение высказано А. И. Халидовым [Халидов, 2010: 144]. В своей научной работе «Славяно-нахские лексические параллели» (1994) А. Д. Вагапов отмечает «целый ряд общих явлений в индоевропейских и нахских языках древнейшего периода» [Вагапов, 1994: 28]. К приведенным выше нахско-русским параллелям можно также добавить и другие прилагательные, например, чеченск. бора – русск. «*бурый*», чеченск. шуьйра – русск. «*широкий*», чеченск. ал – русск. «*алый*».

Определенное количество качественных прилагательных в чеченском языке является заимствованной из тюркских, иранских и арабского языков. Тюркскими заимствованиями считаются имена прилагательные:

- тамашийна «*удивительный*»;
- осал «*боязливый, трусливый*»;
- сутара «*скупой, жадный*»;
- исбаьхьа «*роскошный, изящный*»;

жигара «ловкий, активный»;
токхе «сытный, сытый»;
зоьртала «крепкий»;
ямарт «коварный»;
1овдал «глупый, недалекий»;
чолакха «увечный»;
ирке «нерешительный, избалованный»;
сакх «осторожный»;
ирча «некрасивый»;
«бааша» «особенный»;
пис «скупой» и др. [Мальсагов, 1963: 89].

По мнению И. Ю. Алироева, «осетино-иранскими заимствованиями считаются следующие прилагательные ледара «слабый, безвольный, непрочный»; бурса «суровый, страшный, грозный»; кьорза «пестрый» [Алироев, 1978: 6]. В свою очередь, А. Г. Мациев считает, что «из арабского языка заимствованы следующие имена прилагательные:

хаза «красивый»;
миска «бедный, убогий»;
хьарам «грешный, нечестный, нечистый, запретный»;
хьанал «чистый, честный, дозволенный, разрешенный»;
мекара «хитрый»;
эсала «ласковый, смирный, спокойный» и др. [Мациев, 1973: 92].

Словообразовательные типы качественных прилагательных во многом соотносятся с их семантическими группами, отметим основные труды, в которых эти типы рассмотрены (см. К. З. Чокаев (1968, 1970); А. И. Халидов (2010)) [Чокаев, 1968: 150, Чокаев, 1970: 151] и [Халидов, 2010: 164]. Ниже приводим классификацию словообразовательных типов качественных имен прилагательных в соответствии с исследованием Халидова А. И. «Чеченский язык: морфемика и словообразование» [Халидов, 2010: 144]. Важно отметить, что характеристика словообразовательных типов может быть

представлена, как по семантическим группам, так и по словообразовательным аффиксам, за основу мы сочли возможным взять систему аффиксов.

Следовательно, можно выделить следующие основные, наиболее употребительные группы: 1) качественные прилагательные, образованные с помощью аффиксов *-ме, -мехь, -хь, -лахь* (орфографически *-е, -ехь*). Например: чеченск. хьоме русск. «*дорогой*», чеченск. кхераме русск. «*опасный*», чеченск. тешаме русск. «*доверительный, честный*», чеченск. хьекъале русск. «*разумный*», чеченск. собаре русск. «*сдержанный, спокойный*», чеченск. безамехь русск. «*привлекательный*», чеченск. сийлахь русск. «*почетный*», чеченск. бертахь русск. «*дружный*», чеченск. г1олехь русск. «*предпочтительный*», чеченск. чомехь русск. «*вкусный*», чеченск. пайдехь русск. «*полезный*», чеченск. санехь русск. «*выгодный*», чеченск. зенехь русск. «*убыточный*», чеченск. тамехь русск. «*привлекательный*» и т.д.; 2) суффикс *-за* в чеченском языке служит для образования качественных прилагательных со значением отрицания семантики корня. Например, чеченск. теза - русск. «*пресный*» (очевидно, из *туьха-за* – без соли), чеченск. дегазе перевод букв. «*сердца без*», чеченск. декъаза – русск. «*обездоленный, жалкий*» перевод букв. «*сердца без*» и др.; 3) часть качественных прилагательных образована при помощи аффикса *-ра*. Например: чеченск. б1аг1ара русск. «*косоглазый*», чеченск. аг1ора русск. «*кривой*», чеченск. кегийра русск. «*мелкие*», чеченск. генара русск. «*далёкий*», чеченск. гергара русск. «*близкий*», чеченск. лахара русск. «*нижний*», чеченск. лакхара русск. «*верхний*»; 4) при помощи суффикса *-ла* образован целый ряд прилагательных. Например, чеченск. мехала русск. «*ценный*», чеченск. месала русск. «*мохнатый*», чеченск. дегала «русск. «*самолюбивый*», чеченск. декъала «русск. «*счастливый*» и др.; 5) группа качественных прилагательных, образованных при помощи суффикса *-ха (-х)*. Например, чеченск. сиха русск. «*быстрый, скорый*», чеченск. дороха русск. «*дешёвый, недорогой*», чеченск. берашха русск. «*детский, молодой*», чеченск. гомха

русск. «неглубокий»); б) как отмечалось ранее, в чеченском языке существуют, кроме качественных, и относительные прилагательные, которые в большинстве своем образуются от форм родительного падежа имен существительных. Данный факт отмечается практически всеми исследователями нахских, в том числе и чеченского языков (см. И. А. Арсаханов (1965), Г. А. Климов, З. Д. Джамалханов (1982), А. И. Халидов, (2010) и др.) Современный чеченский ученый-лингвист А. И. Халидов констатирует, что «относительные прилагательные могут быть образованы не только от именных основ, но и от наречных и местоименно-наречных» [Халидов, 2010: 144]. В связи с тем, что относительные прилагательные в чеченском языке, как и в других языках, могут выражать десятки отношений, которые подробно выделены А. И. Халидовым, считаем возможным не приводить их в диссертационной работе.

1.5.1. Имя прилагательное в английском языке

Сравнительно-сопоставительные исследования ученых-лингвистов свидетельствуют, что английское имя прилагательное в отличие от чеченского, не согласуется с именем существительным, но оценочные и семантические признаки имён прилагательных английского языка информативно обозначают признаки предмета. В теоретической, и особенно, в частнолингвистической науке, отсутствует общая градация имен прилагательных по разрядам. Иногда это связано и со структурными особенностями языков, в том числе грамматическими маркерами имён прилагательных (агглютинацией, флективностью и т.д.), порядком слов, влияющим в некоторых языках на атрибутивные отношения и др. Дифференциация имен прилагательных в английском языке, по разрядам, представлена разными классификационными характеристиками. Так, например, ещё отечественные лингвисты подразделяют прилагательные на два основных разряда: качественные и относительные (см. З. А. Харитончик

(1986), Б. С. Хаймович (1987), Н. Н. Репникова (1999), В. Л. Каушанская (2008)). Данная классификация была заимствована из русской языковедческой науки [Комарова, 2009: 75]. Можно также отметить, что классификация имен прилагательных как саостоятельной части речи в английском языке строится по такому же принципу с той лишь разницей, что иногда выделяется и третий разряд, именуемый количественными прилагательными (см. И. П. Иванова (1981), В. В. Бурлакова (1955), О. А. Пасюкова (2016)). Следует отметить, что и в чеченском языкознании ряд авторов (см. З.Д. Джамалханов, М.Ю. Мачигов (1964), И.Г. Арсаханов (1965), В.Д. Тимаев (2007)) выделяют этот третий разряд, хотя многие прилагательные, считающиеся притяжательными, можно отнести с большим основанием к относительным. Например, чеченск. берзан лар русск. «волка//волчий след», чеченск. дешархочун тетерадь русск. «ученика//ученическая тетрадь». Если основной разряд имен прилагательных – качественный – обозначает достаточно широкий спектр признаков (цвет, размер, форму и т.д.), то второй разряд (относительный) обозначает опосредованный признак (относительно другого предмета или времени). Причём на отсутствие строгих границ между обоими этими разрядами указывают контекстуальные признаки, например, сочетаемость. Так, в словосочетании *golden ring* прилагательное *golden* – относительное, обозначает отношение «сделанный из». В другом словосочетании *golden boy* – признак качественный, значение переносное. Исследователь-лингвист К. А. Сидоркин к «признакам, по которым «расходятся» качественные и относительные прилагательные в английском языке, относит отсутствие у относительных прилагательных степеней сравнения. Они, как правило, употребляются в атрибутивной функции. Наиболее характерными суффиксами для относительных прилагательных являются - en, - em, - iat, - ic, -ical (*woolen, Indian, synthetic, analytical*)» [Сидоркин, 2014: 124].

Сам термин «относительное прилагательное» уже указывает на то, что обозначаемый им признак выделяется по соотношению с различными

объектами или предметами, а также временными или локальными характеристиками действий. Данное обстоятельство характерно не только для английского языка, аналогично обстоит дело и с именем прилагательным в чеченском языке, в котором также относительные прилагательные обозначают признаки, например, по материалу изготовления чего-то, по признаку времени или места происхождения чего-то, например, чеченск. аннийн керт – перевод. букв. «из досок забор», т.е. «деревянный забор»; чеченск. аьчган ков – перевод букв. «из железа ворота», т.е. «железные ворота»; чеченск. селханера газета – т.е. «вчерашняя газета»; чеченск. генара доттаг1 – перевод букв. «издалека друг, далекий друг» и т.д. В сравнительно-сопоставительном языкознании к качественным прилагательным относят лексическую группу, категориальным признаком которой является обозначение качеств предмета, их определенных признаков и свойств. Качественные прилагательные в исследуемых языках обозначают главным образом сходные признаки: по цвету, по объему, по внешним характеристикам и т.д. Одним из основных показателей дифференциации качественных и относительных прилагательных является способ непосредственного (качественный) или опосредованного (относительный) характера определения признака. Необходимо подчеркнуть, что одним из основных признаков качественных прилагательных можно считать наличие форм степеней сравнения, а, свою очередь, относительные прилагательные характеризуются отсутствием степеней сравнения и им свойственна атрибутивная функция. В английском языке выделяются следующие суффиксы относительных прилагательных: -al (обозначает принадлежность к определенной сфере или отрасли: *electric – electrical, economic – economical, politic – political*), -ly (указывает на характеристики, связанные со временем: *day – daily, week – weekly, month – monthly, year – yearly*), -en (обозначает материалы: *silk – silken, wood – wooden, gold – golden*), -an (указывает на происхождение: *Russian, American*) и т.д.

В чеченском языке: -ин, -ийн, -ан (г1еран по происхождению аффикса родительного падежа имени существительного: дечиган парта, аьнгали стака, Ахьмадг1еран к1ант), -лера селханлера «*вчерашний*», стохкалера «*прошлогодний*», -ра, -ара юьртара накьост «*из села друг, т.е. сельский друг*». Необходимо подчеркнуть, тот факт, что в исследуемых нами языках наблюдается трансформация – переход относительных прилагательных в качественные прилагательные. Например:

чеченск. болатан тур – болатан лаам «*стальной меч – стальная воля*»;
дашо пхьар – дашо куьйгаш «*золотых мастер – золотые руки*»;

англ. *iron chain – iron lady; golden ring – golden hair*.

Следует отметить тот факт, что переход относительных прилагательных в разряд качественных происходит при употреблении их в переносном значении и это явление (свойство) позволило В. В. Виноградову утверждать, что «морфологические признаки обоих разрядов прилагательных (и качественных, и относительных) можно отнести к «условным, непостоянным и необязательным» [Виноградов, 1972: 32]. «Утверждение» - В. В. Виноградова относится не только к именам прилагательным русского языка, - «но и к той категории слов в английском языке, в которой сравнительная степень свойственна не всем качественным прилагательным [Виноградов, 1972: 32]. Данное явление значительно реже проявляется в чеченском языке, в котором в образовании наречий участвуют, как правило, качественные прилагательные, образованные от относительных.

При переходе из разряда имен прилагательных в наречия в чеченском и английском языках отсутствуют грамматические маркеры. Например:

чеченск. дика стаг «*хороший человек*» – дика яздо «*хорошо пишет*»;

русск. «*хороший человек – хорошо пишет*»;

англ. *a good man «хороший человек» – he writes good «он хорошо пишет*». Сравнительно-сопоставительный анализ относительных и качественных прилагательных в диссертационном исследовании послужит для выражения качества или свойств предметов через их отношение к другим

предметам. По мнению В. Д. Аракина, «количество относительных прилагательных в английском языке является незначительным и представлено преимущественно словами из разряда научной лексики» [Аракин, 2005: 12], такой как: англ. physical – русск. «*физический*», англ. philological – русск. «*филологический*». Незначительное число относительных прилагательных восполняют, имеющиеся в языке в значительном количестве атрибутивные словосочетания, состоящие из двух существительных. Первое существительное в данных словосочетаниях выступает в роли определения и выполняет атрибутивную функцию: англ. gold – русск. «*золото*», англ. marble – русск. «*мрамор*», англ. marble sculpture – русск. «*мраморная скульптура*» и т. д.» [Аракин, 2005: 12].

Необходимо отметить, что «английские относительные прилагательные часто используются в метафорическом значении, что делает возможным их трансформации в разряд качественных прилагательных, приобретаемое ими новое значение предопределено семантическим значением имен существительных, признаком которых они являются. Например: англ. a wooden face – русск. «*невыразительное лицо*», англ. a leaden sky – русск. «*свинцовое небо*», англ. the golden rule – русск. «*золотое правило*», англ. the golden age – русск. «*золотой век*», англ. flaxen hair – русск. «*белокурые волосы*» и т. д.» [Аракин, 2005: 12]. Большинство современных работ по сравнительно-сопоставительному языкознанию ориентировано на исследование семантических аспектов имен прилагательных. Исследуемый в диссертационном исследовании фразеологический пласт чеченского и английского языков представляет собой связанную структуру, и слова в этой структуре находятся в определенных связях с другими лексемами. Итальянский лингвист М. Маринучи констатирует, что «характерным свойством относительных прилагательных является обозначение ими не качественного признака, а связи, устанавливаемой между основным и атрибутивным именами: *американская нация, английское блюдо, Европарламент* и т.д.» [Marinuci, 2000: 179]. Необходимо подчеркнуть, что

главным признаком, позволяющим дифференцировать относительные и качественные имена прилагательные – это функция определения признака относительных прилагательных, таких как: «состоящий из» или «сделанный из», «похожий на» или «относящийся к» и др. В связи с тем, что разряд относительных имен прилагательных определяет признаки предметов и явлений окружающей действительности, им характерна связь с другими лексическими единицами, они грамматически и семантически производимы и, соответственно, могут иметь структурную и семантическую членимость. По семантическим критериям в английском языке можно выделить следующие лексико-семантические группы имен прилагательных: прилагательные формы англ. round русск. «круглый»; англ. square русск. «квадратный», прилагательные цвета англ. red – русск. «красный»; англ. white русск. «белый», параметрические прилагательные англ. short русск. «низкий»; англ. tall, high русск. «высокий»; англ. narrow русск. «узкий». Значительная группа представлена оценочными прилагательными англ. good русск. «хороший»; англ. bad русск. «плохой»; англ. clever русск. «умный». К этой группе относятся также прилагательные, используемые для обозначения физических и психических свойств человека или животного англ. strong русск. «сильный»; англ. weak русск. «слабый». Ряд ученых-лингвистов качественные прилагательные считает лексическими единицами, выражающими признак, свойство или качество предмета, объекта англ. young, small русск. «молодой»; англ. tall русск. «высокий». Данный разряд имен прилагательных выражает такой признак, который свойственен предмету и имеет особенность градуировать степень обозначаемого качества, т.е. обладает возможностью отражать степени сравнения. Разряд качественных прилагательных выражает цветовые, пространственные, физические и некоторые другие признаки или свойства, связанные с чувственным восприятием. Следует подчеркнуть, что качественные прилагательные считаются производными, хотя данное явление в ряде языков можно подвергнуть сомнению. Например, качественные

прилагательные чеченского языка, считающиеся некоторыми авторами (см. Халидов (2004), М. Р. Овхадов (2012)) качественными, имеют исторически довольно прозрачную основу и их происхождение в диахронном аспекте восходит к именам существительным. Например, можно признать производность многих качественных прилагательных, обычно отмеченных как непроизводные: чеченск. шера «скользящий» от чеченск. ша «лед»; чеченск. шийла «холодный» от чеченск. ша «лед»; чеченск. шуйра «широкий» от чеченск. ша «расстояние между вытянутыми большим пальцем и мизинцем» и т.д. Существующая в современной лингвистике относительная непрозрачность этимологической основы (т.е. основы существительного) является следствием изменений в диахронии. Например, прилагательное *beautiful* или *nice* в английском языке может быть использовано для характеристики любого объекта или явления: человека, растения, местности, реки, дома и т.д.: русск. красивая девушка англ. «*beautiful girl*»; русск. красивая музыка англ. «*beautiful song*»; русск. красивый город англ. «*beautiful city*». Стоит подчеркнуть, что качественные прилагательные выражают признаки и свойства, заложенные в предметах или явлениях, однако, кроме познавательного и смыслового характеристик значения прилагательных, здесь, присутствует и личностная оценка. Е. М. Вольф приводит разветвленную классификацию разряда качественных имен прилагательных. Исследователь считает, что «основное, начальное содержание многозначных слов может приобретать дополнительные значения» [Вольф, 1978: 36]. Например, рассмотрим английское прилагательное *direct* «прямой, непосредственный». В английском языке прилагательное *direct* имеет значения: 1) прямой *direct road* «прямая дорога»; 2) прямой, непосредственный *direct damage* «прямой ущерб», *direct interest* «непосредственный интерес»; 3) прямой, открытый, ясный, недвусмысленный *direct statement* «ясное заявление», *direct lie* «явная ложь», а *direct response* «правдивый ответ»; 4) полный, абсолютный *the direct opposite* «абсолютная противоположность». В качестве примера можно

привести английское имя прилагательное *direct*, основное значение которого «*прямой, непосредственный*». В английском языке: 1) непосредственный *immediate address* «*непосредственный адрес*», *immediate ancestor* «*ближайший (непосредственный) предок*»; 2) непосредственный *spontaneous behavior* «*непосредственное поведение*»; 3) прямой *proximate successor* «*прямой наследник*»; 4) прямой *straightforward agreement* «*прямое соглашение*»: *straightforward answer* «*откровенный ответ*»; 5) прямой, непосредственный *first-hand testimony* «*свидетельские показания из первых рук*»; 6) откровенный *genuine interest* «*откровенный интерес*». В отношении выражаемых ими грамматических категорий прилагательные в английском языке имеют следующие признаки: прилагательные в английском языке не изменяются ни по родам, ни по числам, ни по падежам. Например: англ. *young man* русск. «*молодой человек*», англ. *nice girl* русск. «*красивая девушка*», англ. *nice girls* русск. «*красивые девушки*». Дополнительным признаком, свойственным английским прилагательным, можно считать отсутствие полной и краткой форм. Аналогично, обстоит дело и с качественными прилагательными в чеченском языке, которому краткие формы прилагательных вообще несвойственны. В чеченском языке, одна и та же лексема, может употребляться, как качественное имя прилагательное, так и как наречие. Например: чеченск. *дика стаг* – русск. «*хороший человек*»; чеченск. *дика яздо* – русск. «*хорошо пишет*». Примеры свидетельствуют, что лексема *дика* употребляется без морфологических маркеров и как прилагательное, и как наречие.

В английском языке одно и то же имя прилагательное может выполнять и атрибутивную, и предикативную функции: англ. *I like sunny weather*=русск. «*Я люблю солнечную погоду*». англ. *The weather was sunny yesterday*=русск. «*Вчера погода была солнечной*». И в английском (индоевропейская семья), и в чеченском (кавказская семья), относящихся к разным группам языков, разряд качественных прилагательных характеризуется наличием степеней сравнения (сравнительной и превосходной).

Необходимо отметить, что отечественные лингвисты (см. З. А. Харитончик (1986), Б. С. Хаймович (1987), Б. И. Роговская (1987), В. Л. Каушанская (2008) и др.) выделяют только две разновидности английских имен прилагательных: качественные и относительные. Другие исследователи английского языка (см. И. П. Иванова (1981), В. В. Бурлакова (1985) и др.) выделяют три разряда английских имен прилагательных: качественные, относительные, количественные. К примеру, И. П. Иванова «слова *much, little, many*» относит к разряду количественных имен прилагательных» [Иванова, 1981: 59]. В. Д. Аракин считает, что «все английские прилагательные можно отнести к качественным прилагательным» [Аракин, 2005: 12]. По мнению исследователя, атрибутивные словосочетания «существительное+существительное» в английском языке являются своеобразной компенсацией разряда относительных имен прилагательных, например, *a strong boy, a gold watch* [Аракин, 2005: 12]. В свою очередь, имена прилагательные в чеченском языке образуются, таким же образом, когда по происхождению относительные прилагательные являются формой родительного падежа имен существительных в атрибутивных словосочетаниях типа:

чеченск. дечиган парта – русск.» *деревянная парта*», букв. «из дерева парта»;

чеченск. берзан цјока – русск. «*волчья шкура*», букв. «*волка шкура*». В данных словосочетаниях относительные прилагательные «дечиган, берзан» являются формами родительного падежа имен существительных чеченск. дечиг – русск. «*дерево*»; чеченск. борз – русск. «*волк*». Необходимо подчеркнуть, мнение ученого-лингвиста М. Я. Блох, который «выделяет оценочную и определяющую функции английских имен прилагательных» [Блох, 2002: 23]. Далее, он отмечают, что «оценочную и определяющую функции могут выражать одни и те же качественные имена прилагательные» [Блох, 2002: 23].

Некоторые исследователи (см. Nesfield J.C. (1924), Sweet H. (1930), Bryant M. (1945), Дж. Курм (1977), К. А. Сидоркин (2014), Funtek, E. (2015), С. Г. Каримова (2007), М. Б. Антонова (2021), Ekaterina Osipova, Ekaterina Bagrova (2021), Вэй И (2023) и др.) придерживаются мнения о том, что основой классификационных характеристик имен прилагательных в английском языке являются не семантические критерии, а функциональные. Необходимо особо подчеркнуть, что классификация английских имен прилагательных строится зарубежными исследователями с учетом функций имени прилагательного, как определения и имени существительного, как определяемого именем прилагательным. Известный английский ученый-лингвист Дж. Курм «делит прилагательные на описательные (*descriptive*) и ограничительные (*limiting*)» [Curme, 1977: 176]. С. П. Балашова «к ограничительным относит не только прилагательные, но и указательные местоимения и слова, среди которых: *much, many, little, few*» [Балашова, 1983: 20]. Далее, она отмечает, «это связано с тем, что ограничительные имена прилагательные предшествовали описательным (*many famous artists, that dark wooden staircase*)» [Балашова, 1983: 20]. Другой зарубежный ученый Н. Sweet, известный в научно-лингвистических кругах, «подразделяет прилагательные английского языка на определяющие (*attributive*) и квалифицирующие (*qualifying*)» [Sweet, 1930: 183]. По мнению ученого, все прилагательные могут быть в составе обоих подклассов. В качестве примера Н. Sweet «приводит сочетания «*a great man*» и «*great stupidity*». В первом случае, слово «*great*» выступает как определяющее прилагательное, во втором, оно является квалифицирующим» [Sweet, 1930: 183]. Исследователь-лингвист Е. В. Милетова, классифицируя английские имена прилагательные, «учитывает помимо их семантических признаков, еще и синтаксические и указывает на то, что, если в прилагательных отсутствуют морфологические показатели, то имя существительное может выражать в данном случае признак следующего за ним существительного (*iron gate, wooden table, summer holidays*)» [Милетова, 2016: 94]. Далее, Е. В. Милетова также

утверждает, что «единственным морфологическим признаком английского имени прилагательного является образование степеней сравнения. Естественно, когда мы говорим о степенях сравнения прилагательных, мы имеем в виду только те прилагательные, которые обозначают признак предмета с большей или меньшей интенсивностью, т. е. те, к которым применительно понятие степени» [Милетова, 2016: 94]. Лингвист Л. Н. Комарова в своей работе «Прилагательные и особенности их классификации в английском языке» (2009) делает акцент на том, что «в настоящее время как в отечественном, так и в зарубежном языкознании представлено большое количество классификаций сложных имен прилагательных» [Комарова, 2009: 75]. Автор отмечает, что ряд ученых «выделяет сложные стилистически маркированные и стилистически немаркированные прилагательные, учитывающие эмоционально-оценочный фактор, а сложные прилагательные можно подразделять на нейтральные и эмоционально-окрашенные. Также классификация сложных прилагательных может строиться с учетом социальной и профессиональной принадлежности индивидуума, литературного жанра (прозаической и поэтической литературы) и т. д.» [Комарова, 2009:75]. М. Брайент строит свою классификацию, опираясь «на принцип значений имен прилагательных». В основе его классификации относительных имен прилагательных лежит признак атрибутивности и предикативности. С учетом занимаемой в предложении позиции М. Брайент делит «относительные имена прилагательные на ограничительные и неограничительные» [Bryant, 1945: 173]. Вместе с тем, зарубежное сравнительно-сопоставительное языкознание выделяет и другие принципы определения разрядов имен прилагательных, учитывая и производные от имен числительных и местоимений. По мнению J. C. Nesfield, имена прилагательные в английском языке можно разделить на следующие классы:

– собственные прилагательные (proper): *a Chinese sailor, the English language*;

– описательные прилагательные (descriptive): *a brave boy, a dark night*:

- количественные прилагательные (quantitative): *much pain, little bread*;
- числительные (numeral): *seven apples, few men*;
- указательные прилагательные (demonstrative): *this man, that boat*;
- вопросительные прилагательные (interrogative): *what book, which book*;
- распределительные прилагательные (distributive): *each gun, every man* [Nesfield, 1924: 181].

Следовательно, в результате анализа существующих исследований по классификации английских прилагательных можно сделать вывод, что ученые-лингвисты не имеют единого мнения относительно вопросов, касающихся данной проблематики. В современном чеченском, отечественном и зарубежном языкознании представлены работы, в которых ученые-лингвисты подробно и всесторонне рассматривают имя прилагательное на лексическо-семантическом, морфолого-синтаксическом и коннотативном уровнях. Необходимо подчеркнуть, что научным исследованиям, которые основаны на всестороннем изучении ФЕ с компонентом-прилагательным не уделено должного внимания, всего лишь, предприняты попытки исследования отдельных классификационных признаков и свойств прилагательного в составе фразеологизмов.

1.5.2. Фразеологические единицы с компонентом-прилагательным в английском языке

Различным аспектам исследования фразеологизмов с компонентом-прилагательным посвящен ряд специальных работ таких авторов (см. З. Н. Анисимовой (1952), Р. Г. Котова (1956), Н. М. Сидяковой (1967), Али-Абу Эль-Футах Ибрагим Эль-Шаих (1971), С. В. Лескина (2010), Л. Р. Сакаева (2011), Е.А. Шабашевой (2012), О. А. Пасюкова (2016) и др). Исследования указанных авторов посвящены анализу имен прилагательных в составе фразеологизмов английского, немецкого, русского и других языков в

срнительно-сопоставительном аспекте. Так, З. Н. Анисимова, посвятившая свое исследование фразеологическим единицам английского языка, «предложила типологию фразеологических сочетаний, построенную на основе степени спаянности компонентов в устойчивом словосочетании» [Анисимова, 1952: 10]. Данный принцип лежит в основе классификации З. Н. Анисимовой, которая делит «фразеологизмы на представляющиеся традиционными в языковедческой практике многих языков типы: сращения, единства и фразеологизмы классифицирующего характера» [Анисимова, 1952: 10]. В своей работе З. Н. Анисимова «устойчивые сочетания с компонентом-прилагательным с переносным значением относит к фразеологизмам классифицирующего характера, объясняя это тем, что они по типу связи и семантике не имеют особенных отличий от фразеологизмов с прилагательными в своем основном значении» [Анисимова, 1952: 10]. Рассматривая фразеологические сочетания с точки зрения лексико-фразеологических вариантов, указанный автор представила классификацию, в которой фразеологизмы объединены в группы по принципу общности значений. Также, З. Н. Анисимова «выделила и отдельный тип устойчивых сочетаний, включив в него фразеологизмы, которые не могут быть включены в предложенные ею группы» [Анисимова, 1952: 10]. Классификация З.Н. Анисимовой, построенная на основе лексико-фразеологических признаков компонентов-прилагательных, включает в себя следующие группы устойчивых сочетаний:

1) фразеологизмы, в которых имя прилагательное имеет свободное значение: *public debt* «*государственный долг*»; *European security* «*безопасность в Европе*»; *stone wall* «*стена каменная*»;

2) фразеологизмы, характеризующиеся прилагательными со связанным значением: *small beer* «*пустяки, мелюзга*»; *run wild* «*бурно разрастись*»; «*расти без присмотра*»;

3) фразеологизмы, в которых имена прилагательные по принятой схеме не могут быть включены в две вышеуказанные группы: *tooth and nail*

«засучив рукава, не жалея сил»; it's raining cats and dogs «льет как из ведра» [Анисимова, 1952: 10].

С точки зрения типологии фразеологических сочетаний представляет интерес работа Р. Г. Котова, в которой лингвистическому (структурно-семантическому) анализу подвергнуты устойчивые словосочетания другого языка германской группы – немецкого. Р. Г. Котов «в своем исследовании рассматривает фразеологизмы немецкого языка структурного типа «глагол+прилагательное». Автор объясняет актуальность своего исследования своеобразием этого типа устойчивых словосочетаний и их малоисследованностью в немецком языкознании» [Котов, 1956: 76]. Основной акцент в работе автор делает на освещении семантики имени прилагательного, как именного компонента, в составе фразеологизмов типа «глагол+прилагательное». Содержание исследования Р. Г. Котова свидетельствует о том, что «им преследуется двоякая цель: определение семантических особенностей прилагательного и глагола, входящих во фразеологизм, определение семантической специфики самого фразеологизма и его синтаксической сочетаемости в структуре предложения или текста. Автор данного исследования приходит к выводу, что «компонент – прилагательное во фразеологических сочетаниях данного типа носит характер уточнения или определения значения всего сочетания» [Котов, 1956: 76].

Научно-исследовательская работа Н. М. Сидяковой посвящена «анализу английских фразеологических сочетаний компаративного характера модели (as)+прилагательное+(as) – существительное ((as) mad as a hatter – обезумевший, перевод букв.: безумный как шляпник)» [Сидякова, 1967: 126]. Фразеологические сочетания этого типа состоят из двух компонентов с переосмысленным значением. Н. М. Сидякова отмечает, что «имя прилагательное является первым компонентом во фразеологизмах данного типа, т. е. компаративных фразеологизмах, и обозначает качество мотивированно» [Сидякова, 1967:126]. В диссертационном исследовании Г.

С. Свешниковой описан «типологический анализ фразеологических единиц с компонентами-прилагательными, обозначающими цвет в немецком, английском и шведском языках» (1969). Автор всесторонне исследовал ФЕ, образованные с «помощью прилагательных со значением «зеленый», «красный», «черный», «белый», «серый» и рассмотрел синонимические связи прилагательных, обозначающих цвет, и обусловленный ими характер отношений между соответствующими семантически преобразованными выражениями» [Свешникова, 1969: 120]. Следует отметить, что исследованием фразеологизмов модели «прилагательное+существительное» в русском языке еще во второй половине XX века занимался Али Абу Эль-Футах Ибрагим Эль-Шаих [Али Абу Эль-Футах Ибрагим Эль-Шаих, 1971: 5]. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов с компонентом-прилагательным на материале произведений XIX-XX вв. были описаны в диссертационной работе И. А. Шубарчик. Исследователем дана «семантическая характеристика фразеологическим единицам с компонентом-прилагательным, отмечены особенности фразеомообразующих функций прилагательных как обязательных и факультативных компонентов фразеологических единиц, показаны особенности функционирования грамматических категорий фразеологизмов» [Шубарчик, 2003: 162]. По мнению ученого-лингвиста, значимое место в модели занимают фразеологизмы с зависимым компонентом-прилагательным, приобретающим в результате переосмысления специфическое значение. Среди них ученый выделяет обороты, в которых представляется сложным истолковать имена прилагательных, имеющие метафорическое значение (например, как: *крошечная тьма, зеленая тоска, волчий аппетит, красная цена* и др.). Наряду с этим, автор исследования дал полную характеристику структурно-семантическим особенностям, характерным для данной модели, в частности многозначности, омонимии, синонимии, антонимии. По нашему мнению, особый интерес представляют выводы, которые сделал автор относительно вариантности и антонимии фразеологизмов этого типа, в основе которых

лежат адъективные компоненты. Объектом исследования С. В. Лескиной являются «предметные, атрибутивные и качественно-обстоятельственные ФЕ русского и английского языков как языковые составляющие категории пейоративности» [Лескина, 2010: 85]. В результате подробного анализа категории пейоративности автор выявляет определяющую роль пейоративных фразеологизмов русского и английского языков «в выражении универсалий и специфики языковой картины мира с позиций сравнительно-сопоставительной лингвистики» [Лескина, 2010: 85]. С. В. Лескина рассматривает пейоративность как «свойство языковых единиц, проявляющееся в способности реализовывать семантику пренебрежения, неодобрения, презрения, уничижения, критики и порицания в адрес представителей социума, чьё поведение, поступки или личностные качества выражают явное отклонение от моральных и социальных норм общества; отклонение, проявляющееся в девиантном поведении, нарушающем общественное спокойствие и общественные правила, принятые в социуме, что наносит этический, моральный или физический ущерб представителям социума; характеристики, которые могут быть подвержены изменениям изнутри, но не извне» [Лескина, 2010: 85].

Сравнительно-сопоставительному анализу структурно-грамматических и субстантивных ФЕ в русском, английском, татарском и таджикском языках посвящено исследование Л. Р. Сакаевой, которая отмечает, что в «русском, английском и татарском языках модель «прилагательное» + «существительное» с наличием атрибутивной связи между компонентами является самой многочисленной моделью: русск. «золотые руки»; англ. «*right guy*» в значении «надёжный человек»; тат. «*кору кеяз*» (перевод букв. «сухой фронт») в значении «щёголь»; тадж. «*забони тез*» в значении «острый язык» [Сакаева, 2011: 117]. По мнению Л. Р. Сакаевой, «ФЕ данной группы обладают ярким переносным значением и служат для обозначения самых разнообразных качеств, свойств, присущих как людям, так и предметам, и явлениям: *очень крепкий, твёрдый, очень красивый, очень*

смелый, здоровый» [Сакаева, 2011: 117]. Характерным признаком данной подгруппы фразеологизмов, по мнению автора, является так называемая константно-вариативная зависимость компонентов, т.е. взаимозаменяемость компонентов.

Современным сравнительно-сопоставительным исследованием на публицистическом материале является работа О. А. Пасюковой «Субстантивные фразеологизмы с компонентом- прилагательным русского и английского языков в семантико-грамматическом аспекте (на материале публицистических текстов)» [Пасюкова, 2016: 108]. В диссертационной работе автор подробно рассмотрел структурно-грамматические и семантические признаки субстантивных фразеологизмов с компонентом прилагательным в русском и английском языках, которые привели ее к следующему выводу, что «характерной особенностью субстантивных фразеологизмов русского и английского языков является передача их национального колорита. Кроме этого, автор отметила значительную роль прилагательных, входящих в их состав и отражающих связь с окружающими предметами и явлениями» [Пасюкова, 2016: 108]. Таким образом, ФЕ с компонентом-прилагательным в английском языке представлены в сравнительно-сопоставительном языкознании данными работами.

Выводы по первой главе

Анализ теоретических изысканий по классификации чеченских и английских ФЕ с компонентом-прилагательным в сравнительно-сопоставительном языкознании, приводит к следующим выводам:

1) понятие «фразеология» учеными-лингвистами трактуется, как устойчивое словосочетание, которое изучается с античного периода. В зарубежном языкознании идиомы и идиоматические выражения составляют часть языка и имеет свои исследовательские традиции, представляя значительное лингвистическое повествование в лингвистической науке, но не

имеет единого мнения относительно данного вопроса. Фразеология отражает самобытную этнокультуру этноса, его верования и традиции, с развитием культуры народа развивается и фразеологический пласт языка. В фразеологическую систему входят словосочетания, которые отличаются постоянством и воспроизводимостью своей структуры, поэтому, на современном этапе развития лингвистической науки не все известно и исследовано. Обоснованным, представляется мнение о том, что фразеологические словосочетания, являясь ментальными скрепами, хранящими национальную аксиологию, восполняют дефицит в словарно-понятийной структуре языка, являясь структурно-семантическими номинациями различных реалий окружающего мира. Являясь знаками языка, вторичной номинации, фразеология изучает значение, структуру, связи лексико-синтаксического уровня и экспрессивно-стилистические признаки ФЕ и слов, относится к специфичной и национально-самобытной области языка;

2) существуют различные классификации фразеологизмов в лингвистической науке. Швейцарский лингвист французского происхождения Ш. Балли, является основоположником фразеологии как науки, а российский лингвист В. В. Виноградов сформулировал основные понятия, объём и задачи фразеологии. Фундаментальной основой в чеченской и английской лингвистической науке является классификация фразеологизмов по степени сочетаемости их компонентов, которую разработал французский языковед Ш. Балли. Под широким пониманием фразеологии, мы имеем ввиду, функционирование в языке идиом, фразеологических сочетаний и устойчивых фраз (пословиц, крылатых выражений, фраз-приветствий и т.д., выходящие за пределы словосочетаний), а узкое понимание – это лишь идиомы и устойчивые сочетания слов, функционально соотносимые со словом, как номинативной единицей языка, находящиеся на стыке лексико-семантического и синтаксического уровней, где особенность промежуточного уровня является отсутствие собственных

языковых единиц, выделивший три основные группы: 1) лексические фразеологизмы: *держат язык за зубами*; 2) предикативные фразеологизмы: *лучше синица в руках, чем журавль в небе*; 3) компаративные фразеологизмы: *хитрый, как лис*. За основу классификации фразеологизмов чеченского языка взята классификация русского языка, поэтому мы апеллируем и к русской фразеологической системе, наряду с английской;

3) фразеологический пласт чеченского языка, с научно-лингвистической точки зрения не исследован в сравнительно-сопоставительном аспекте, также недостаточно научных изысканий по анализу фразеологического пласта в гомогенных (родственных) и гетерогенных (неродственных) языках, в частности, ФЕ с компонентом-прилагательным в чеченской и английской словесности, требующие прикладных исследований. В чеченском языкознании следует выделить труды ученых-лингвистов, которые придерживаются широкого (см. И.А. Арсаханов (1965), А. Т. Карасаев (1975), З.Д. Джамалханов, М.Ю. Мачигов (1972) и узкого (см. И.Ю. Алироев (1998), В.Д. Тимаев (2007), Р.Д. Шамилева (2010, 2012), М.Р. Овхадов (2011), Д. Б. Байсултанов (2006), А.И. Халидов (2010) взгляда на проблемы фразеологии. В современном чеченском языкознании Д. Б. Байсултанов начал проводить глубокие и основательные исследования национальной фразеологии. Проблеме семантики, структуры, количества ФЕ в сопоставляемых языках, синтаксическим моделям фразеологизмов, фразообразующим, смыслообразующим, уточняющим и коннотативным функциям, посвящена данная диссертационная работа, в которой в сравнительно-сопоставительном аспекте исследуются ФЕ с компонентом-прилагательным в чеченском и английском языках;

4) исследователи-лингвисты (см. Ш. Балли (1961), А. В. Кунин (1984), Т. Н. Федуленко (2006), Т. С. Соловьева (2007), Granger Sylviane and Meunier Fanny (2008), Funtek E. (2015), Shiqing Zhou (2021) и др.) предлагают различные классификации фразеологизмов в английском языке. Исследователь ФЕ английской фразеологии Е. А. Яковлева, разделяет их по

происхождению на два класса: исконно английские и заимствованные. Заимствованные, в свою очередь, подразделяются на межъязыковые и заимствованные из территориальных вариантов английского языка. В отдельную группу выделяют заимствования в иностранной форме. С точки зрения происхождения ФЕ следует разделить на группы: исконно английские ФЕ, ФЕ, заимствованные из различных языков путем того или иного перевода. Ш. Балли также разработал свою собственную классификацию фразеологизмов: свободные и привычные словосочетания, а также фразеологические ряды и фразеологические единства. Однако, не только классификация фразеологизмов является сложным вопросом, но и недостаточно изученным вопросом является структура фразеологизмов. Соотносительность ФЕ с крупными морфологическими группами слов – частями речи, свидетельствует о связи этих устойчивых единиц на морфологическом уровне, т.е. на уровне частей речи;

5) в плане соотносительности ФЕ с морфологическим уровнем существуют работы по данной проблематике в чеченском языкознании (см. В. Д. Тимаев, (2007), З. Х. Хамидова (2007), А. И. Халидов (2010), М. Р. Овхадов (2012), М. У. Зубайраев (2013) и др.), в отечественном (см. З. А. Харитончик (1986), Р. А. Шхалахова (1998), И. Б. Ушакова (2002), Н. В. Терехова (2002), А. А. Глушкова (2005), Н. В. Кунакужина (2005), М. В. Сандакова (2020), S. M. Rajabova (2023) и др.) и зарубежном (см. Дж. Керм (1977), G. Knappe, L. Pinnavaia (2010), E. Funtek (2015), Shiqing Zhou (2021), Вэй И. (2023) и др.) сравнительно-сопоставительном языкознании представлены научно-исследовательские работы, в которых ученые-лингвисты представляют детальный анализ имени прилагательного, в частности его лексические, семантические, грамматические и коннотативные характеристики. При этом, следует отметить, в чеченском языкознании исследований, посвященных всестороннему анализу ФЕ, содержащих компонент-прилагательное в полной мере не представлено, так как учеными-лингвистами чеченского языкознания им не уделено должного внимания,

недостаточно реализованы исследовательские попытки по анализу свойств имен прилагательных в составе фразеологизмов;

б) ФЕ с компонентом-прилагательным в английском языке рассмотрены в работах (см. Nesfield J.C. (1924), Sweet H. (1930), Bryant M. (1945), Дж. Курм (1977), С. В. Лескина (2010), Л. Р. Сакаева (2011) К. А. Сидоркин (2014), Funtek, E. (2015), С. Г. Каримова (2007), О. А. Пасюкова (2016) М. Б. Антонова (2021), E. Osipova, E. Vagrova (2021), Вэй И (2023) и др.), которые анализируют синонимические связи прилагательных, обозначающих цвет, и обусловленный ими характер отношений между соответствующими семантически, преобразованными выражениями. Значительное место отводится синтаксическим моделям фразеологизмов и фразообразующим, смыслообразующим, уточняющим и коннотативным функциям находящихся в их составе компонентов-прилагательных. В научных исследованиях авторы приходят к выводу, что характерной особенностью адъективно-субстантивных фразеологизмов чеченского и английского языков является передача ими национального колорита. Отдельными исследователями дана семантическая характеристика ФЕ с компонентом-прилагательным, отмечена специфика и особенности фраземообразующих функций прилагательных, как обязательных и факультативных компонентов ФЕ, показаны свойства и функции грамматических категорий фразеологизмов в английском языке.

ГЛАВА II. СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-ПРИЛАГАТЕЛЬНОМ В ЧЕЧЕНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

2.1. Характеристика прилагательных в адъективно-субстантивных фразеологических единицах

По количеству и по частотности функционирования адъективно-субстантивные ФЕ занимают одно из первых мест как в чеченском, так и в английском языках. Анализ эмпирического материала по функционированию адъективно-субстантивных ФЕ в чеченском и английском языках позволил заключить, что данные языковые единицы составляют наибольшую часть анализируемых ФЕ с компонентом-прилагательным в сопоставляемых языках, в чеченском языке - 177 ФЕ, а в английском языке - 390 ФЕ.

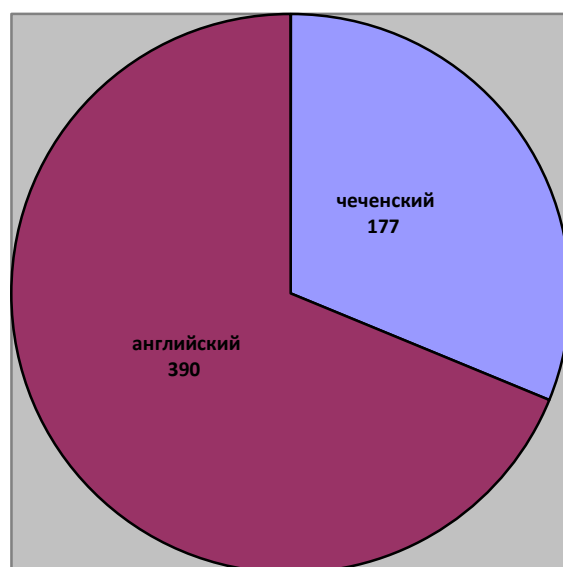

Диаграмма 1. Адъективно-субстантивные ФЕ

Группа адъективно-субстантивных ФЕ в фразеологических системах чеченского и английского языков делится на разные модели. Анализируя функциональный аспект данных ФЕ в рамках данного исследования, мы имеем в виду адъективно-субстантивные фразеологизмы, которые строятся по модели adjective+noun (прилагательное+существительное) с атрибутивной связью между компонентами. Например, в чеченском языке

мы встречаем такие ФЕ как: **къаьхьа дош/г1о дош** «горькие, обидные слова»; **къаьхьа къурд** «горькая чаша; тяжелое испытание», **деса къамел** «беспольный, пустой разговор»; **беза мах** «высокая цена», **беза мохь** «тяжелая ноша», **ваьсса стаг** «ничтожный, беспринципный человек», **шийла мох** «холодный ветер», **шийла мохь /кхаь/шеко** букв.: «холодный крик» «страшный крик/страшная весть/страшное подозрение»:

чеченск. Со муха кхаьчна-те кхунна улло?!!» – кийра хьаьдира цхьа сиха, **шийла шеко (шеко)** (Нунуев, 1986: 204), - ««Как я оказалась рядом с ним?» – в душе подкралось **страшное подозрение**» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Бен боьхначу олхазарх со арахьаьдира... Вацара цу сохьта **шийла кхаь** беанарг (Солцаев, 1988: 207), - «Я выбежала как птица из разбитого гнезда ... Человека, принесшего **страшную весть**, уже, не было» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. **Шийла ша** биллира богучу сан кийра! (Солцаев, 1988: 207) – «Мою пылающую душу покрыло **холодным льдом**» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. **Шийла т1улг** хилла тхан **беза бала** хьан кийрахь керчийла, тхан къиза дада! (Солцаев, 1988: 207), - «Пусть **холодным камнем** ляжет наше **горе** в твою душу, наш беспощадный отец» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Ц1еххьана цуьнан кийрара **шийла мохь** болу (Солцаев, 1988: 207), - «Внезапно из его груди издается **страшный крик**» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. **Шийлачу шеконийн** ца безаш бала,

Некъ лобхуш, хьийза са – къинт1ерадала...

Ас цуьнга х1ун ала, х1ун ала ас,

Х1ун алий, бехказаяккха ас хьо? (Ибрагимов: 270)

*Снять груз **страшных подозрений***

Пытаюсь я – душа моя, прости меня...

Что мне сказать ей, что сказать,

Какими словами мне оправдать тебя? (пер. наш – М. Э.); чеченск.

Дуьненах самукьадолуш,

Мила ву летога кьинош?
Сихвелла **къаьхъа дош** олуш,
Мелана дайло вайн синош (Байсултанов, 2016: 250), -
*Наслаждаясь этим миром,
Кто не грешил?*
*Поспеши, сказав **обидное слово**,*
Насколько отягощаются наши души? (пер. наш – М. Э.);
чеченск. Хьостуш стигал, латта,
Къинойх ц1андеш дог,
Кху 1аламан матгахь
Ала **мерза дош** (Бисултанов, 2016: 250), -
*Восхваляя небо, землю,
Очищая сердце от грехов,
На этом языке*
*Скажи **приятные слова*** (пер. наш – М. Э.);
чеченск. Шайт1анийн ц1уьх1аршна
Луур ца хуьлуйтуш,
Нохчалла – лекха дарж,
Къонахий кхуьуйтуш.
Нохчалла – **беза мохь**
Сий деза долчарна,
Нохчалла – **беккъа мох**
Хабарчийн ох1ланна (Цуруев, 2022: 212), -
*Дьявольскому подхалиму
Не позволяя потворствовать,
Нохчалла – великая сила
Воспитывающая молодых.
Нохчалла – **тяжелая ноша**,
Где честь превыше всего.
Нохчалла – **только ветер***

Для болтунов и пустозвонов (пер. наш – М. Э.);

чеченск. ...Даймахках хийца йиш йоцуш,

Суна чохь **мерза са** лелахь,

Лаьтта тIехь кхин рицкьа доцуш,

Сох некъан кIарлагIа елахь (Дакаев, 2011: 197), -

Родину ни на что не променяю,

*Пока моя **сладкая душа** во мне.*

Если не останется на земле пропитания,

Сделай из меня позорный столб (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Мичахь ву Ада? – халла делира Мохьмадан багах, велхаран шад легашка хIобьттина, **къаьхьа къурд** а беш (Берсанов, 1986: 192), - «А где Ада? – с трудом сдерживая слезы, **горько вздыхая**, спросил Магомед» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. – ДIавалахь дIа, иштта ма алахь. Хьан багахь йолу **Iаь мерза** ю. Дош мерза ду (Берсанов, 1986: 192), - «Да ладно тебе, не говори так. Ты всегда вежлив, каждое твое **слово приятное**» (букв.: сладкое)» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. «Со муха кхаьчна-те кхунна улло ?!!», – кийра хьаьдира цхьа сиха, **шийла шеко** (Нунуев, 1986: 204), - ««Как я оказалась рядом с ним?» – в душе подкралось **страшное подозрение**» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Мах бац хIума ма-дарра охьадиллина доцчу историн, истори а ца хуьлу иза тIаккха – **деса хабар** хуьлу, декъаза патриотизм ю и хабарш дийцар – тIаьхьенаш тилкхаза яхар (Яшуркаев, 2013: 213), - «Если историю не излагать правдиво, это и не история, а **пустой разговор**, мнимый патриотизм, обманывающий будущее поколение» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Ешархочо хатта тарло: ткьа оцу хьехамашна резаярий Марет я **деса хабар** хетара цунна иза? (Макалов, 2008: 200), - «Читатель мог спросить: Марет нравились эти наставления, или она считала это **пустой болтавней?**» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Иштта цхьана дийнахь, **ченан кIур** гIаттийна немцошна

чуьхъаьвдда йоьлхура вайн танкаш (Берсанов, 1986: 192), - «*И вот, однажды, наши танки ринулись в атаку на немцев, подняв пыльное облако (букв.: пыльный дым)*» (пер. наш – М. Э.)

В английском языке данную группу ФЕ представляют такие словосочетания, как: a black sheep русск. «*паршивая овца, позор семьи*»; a good money русск. «*выгодная сделка*»; high language русск. «*высокопарные, «громкие» слова, напыщенная речь*», bad blood русск. «*враждебность, рознь, недоброжелательство*», bad language русск. «*ругань, сквернословие*», a bad job русск. «*безнадежное, гиблое дело*», a bad sort русск. «*плохой человек*»:

англ. The newspapers and political stooges have been trying to create **bad blood** between the workers and returned soldiers (Prichard, 2012: 243), - «... *газеты и политические заправилы всячески стремятся посеять рознь между рабочими и демобилизованными*» (Причард, 2012: 280).

англ. Don't like those chaps anyway; there's **bad blood** whenever they are! [Кунин, 2001: 256], - «*В любом случае, мне не нравятся эти ребята; где бы они не появлялись – везде вражда*» (пер. наш – М. Э.);

англ. There's one thing I won't stand for. And that is **bad language** in the presence of ladies (Prichard, 2012: 243), - «*Я не выношу, когда в присутствии дам сквернословят*» (Причард, 2012: 280);

англ. The men said that Kane «wasn't a **bad sort**» and out to get the big crooks as well as small fly in the traffic. (Prichard, 2012:243), - «*Про Кейна говорили, что он «невредный малый» и за крупными мошенниками охотится, не только за мелюзгой*» (Причард, 2012: 280);

bad form “*дурной тон, плохие манеры*”:

англ. He seems to me rather showy and **bad form** (Galsworthy, 2009: 236), - «*Он по-моему претенциозен и вообще дурного тона*». (Голсуорси, 2009: 196);

bad character (egg, lot) (*человек, пользующийся дурной славой, темная личность, негодяй, преступный тип*):

англ. At times I am a thoroughly **bad egg**. I don't like to be this way with

you (Aldridge, 1972: 214), - *Временами я бываю совсем дрянная. Но с вами мне не хочется быть такой.* (Олдридж, 1953: 251);

англ. Lady Clavering has told me that they were not happy, and that her husband was **a bad character** (Thackeray, 2017: 248), - «*Леди Клаверин сказала мне, что они не были счастливы, и что ее муж был пронацим человеком*» (пер. наш – М. Э.);

англ. I don't want you to do Cleopatra. She is an animal, a bad lot. Yours is a beneficent personality (Кунин, 1984: 301), - «*Я не хочу, чтобы вы изображали Клеопатру. Она – животное, очень плохая. А вы – личность благодетельная*» (пер. наш – М. Э.);

bad man «злодей, головорез, отъявленный преступник»:

англ. «you are the leader of a gang... You have **bad men**, killers about you» (Anderson, 1936: 215), - «*И ты теперь лидер банды... вокруг тебя головорезы, убийцы*» (пер. наш – М. Э.).

a streak of bad luck “*полоса неудач, невезение*”:

англ. Beneath this tree lies the Body of John Outcasts, who struck **a streak of bad luck** on the 23rd November, 1850, and Handed in his checks on the 7th December, 1850 (F. Bret Harte, 1869: 217), - «*Под этим деревом находится тело Джона Окхэрста, которого настигла полоса неудач в игре 23 ноября 1850 года, и он бросил карты 7 декабря 1850 года*» (пер. наш – М. Э.).

Научно-исследовательские работы, посвященные специфике ФЕ с компонентом «прилагательное», как в зарубежном, так и в отечественном языкознании недостаточно исследованы в сравнительно-сопоставительном аспекте и составляют незначительное количество. К числу ученых, занимающихся данной проблематикой, относится С.Г. Каримова, которая провела «сопоставительный анализ адъективных фразеологических единиц метафорического характера» [Каримова, 2007: 70]. В работе Н.С. Кайтмазовой «подробно рассмотрены фразеологизмы со значением эмоций (в английском и осетинском языках)» [Кайтмазова, 2005: 63]. Следует также отметить, что З. Н. Анисимовой проведен анализ фразеологизмов типа

«прилагательное+существительное» в английском языке [Анисимова, 1952: 10].

В адъективно-субстантивных фразеологизмах стержневыми компонентами являются – имя существительное и имя прилагательное, которые обладают фразеологически связанным значением. Например: чеченск. **хала стаг** русск. «человек с тяжелым характером, тяжелый человек»; чеченск. **сирла ойланаш** русск. «светлые мысли»; чеченск. **къиза ойла** русск. «страшная мысль»; чеченск. **буьрса денош** русск. «тяжелые времена»;

чеченск. Исмаилан деглах шена хаа а луш, **шийла хьацар** туйхира (Нунуев, 1986: 204), - «Исмаил ощутил, как его тело покрывается **холодным потом**» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Кху **къизчу дуьненахь** сан бисна кхин некъ бац... (Солцаев, 1988: 207), - «В этом **жестоким мире** у меня не осталось ничего» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. **Деган нур** юьхь-сибат тIехь кхерста (Берсанов, 1986: 192), - «**Свет сердца** блуждал по лицу» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Ткъа и хало, **къиза хало** яра (Берсанов, 1986: 192), - «Это было очень **жестокое время**» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. ...Iаьржачу чIожашкахь **буьрса дохк** сийсара (Солцаев, 1988: 207), - «Темные ущелья заполнил **суровый туман**» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. **Вон матто** къинхетам бин бац цкъа а (Солцаев, 1988:207), - «**Плохой язык** никого и никогда не щадил» (пер. наш – М. Э.);

англ. яз. bad man – русск. «человек, готовый на всё; головорез, отъявленный преступник»; англ. bad language – русск. «ругань, брань»; сквернословие»; англ. easy money – русск. «легкие деньги»; англ. a clean sheet (или slate) – русск. «безупречная, незапятнанная репутация или чист, как стёклышко»: англ. a clean hand (wants no washing) – русск. «честному человеку не нужно оправдываться». Например:

англ. The Man... I've a right to call you to account because my **hands are**

clean (B. Shaw, 1914: 246), - «Господин... Я имею право призвать вас к ответу, потому что **мои руки чисты** (пер. наш – М. Э.);

англ. a dirty word – русск. *грязное слово, не цензурное слово*:

англ. To young people compromise is **a dirty word**, - «Для молодых людей «компромисс» звучит как **ругательное слово**» [Кунин, 2021: 257];

англ. bad blood – русск. *враждебность, рознь, недоброжелательство*:

англ. empty world – русск. *пустой мир*:

англ. Liberty, no complications, no contacts; a pre-Adamite **empty world** to do what she liked in. - «**Пустой** первобытный мир, в котором можно делать все, что угодно» [Кунин, 2021: 257];

англ. dead silence русск. *«мертвая тишина, абсолютная тишина»*:

англ. Then I said, «Listen, Hugo, it's Jake Donaghue here. I want to see you as soon as possible about something very important». There was **dead silence** [Кунин, 2001: 256], - «Затем я сказал, «Послушайте, Хьюго, Это Джейк Донагью. Мне надо как можно скорее увидеться с вами, дело важное. – Ответом было **мертвое молчание**» (пер. наш – М. Э.);

В данных ФЕ лексико-семантические и морфолого-синтаксические особенности определяет адъективный компонент, являющийся фразеологически связанным, а все составляющие фразеологизм компоненты не могут функционировать обособленно. Подобное свойство отсутствует у свободных словосочетаний. Если мы попытаемся исключить из фразеологизма, в частности, из адъективно-субстантивной ФЕ имя существительное, то имя прилагательное как компонент данной языковой единицы утрачивает свое фразеологически связанное значение. В качестве примера приведем свободные словосочетания и ФЕ с компонентом «прилагательное»: англ. sharp razor русск. *«острая бритва»* – англ. a sharp tongue русск. *«острый язык»*; англ. a small child русск. *«маленький ребёнок»* – англ. small change русск. *«мелкие деньги; мелочь; банальности; мелочи (жизни)»*:

англ. ... women are commonly not satisfied until they have husbands and

children on whom they may center affections which are spent elsewhere, as it were in **small change** (Thackeray, 2017: 248), - «...женщины, как правило, не успокаиваются, пока у них не появляются мужья и дети, на которых они могут направить свою любовь и привязанность, которые тратились на другое, **на мелочи жизни**» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. деса ц1а русск. «пустой дом» – чеченск. беса корта русск. «пустая голова, глупый человек»; чеченск. мерза шекар русск. «сладкий сахар» – чеченск. мерза безам/наб русск. «сладкая любовь, сладкий сон», чеченск. мерза дош русск. «сладкое слово; приятное слово»; «мягкое слово»; чеченск. ира урс русск. «острый нож» – чеченск. ира мотт «русск. острый язык». Например:

чеченск. – Д1авалахь д1а, иштта ма алахь. Хьан багахь йолу **1аь мерза ю. Дош мерза** ду (Берсанов, 1986: 204), - «*Не говори так. От тебя всегда только **приятное слово** можно услышать*» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Атта кара йирзинчу кьоначу йо1а, цо тешам боллуш схьакхийдочу **мерзачу безамо** к1ентан коьртера кхинйолу ойланаш кьахкийнера (Нунуев, 1986: 204), - «*Так легко доставшаяся юная девушка с ее **сладкой и преданной любовью** вытеснили все остальные мысли из головы парня*» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Ц1еххьашха цхьа **мерза безам** бахара Жабраилан йоь1е (Нунуев, 1986: 204), - «*Внезапно Джабраил почувствовал **сладкую любовь** к девушке*» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Д1аелира шуна и Мохьмад агроном хилла **мерза зама** (Нунуев, 1986: 204), - «*Прошла та **сладкая пора**, когда Магомед был агроном*» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Юха ца г1ертара **мерзачу ц1аро** малйина йо1 (Нунуев, 1986: 204), - «*Сладким огнем объятая девушка не отпиралась*» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. **Мерзачу набаро** хьобстийла хьо! (Солцаев, 1988: 241), - «*Пусть тебя ласкает **сладкий сон***» (пер. наш – М. Э.).

Необходимо отметить, что внешнее сходство грамматической формы адъективно-субстантивных фразеологизмов и свободных словосочетаний не

является свидетельством сходства характера отношений между их компонентами. По мнению З. Н. Анисимовой, можно выделить фразеологические сочетания, в которых имеют место несвободные адъективные компоненты. Указанный автор связывает малочисленность в языке устойчивых сочетаний со сходными значениями имен прилагательных с идиоматичностью данных фразеологизмов. Многочисленность таких устойчивых словосочетаний свидетельствует о близости их к неидиоматичным. Основанием для такого утверждения, по мнению этого автора, «является зависимость значений в таких словосочетаниях от значений его компонентов» [Анисимова, 1952: 10]. Показательным, в этом соотношении являются английские адъективно-субстантивные фразеологические единицы, содержащие компонент «*black*». Если рассматривать данное прилагательное в сочетаниях с разными существительными, то мы приходим к выводу, что его главное семантическое значение содержит негативный оттенок, а именно: «иметь дело с чем-то запрещенным». При этом, во фразеологизмах, в состав которых входит компонент «*black*» часто наблюдается так называемый «семантический сдвиг», в корне меняющий значение устойчивого сочетания, на что, как правило, оказывает значимое влияние, содержащийся в нем субстантивный компонент. В качестве примеров можно привести следующие словосочетания-фразеологизмы: англ. *black money* – русск. «*грязные деньги, незаконные доходы*»; англ. *black market* – русск. «*черный рынок*»; англ. *the black art* – русск. «*черная магия*». З. Н. Анисимова выделяет адъективно-субстантивные ФЕ, в которых прилагательное выступает в качестве общего компонента только для ограниченного количества сочетаний, что позволяет считать их идиоматичными. Например, в английских ФЕ англ. *cool thousand* – русск. «*круглая тысяча*»; англ. *cool hundred* – русск. «*круглая сотня*» прилагательное *cool* имеет значение «*круглый*» только в данных фразеологизмах; в английских субстантивных ФЕ англ. *full dress* русск. «*парадная одежда*», англ. *full uniform* русск. «*парадная форма*»

прилагательное *full* приобретает значение «*парадный*» [Анисимова, 1952: 10]. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в число ФЕ, в которых указанные прилагательные реализуют такое значение, очень незначительное. В связи с чем, мы считаем целесообразным относить их к идиоматичным. В сопоставляемом с чеченским, английском языке, например, качественное прилагательное *цена «чистый»* употребляется в значении «*полный, абсолютный, круглый*» только в субстантивных фразеологизмах *цена таытак «полный, абсолютный, круглый идиот», цена ловдал «полный, абсолютный, круглый дурак»,* что позволяет говорить об их идиоматичности. Вместе с тем, можно отметить, и некоторую морфологическую ограниченность имен прилагательных в адъективно-субстантивных сочетаниях, поскольку адъективно-субстантивные фразеологизмы можно считать одной из универсальных форм сочетания «определения и определяемого», то именно в них и проявляются лексико-семантические характеристики имен прилагательных и их сочетаемостные ограничения. Данный тип устойчивых сочетаний слов (адъективно-субстантивные сочетания) позволяет разграничить качественное прилагательное и предметное имя.

В. Г. Печенкина в своем исследовании отмечает «условность выделения в адъективно-субстантивных фразеологизмах признаков качественных, относительных и притяжательных имен прилагательных, свойственных соответствующим их разрядам свободных словосочетаний, так как в связанных сочетаниях их проявление ограничено» [Печенкина, 1969: 110]. Далее, «Потеря в связанном словосочетании части своих словоизменительных и словообразовательных возможностей именами прилагательными» послужило основанием для такого заключения В. Г. Печенкиной [Печенкина, 1969: 110]. Поэтому, возможно, следует говорить о том, к какому разряду относится свободный вариант прилагательного – качественному или относительному. Исходя из сказанного, о качественных именах прилагательных в составе адъективно-субстантивных

фразеологизмов можно говорить, принимая во внимание ограниченность их парадигматических свойств в связанном словосочетании. Ранее нами отмечено, что прилагательные, выделяемые как качественные, в сопоставляемых языках выступают производящей основой для соответствующих имен существительных с отвлеченным значением. В качестве примера можно привести:

- в чеченском языке: еса «пустой» – есалла «пустота», дика «хороший», дикалла «благо, добро», могуш «здоровый» – могушалла «здоровье» и т.д.;

- в английском языке: dark «тёмный» – darkness «темнота», free «свободный» – freedom «свобода». Однако, те же качественные имена прилагательные в адъективно-субстантивных устойчивых словосочетаниях лишены таких словообразовательных возможностей. Примером может служить качественное прилагательное *black* в английском языке, которое не может быть производящей основой соответствующего отвлеченного существительного в значении «нечестный». Отвлеченное значение существительного *blackness* «темнота» имеет отличное семантическое значение от прилагательного *black*, входящим в состав английского фразеологизма *black money*, которое переводится как «незаконные доходы». Подобное явление мы можем наблюдать и в чеченском языке. В частности, речь идет о существительном *ц1ана*, основное денотативное значение которого – «чистота». Данная лексема ни коим образом не соотносится с именем прилагательным *ц1ена* – «честный». Доказательством этому служит фразеологизм *ц1ена ахча* – «честно заработанные деньги». Следует отметить, что описанная в данном конкретном примере особенность качественных прилагательных, входящих в состав адъективно-субстантивных фразеологизмов не является исключением и, как мы считаем, объяснением этому служит экспрессивность, которую благодаря адъективному компоненту приобретает ФЕ:

- в чеченском языке: кьиза шело «страшный, жуткий холод», кьиза/г1о дешнаш «обидные слова»; лергана онда «тугой на ухо»;

- в английском языке: *white lie* «ложь во спасение, невинная ложь», а *warm*

reception «враждебная встреча», «теплый прием».

Следует подчеркнуть, что субстантивация имен прилагательных, являющихся адъективным компонентом во фразеологических сочетаниях, приводит к своеобразной потере устойчивыми сочетаниями экспрессии и, соответственно, к их превращению или переходу в разряд свободных сочетаний слов. Еще в середине прошлого века было отмечено, что «свойства качественных имен прилагательных иметь степени сравнения, не относятся к тем из них, которые показывают такой признак, который является абсолютным» [Репникова, 1999: 112] Здесь, в качестве примера можно привести прилагательные слепой «*blarze*», «*blind*», пустой «*esa*», «*empty*» и т.д. Естественно, признак *слепой, пустой* нельзя представить в сравнении, сопоставлении и т.д. Поэтому, обычное для большинства качественных прилагательных свойство иметь категорию сравнения выступает «исключением» для прилагательных, обозначающих признак в его абсолютном проявлении. Однако, наблюдения показывают, что имена прилагательные не могут образовывать формы степеней сравнения в составе фразеологических единиц как английского, так и чеченского языков. Подтверждением этому служит и английский субстантивный фразеологизм *a big fish* «*важная особа*», который не используется в сравнительной степени - *the bigger fish*. Аналогично, в чеченском языке имеется фразеологизм *воккха 1овдал* «*совершенный дурак*», который не может иметь сравнительную степень *воккхах 1овдал*. Также представляется невозможным образовать сравнительную степень *ц1енах болх* от чеченского фразеологизма *ц1ена болх* «*чистая работа*». Причина, по которой, как мы считаем, в сопоставляемых нами языках исключает возможность образования форм сравнительной степени в ФЕ – синтетический способ образования степеней сравнения. При этом, опираясь на практический материал, мы можем утверждать, что в английском языке присутствует целый ряд адъективно-субстантивных ФЕ, содержащих имена прилагательные, которые употребляются как в сравнительной, так и

превосходной степенях. Примером могут послужить английские фразеологизмы, такие как: *the weaker vessel* «женщина, слабый пол», *the softer sex* «слабый пол», *the gentler sex* «слабый пол» и словосочетание *the gentle sex*, имеющее такое же семантическое значение. С точки зрения употребительности в группе адъективно-субстантивных фразеологических сочетаний, в английском языке, к наиболее употребительным относятся фразеологизмы с компонентом-прилагательным *good* «хороший»: *one's better feelings* «лучшее, что есть в человеке»; *the best card* «веский довод, козырь»; *one's better half* «жена»; *one's best girl* «возлюбленная»; *best man* «свидетель при бракосочетании, шафер». Как видим, представленные выше устойчивые сочетания слов в английском языке, характеризуются наличием имен прилагательных не в положительной, а в сравнительной или превосходной степенях. Вместе с тем, З. Н. Анисимова отмечает, что в «адъективно-субстантивных сочетаниях могут употребляться качественные имена прилагательные в сравнительной или превосходной степенях, если они допускают образование форм степеней сравнения обоими способами – синтетическим и супплетивным» [Анисимова, 1952: 10]. Представляется возможным, высказать мнение о том, что изначально в указанных устойчивых сочетаниях закрепились формы этих степеней сравнения данных прилагательных. Об этом свидетельствует, по нашему мнению, потеря устойчивости словосочетаниями в случаях, когда имя прилагательное используется в положительной степени, то есть в начальной форме: *Glad rags* «нарядное платье»; *black despair* «сильное отчаяние»; *good form* «хорошее состояние»; *bad luck* «неудача»; *bad turn* «медвежья услуга»; *good shot* «хороший стрелок»; *good terms* «в дружеских отношениях». Например:

англ. The success of his sally put Harold **on better terms with himself** (L. P. Hartley, 1958: 240), - «Успех мероприятия заставила Гарольда **лучше относиться к самому себе**» (пер. наш – М. Э.);

англ. She had remained **on excellent terms** with the surgeon [Анисимова,

1952: 10], - *Он остался в хороших отношениях с хирургом* (пер. наш – М. Э.);

англ. Beauty put on her **gladdest rags** and went to parties... - *«Бьюти нарядно оделась и отправилась в гости, предполагая побывать в нескольких местах... [Кунин, 2021: 257];*

англ. He had put on a black dinner jacket. «I apologize for these **gladdest rags**. Shannon» he smiled placatingly towards his wife. «Muriel insists» (Cronin, 1972: 265), - *«На нем был смокинг и черный галстук. «Извините меня, Шеннон, пришлось пойти принарядиться. – Он с умиротворяющей улыбкой посмотрел на жену. – Мьюриэл настаивает» (Кронин, 1948: 271);*

Good shot «хороший стрелок». Например:

англ. Gideon gave orders that no one should reply to the firing except Will Boone and Hannibal Washington, the two **best shots** (Fast, Howard, 1984: 233), - *«Гидеон приказал, чтобы никто в ответ не стрелял, кроме Уилла Буна и Ганнибала Вашингтона, двух лучших стрелков» (пер. наш – М. Э.);*

Нами также обнаружены примеры использования в английских произведениях сравнительных адъективно-субстантивных фразеологизмов, например:

A small fly «мелкая сошка, мелюзга»:

англ. A reputable publisher would no more think of practicing the absurd and petty frauds attributed to him by **the smallest fly** of writers [Анисимова, 1952: 10], - *«Уважаемый издатель не будет тратить время на то, чтобы думать об абсурдных и мелких мошенничествах, приписываемых ему самыми никудышними писателями» (пер. наш – М. Э.). В ФЕ анализируемого типа возможно образование степени сравнения и аналитическим способом. Такое, весьма редкое, употребление нами выявлено в чеченском языке, например, в ФЕ 1аьржа де «трудное, мрачное время в жизни кого-л.» с помощью слова уггар «самый»:*

чеченск. Сица лубьттуш хийла хьоме цIе,

Б1аьргаш хьалха хIутту хийла и эшам.

мма кхачарх уггар 1аьржа де,

Со ца къахко хъаьжна ирсах тешам (Юсупов: 281), -

Порой родное имя через душу пропускаю,

Перед глазами много раз встает потеря эта.

Но даже в самый худший день

Старался не вспугнуть я в счастье веру (пер. наш – М. Э.)

Наличие в устойчивых сочетаниях имен прилагательных в форме превосходной степени можно объяснить и большей распространенностью аналитического способа образования превосходной степени в английском языке. В чеченском же языке аналитический способ является единственным способом для образования форм превосходной степени, а синтетическим способом превосходная степень в чеченском языке не образуется. Например, устойчивое чеченское словосочетание в приведенном выше отрывке стихотворения И. Юсупова уггар *Іаьржа де «самый черный день»*, качественное прилагательное *Іаьржа* употреблено в превосходной степени, образованной маркером-наречием уггар *«самый»*, то есть аналитическим способом. В свою очередь, - это прилагательное, как и другие качественные прилагательные в чеченском языке, не имеет превосходной степени, образованной синтетическим путем.

В отношении английского языка (впрочем, как и для русского языка, которому свойственно образование превосходной степени обоими способами – и аналитическим, и синтетическим), в специальной литературе высказывалось мнение о том, что «наличие в устойчивых сочетаниях прилагательных аналитической превосходной степени можно объяснить и большей распространенностью этого (аналитического) способа, его удобством с грамматической точки зрения, возможностью образования этим способом превосходной степени от любого качественного прилагательного» [Винокурова, 1959: 34]. Редкое употребление такого рода преобразований прилагательных во фразеологизмах адъективно-субстантивного вида позволяет нам сделать вывод о том, что, в основном, качественные прилагательные не способны образовывать степени сравнения во ФЕ.

Невозможность количественного сравнения обозначаемого прилагательным признака, его привязанность к контексту или конкретному фразеологизму, по-видимому, также могут являться причиной неспособности образовывать степени сравнения качественными прилагательными во фразеологизмах адъективно-субстантивного типа. В случае, если к имени прилагательному в составе данного типа устойчивых сочетаний добавляется другое пояснительное слово, не имеющее отношение ко всему сочетанию (а только к имени прилагательному), возможен некоторый семантический разрыв данного фразеологизма. Несмотря на это, общее значение устойчивого сочетания, в том числе и метафорическое, зависит в основном от семантики его компонентов. В качестве примера можно привести английское устойчивое выражение *free hand* «полная свобода действий»:

англ. Usually, however, Lincoln left his generals a pretty **free hand** in such matters. - «Впрочем, обычно Линкольн предоставлял своим генералам значительную **свободу действия** в подобных делах» [Кунин, 2021: 257].

Приведенный пример свидетельствует об использовании маркера *very* «очень» к сочетанию «*free hand*» в прямом значении, если быть точнее к его адъективному компоненту – прилагательному *free* «свободная». По нашему мнению, было бы более целесообразным в данном конкретном случае употребить иные определения, в частности: *complete*, *absolute* и т.д. В качестве примера приведем ФЕ с перечисленными компонентами из фразеологического словаря А. В. Кунина:

англ. As for money, I can guarantee you £300 a year. As for your work, you can have a **completely free hand**, - «Что касается денег, я могу гарантировать вам 300 фунтов в год. Что касается работы, вам будет предоставлена **полная свобода действий**» [Кунин, 2021: 257].

Подобное наблюдается и с английской ФЕ *hot water* «беда», где использование определения *very* придает буквальное значение слову *hot* – «горячий»:

англ. “Who in God’s name is General Ulrich?” – “My friend”, said

Gretchenif, “my very good friend, who is probably in **very hot water** now because of you” - «*Но кто такой генерал Ульрих? - Мой друг. Мой очень хороший друг, который из-за тебя, видимо, нажил кучу неприятностей*» [Кунин, 2021: 257].

Приведенные далее английские фразеологизмы содержат в своем составе определение *pretty*, благодаря которому возрастает значимость обозначаемого ФЕ явления:

a green old age «*преклонный возраст*»:

англ. ... and midshipmen, who have attained **a pretty green old age** have not been wanted in the English navy (Dickens, 2002: 227), - «...*а в то время мичманы достигали в британском флоте до значительно-почтенных лет*» (Диккенс, 2022: 199);

a white man «*порядочный, прекрасный человек*»:

англ. «Sit down and tell me about your sister and Jon. Is it a marriage of true minds?» «...It certainly is. Young Jon is **a pretty white man...**» (Galsworthy, 2007: 235), - «*Садитесь и расскажите мне о вашей сестре и Джоне. Это брак по любви?*». «... *Да, несомненно. Джон прекрасный человек*» (Голсуорси, 2009: 196).

Рассматриваемые нами фразеологизмы, в которых присутствуют в качестве дополнения определяющие слова, являются доказательством тому, что ФЕ, будучи семантически целостными, подчиняют себе частные значения компонентов. Встречаются случаи, когда адъективно-субстантивные ФЕ представляются свободными сочетаниями слов, соединенными по принципу «определение – определяемое». Анализ эмпирического материала свидетельствует о том, что в составе фразеологизмов их компоненты-определения, которыми являются качественные имена прилагательные, теряют некоторые свойства этого разряда слов. Так, эти прилагательные в составе устойчивых сочетаний не могут служить производящей основой для абстрактных существительных, а также лишаются возможности образования сравнительных степеней, то есть

можно сказать, что в составе устойчивых сочетаний качественные прилагательные, выступающие адъективным компонентом, не имеют некоторых признаков этой части речи, которой свойственны их свободным эквивалентам. Наряду с этим фразеологический материал чеченского и английского языков демонстрирует некоторую нечеткость границ обоих разрядов имен прилагательных – качественных и относительных – в составе устойчивых словосочетаний адъективно-субстантивного типа. Об этом свидетельствуют сочетания, в которых качественное имя прилагательное как адъективный элемент может употребляться с субстантивной частью, в том числе и с относительным прилагательным.

В качестве примера можно привести следующие простые и устойчивые словосочетания в чеченском и английском языках:

чеченск. тлулган керт «каменный забор» – тлулган дог «жестокий человек»:

чеченск. Х1ан – х1а, со 1елур яцара экханца, кийрахь тлулган дог долчу адаман тайпанца (Ахмадов, 2005: 190), - «Нет, я не смогла бы жить с человеком с **каменным сердцем**» (пер. наш – М. Э.);

англ. silver spoon «серебряная ложка» – the silver wedding «серебряная свадьба».

Представленные выше формы конвертированного употребления имен встречаются как в чеченском, так и в английском языках. Адъективно-субстантивные ФЕ с относительными именами прилагательными в образно-метафорическом значении в языках, являющихся предметом нашего исследования, встречаются очень часто. Качественный и количественный анализ фразеологических единиц в чеченском и английском языках позволил нам выделить наиболее многочисленную группу таких ФЕ в обоих языках – с именем прилагательным *дешин* в чеченском языке *golden* «золотой» - в английском:

чеченск. дашо (дешин) нур, дашо куйгаш «золотые руки, мастер своего дела; умение искусно делать, мастерить что-либо», дашо йо1/к1ант –

букв.: «золотая девушка, золотой парень» – «девушка/парень, пользующиеся популярностью, успехом, популярный человек, любимец публики, кумир», дашо хан/хенаш – букв.: «золотое время» – «беззаботное, радужное время», дашо гIаланаш – букв.: «золотые замки» – «воздушные замки, несбыточные иллюзии», дашо корта – букв.: «золотая голова» – «очень умный, ясно, логически мыслящий человек», дашо лаьмнаш – букв.: «золотые горы» – «сказочное богатство, обычно иллюзорная видимость»:

чеченск. **Дашо нур** хIоьттира зала чоьхь (Нунуев, 1986: 204), - «Зал осветило золотым светом» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. И **дашо гIаланаш** шен куьйга харцийна,

Зазала кирчина сатийсам мерцина,

Дабакха вайн безам, шен сирла сауьйзуш,

Ша богIуш деанчу ирсах а хьаьрчина.

Цундела ца оьшу, хьо елха ца оьшу.

Елхаза ца Iалахь, вайн кьинна елхалахь (Ибрагимов: 270), -

И опрокинув своими руками золотые города,

Развивающиеся мечты погасли,

Оставила нас наша любовь,

Забрав свой свет,

Обмотавшись в принесенное с собою счастье.

Поэтому не нужно, ты напрасно не плачь.

Если без слез невозможно,

Оплакивай наши грехи (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Вахас кхин **дашо гIаланаш** а ца оьхьнера цунна, куьйгаш тIехь лелор ю а ца баьхнера, цо ша езаш лелор ю баьхнера (Яндарбиев: 282), - «Ваха не обещал ей **воздушные замки**, не говорил, что будет на руках носить. Он просто обещал любить её» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Цул хьекъбал долуш кIант вац вайна юккъехь! Ша **дашо корта** болуш-м ву! [Байсултанов, 2016: 20], - «Среди нас нет умнее парня. Просто золотая голова» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Хъе болуш кІант ву. Шен **куьгаш дашо** а долуш (Музаев, 1976: 237), - «*Умный парень. У него золотые руки*» (пер. наш – М. Э.);
чеченск. **Дашочу куьйгаша** гІайракх тІехъ хъаьжкІа кхийина!
...ХІора адаман куьйгаш а ма ду дашо! (Музаев, 1976: 203), - «*Золотые руки и на камне кукурузу возрастили! У каждого человека руки золотые!*» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. ХІетахъ хаа йиш яцара, хан-хенера яълча, Мохъмаде яхнарг, хІусамден, марзахойн пусар а долуш, аьттонца-таронца лулахойл гІолехъ, ког хецна, паргІата ехар юй а, ткъа **дашо лаьмнаш** хІиттор ду, бохуш, ялийна йолу со, тховса санначу шийлачу буса декъазчу ойланаша кест-кеста цюьстур юй а (Тапалаева, 2014: 209), - «*Невозможно было угадать заранее, что жена Магомеда будет жить в достатке и в согласии с мужем и с родственниками мужа, а меня, которой обещали золотые горы, будут часто терзать такие невесёлые мысли*» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. **Стиглара дешин догІа** ас делхор хъуна! (Солцаев, 1988: 207), - «*Золотой дождь будет плакать по тебе*» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. ХІай можа, **дашо малх**, цхъажимма собарде! (Солцаев, 1988: 207), - «*О, желтое, золотое солнце подожди немного*» (пер. наш – М. Э.);

англ. the golden calf «*богатство, золотой телец*» (золотой телец, власть денег, богатство); golden age «*золотой век, период рассвета*»; the golden key «*взятка, подкуп=отпереть золотым ключом*»; golden opportunity «*блестящая возможность, случай*»; golden opinions «*лестное мнение*»; a golden boy «*любимец публики, кумир*»; a golden girl «*девушка, пользующаяся популярностью*»; the golden rule «*золотое правило, мудрое правило*»; the golden wedding «*золотая свадьба*».

Мы считаем целесообразным обратить внимание на тот факт, что целый ряд из перечисленных нами фразеологизмов имеют сходные значения в сопоставляемых языках как по метафорическим характеристика, так и по их лексическому наполнению. В приведенных устойчивых

сочетаниях одни и те же лексемы могут быть и относительными, и качественными прилагательными без внешних, то есть, например, морфологических особенностей. В данном случае присутствует только семантический признак – переносное значение прилагательного дашо «золотой» и синтетическая функция определения субстантива, который не может иметь в прямом значении такого качества. К тому же, в чеченском языке отсутствует структурное разграничение между собственно качественными и собственно относительными прилагательными дашо сахьт «золотые часы» и дашо куйгаш «золотые руки». Однако, английское имя прилагательное **golden**, в значении качественного прилагательного, имеет морфологический маркер – суффикс *-en*, присоединенный к основе **gold** относительного прилагательного, служащий производящей основой для соответствующего качественного прилагательного. Для сравнения можно привести следующие английские словосочетания, в которых английское прилагательное **gold** используется в ФЕ в прямом, относительном значении, а **golden** имеет переносное, качественное значение: а gold watch «золотые часы» – golden age «счастливая пора жизни»:

англ. My first quarter at Lowood seemed an age; and not **the golden age** either (Bronte, 2017: 218), - «Первые три месяца в Ловуде показались мне **веком**, и отнюдь не **золотым**» (Бронте, 2022: 193);

англ. «I was keeping it for our **golden wedding**». – Said James suddenly, «but I shan't live three years at my age» (Galsworthy, 2009: 236), - «Я берег ее к нашей **золотой свадьбе**, - неожиданно сказал Джеймс, - но в моем возрасте я не протяну трех лет». (Голсуорси, 2009: 196).

Согласно вышесказанному, относительный и качественный разряды одних и тех же имен прилагательных в чеченском языке могут употребляться в свободных и устойчивых словосочетаниях без внешних признаков. К примеру, в свободном сочетании дашо з1е «золотая цепочка» и в устойчивом сочетании дашо ц1е «золотое имя». В чеченском языке

относительное прилагательное может перейти в разряд качественных, как правило, только в составе устойчивого словосочетания и «качественным» становится переносное значение относительного прилагательного. В английском же языке, кроме сочетаемостных характеристик и переносного значения наличествует, также, и морфологический маркер. Представляется возможным высказать мнение о том, что в первую очередь именно синтаксическое сочетание признака с субстантивом, который не может иметь этого признака в прямом значении, и является причиной устойчивости словосочетания, в котором прилагательное употребляется в переносном смысле. Таким образом, сочетаемость относительного прилагательного в переносном значении служит основным показателем «окачествления» данного прилагательного, и образования, в связи с этим, устойчивого словосочетания, то есть фразеологизма. В чеченском языке этого основания достаточно для описанных преобразований, в английском – дополнительно используется и морфологический элемент – суффикс, например: *the golden / happy mean* «золотая середина»:

англ. *The prize was certainly great; but it was only to be won by striking **the happy mean** between precipitancy and caution* [Кунин, 2001: 256], - «Приз был, конечно, велик; но его можно было выиграть, только достигнув **золотой середины** между поспешностью и осторожностью» (пер. наш – М. Э.);

англ. *I have learnt from Aristotle that it is better part of wisdom to cultivate **the golden mean*** [Кунин, 2001: 256]. – «Аристотель научил меня, что высшая мудрость заключается в том, чтобы найти **золотую середину**» (пер. наш – М. Э.).

Таким образом, грань между относительными и качественными значениями проходит внутри одного и того же слова и следует из разделения значений данного прилагательного. Это положение, в достаточной мере, нашло свое отражение в адъективно-субстантивных фразеологизмах. Все вышесказанное еще раз позволило сделать вывод о том, что качественные и относительные прилагательные в обоих

сопоставляемых нами языках, используемые в метафорическом значении, переходят в разряд качественно-относительных прилагательных, демонстрируя при этом признаки тождественности. Анализируя теоретический материал по теме нашего исследования, мы уже сталкивались с подобной предположением, представленным в научных трудах В. Г. Печенкиной, посвященным несерийным фразеологическим сочетания анализируемого типа в русском языке. В связи с этим, мы полагаем, что нейтрализация границ качественного/относительного значений имен прилагательных во фразеологически связанном значении является языковой универсалией [Печенкина, 1969: 110].

Таким образом, мы пришли к следующим выводам:

1) анализ адъективно-субстантивных фразеологических сочетаний в чеченском и английском языках свидетельствует о том, что и в чеченском, и в английском языках имена прилагательные – адъективные компоненты устойчивых словосочетаний, содержат определенные ограничения, не имеющие принципиальных различий;

2) в составе адъективно-субстантивных фразеологизмов сопоставляемых языков имя прилагательное является конституирующим фразеологизм компонентом, поэтому лексико-семантические и грамматические особенности ФЕ этого типа определяются, прежде всего, характером несвободного компонента;

3) распределение имен прилагательных по разрядам (качественному и относительному) в структуре фразеологизма в сопоставляемых языках в значительной степени является условным: прилагательные во фразеологически связанном значении теряют свои основные грамматические характеристики, которые им свойственны как определенной части речи в свободном, то есть неустойчивом, сочетании. Как правило, в сопоставляемых языках речь о характере прилагательного-адъективного компонента в связанном адъективно-субстантивном сочетании, может идти с точки зрения конкретного сочетания слов, а также

с учетом прямого или переносного значения прилагательного. В чеченском и английском языках в устойчивых сочетаниях происходит утрата возможности образования сравнительных степеней с адъективным компонентом, который является категориальным признаком прилагательных качественного разряда. В одном из сопоставляемых языков – английском – качественные прилагательные могут образовывать абстрактные имена существительные и синтетическим, и аналитическим способами. В отношении чеченского языка можно констатировать, что образование степеней сравнения имен прилагательных происходит только аналитическим способом, чеченскому языку в отличие от русского и английского, не свойственно образование превосходной степени прилагательного синтетическим способом.

2.2. Характеристика прилагательных в составе адъективных ФЕ

Адъективные ФЕ – это словосочетания, компоненты которых соединены с помощью атрибутивной подчинительной или сочинительной связи, а атрибутивные сочетания, как известно, характеризуются следующими признаками:

- 1) способом выражения атрибутивного отношения – примыканием или управлением;
- 2) положением зависимого компонента по отношению к стержневому – в препозиции или в постпозиции.

В контексте данного исследования, под адъективными фразеолгизмами мы понимаем ФЕ, выражающие признак и функционально соотносящиеся с прилагательными. Подобные ФЕ представлены в достаточном количестве как в чеченском, так и в английском языках. Для нашего диссертационного исследования они представляют интерес с точки зрения особенностей прилагательного, характерных для него в составе подобных ФЕ. Диаграмма 2 позволила нам заключить, что общий объем эмпирического материала, т.е.

адъективных ФЕ, собранных нами не так обширен, по сравнению с другими типами, в чеченском языке - 166 ФЕ, а в английском языке - 136 ФЕ.

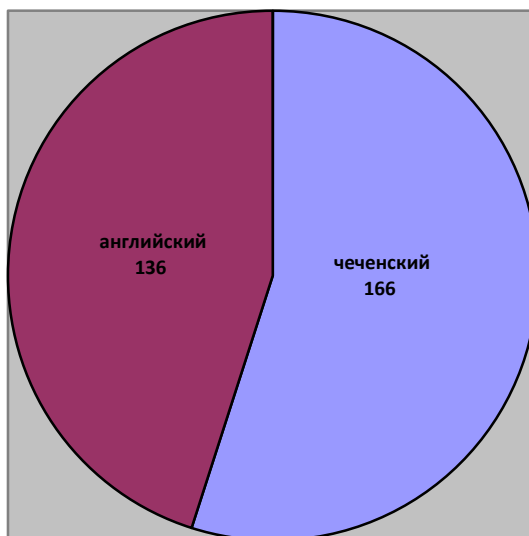

Диаграмма 2. Адъективные ФЕ

Анализируемый нами эмпирический материал свидетельствует, что традиционные адъективные фразеологизмы делятся на две подгруппы:

- 1) компаративные ФЕ;
- 2) адъективные ФЕ некомпаративного характера.

Для каждой из выделенных нами подгрупп сопоставляемых в данном исследовании языков характерно моделирование адъективных фразеологизмов, имеющих в своем составе компонент прилагательное, по определённым конструкциям, которые часто отличаются большим разнообразием, и связано это с тем, что различные модели прилагательного имеют разные характеристики.

2.2.1 Компаративные адъективные ФЕ с компонентом прилагательным

Рассмотрим первую подгруппу, в которой компаративные ФЕ традиционно выделяются в отдельный класс фразеологизмов. Во многих теоретических работах, например, в английской фразеологии, в «разных трактовках описана компонентная структура, семантика, синтаксическая

роль в предложении компаративных фразеологических единиц» [Алироев, 1998: 8]. Теоретический курс фразеологии английского языка и курс современной английской фразеологии А. В. Кунина в части, посвященный адъективным ФЕ [Кунин, 1970: 81], построен на основе исследования соответствующего типа фразеологизмов Н. М. Сидяковой [Сидякова, 1967: 126]. На основе данных Н. М. Сидяковой, в указанных выше работах А.В. Кунина рассмотрено соотношение слова и устойчивого сочетания слов, то есть фразеологизма. Различные аспекты проблемы адъективных фразеологизмов компаративного типа, их экспрессии и эмоциональных сем, структурного анализа и одного из свойств имен прилагательных – обозначение признака цвета в составе устойчивых словосочетаний исследованы в ряде работ (см. Э. Х. Рогг, (1967); С. И. Ройзенсон (1967); С. М. Мезенин (1969); А.В. Терентьев (1997); А.Н Любова (2009); Л.Т. Мифтахутдинова (2003); Т.С. Соловьева (2007)). С. М. Мезенин разработал проблематику компаративных ФЕ с точки зрения экспрессивной стилистики [Мезенин, 1969: 93]. В 1978 году была издана работа В. М. Огольцева, посвященная устойчивым сравнениям в русском языке [Огольцев, 1978: 106]. А. В. Терентьев представил в своем исследовании адвербиальные компаративные фразеологизмы как языковую универсалию с точки зрения «комплексного анализа и унифицированного описания этого структурного класса фразеологических единиц, учитывая новые подходы к изучению фразеологии» [Терентьев, 1997: 132]. В чеченской лингвистике адвербиальные компаративные ФЕ, как и многие другие группы и виды ФЕ, специальному описанию не подвергались. Тем не менее, некоторыми чеченскими лингвистами [Мациев, 1973: 92] они всё же выделяются в отдельную группу в работах, посвящённых описанию фразеологии чеченского языка в целом, например:

чеченск. хи санна т1еда – перевод букв. «*вода как мокрый/мокрый как вода*»;

чеченск. бамба санна к1еда – перевод букв. «*вата как мягкий/мягкий*

как вата»;

чеченск. ша санна шийла – перевод букв. «лёд как холодный/холодный как лёд»;

чеченск. цӀе санна йовха – перевод букв. «огонь как горячий/горячий как огонь»;

чеченск. мох санна чехка – перевод букв. «ветер как быстрый/быстрый как ветер» и т.д.

Статистический анализ собранного нами эмпирического материала, из различных чеченских источников: фразеологические словари, художественные тексты, устно-разговорные речевые практики позволили нам констатировать о наличии в чеченском языке адъективных компаративных ФЕ - 127 единиц. Как отмечает Т.С. Соловьева «адъективные компаративные ФЕ – это обороты, основанные на сравнении и соотносящиеся с прилагательными» [Соловьева, 2007: 127]. В чеченском языке адвербиальные компаративные ФЕ, в большинстве случаев, в своём составе имеют сравнивающий компонент **санна**, а в английском языке **as**. Согласно теории А. В. Кунина английские адъективные компаративные ФЕ принадлежат фразеологическому фонду. Компаративная ФЕ включает в свой состав два компонента:

- 1) имя прилагательное, обозначающего качество;
- 2) существительное, обозначающее предмет, с которым производят сравнение [Кунин, 1968: 80].

Английские компаративные ФЕ подразделяются на подтипы, но все адъективные компаративные ФЕ имеют преимущественно структуру «(as)+*adjective*+as+a/an/the+noun/WC» (51 ФЕ). Такое структурирование элементов в адъективных компаративных оборотах называет признак и указывает на его степень, например: англ. (as) black as thunder русск. «*мрачный, как туча=мрачнее тучи*», англ. (as) pale as a death русск. «*бледный как смерть*», англ. (as) foil as a tick русск. «*толстый как бревно*»:

англ. «It done», thought Robinson, there he is **as black as thunder...**

(Reade, 1884: 245), - «Дело сделано», подумал Робинзон, а вот и он **мрачный как гроза ...**» (пер. наш – М. Э.).

Между существительным и прилагательным согласование в числе не наблюдается, так как для адъективных ФЕ с компонентом прилагательным в английском языке характерно примыкание: *(as) hard as steel, (as) hard as nails*. Также, отсутствует согласование в числе и в чеченских адъективных ФЕ с компонентом прилагательным. Следует отметить, что характер компаративности большей частью находится в прямой зависимости от семантического значения исследуемого компонента. Так, к примеру, имя прилагательное может иметь ярко выраженное оценочное значение, например, положительное, о чем свидетельствуют следующие примеры:

англ. *clean as a pin* русск. «чистый, опрятный; с иголки»; англ. *as clever as paint* русск. «очень находчивый, обладающий острым умом; = умён как чёрт»; англ. *as bold/brave as a lion* русск. «храбрый как лев»; англ. *as light as a feather* русск. «лёгкий, как перышко»:

англ. She danced, **light as a feather**, eyes shining... (Galsworthy, 2018: 237), - «Она танцевала, легкая, как перышко, с сияющими глазами ...» (пер. наш – М. Э.);

(as) fine as silk (мягкий, как шелк; прекрасно себя чувствующий):

англ. But how was Rona? – Oh, **as fine as silk**. Couldn't be better (Dreiser, 2004: 232), - «А как себя чувствовала Рона? – О, прекрасно! Лучше и быть не может!». (Драйзер, 2022: 269);

чеченск.: седа санна цѐна «чистый как звезда; чистые помыслы»; малх санна хаза «красивый как солнце»; бѡабсте санна хаза «красивая как весна»:

чеченск. Нисвелла хьалкхиьна, поп санна, ши клант ву, бѡабсте санна, хаза ю хьан жима Бусана (Солцаев, 1988: 207), - «Крепкие как дуб выросли два сына. Красивая как весна твоя маленькая Бусана» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Цуьнан ойла цѐна ю,

Шовда санна, хьаььна ю.

Оьзда гIиллакх цуьнца ду,

Седа санна, цIена ву (Байсултанов, 2016: 250), -

Его помыслы чисты,

Как источник прозрачны.

Красивым нравом наделен

И чист, как звезда (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Iаламан совгIат санна, исбаьхьа ю иза ... (Солцаев, 1988: 207),

- *«Она прекрасна как подарок природы ...»* (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Цу сан **деши санна цIена** а, бакъ а долчу дешнех теший, горйобжна а са доьху шуьга ... (Солцаев, 1988: 207), - *«Я на коленях прошу, поверьте моим как золото чистым (правдивым) словам»* (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Амма, **жинна санна, чIогIа хьал** долуш ву (Солцаев, 1988: 207), - *«Правда, богат как черт»* (пер. наш – М. Э.).

Наблюдаются и ФЕ в составе которых присутствуют имена прилагательные, благодаря которым фразеологизм приобретает отрицательное семантическое значение, например:

англ. (as) weak as water русск. *«слабенький, хилый; =силёнок маловато; слабовольный, малодушный»*; англ. (as) cold as ice русск. *«холодный как лёд, ледяной»*; англ. (as) dry as dust русск. *«скучный, неинтересный, написанный сухим языком; =скука смертная, тоска зелёная»*; англ. (as) cold as a fish русск. *«холодный, недружелюбный, бесчувственный, чёрствый»*; англ. (as) dull as ditch-water русск. *«невыносимо нудный, скучный; тоска смертная, «скука зелёная»»*:

англ. «No», added Stennis, «he'll never suit you, Dodd...; You'll find him **as dull as ditch water**», - *«Но ведь для вас, Додд, он человек неподходящий. – добавил Стеннис. – Он невыносимо скучен»* [Кунин, 2021: 257];

англ. (as) mad as a March hare русск. *«совсем помешавшийся, спятивший; совсем из ума выжил, рехнулся (безумен, как мартовский заяц)»*:

англ. Keep your eye upon him in the mean-while, and don't talk about it. He's just **as mad as a March hare** (Dickens, 2016: 230), - «*Не спускайте с него глаз пока, и не говорите об этом. Он совсем из ума выжил*»; (Диккенс, 2016: 265);

чеченск. каш санна г1ийла русск. *мрачный как могила*:

чеченск. Хизар! Хьо каш санна, ма г1ийла ву? (Солцаев, 1988: 207), - «*Хизир, ты почему такой **мрачный как могила**?*» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Хезна суна ю бохуш иза, **маймал санна**, ша **ирча** ... (Солцаев, 1988: 207), - «*Слышал я про неё, что она **страшнее кикиморы** ...*» (пер. наш – М. Э.).

Однако, необходимо отметить, что в ряде фразеологизмов несмотря на то, что прилагательное находящееся в их составе является многозначным, мы можем наблюдать снижение его первостепенной значимости, по причине решающей роли второго компонента:

англ. (as) soft as butter русск. «*мягкотельный, слабохарактерный, мягкосердечный*»; англ. (as) soft as silk (velvet) русск. «*мягкий, шелковистый, бархатистый (о коже); нежный, приятный для слуха*»;

англ. (as) light as butterfly русск. «*бездумный, легкомысленный*; англ. (as) light as thistledown русск. «*легкий и грациозный в движениях*»;

англ. (as) bold (brave) as a lion русск. «*храбрый, как лев*»; англ. (as) bold as brass русск. «*нахальный, наглый, бесстыдный, бессовестный, бесстыжий*»;

англ. Fred Bullock told old Osborne of his son's appearance and conduct. «He came in **as bold as brass**, said Frederick, «he has drawn out every shilling» (Thackeray, 2017: 248), - «*Фред Булок рассказал Осборну о внешности и поведении его сына. «Такой **бессовестный**, сказал Фредерик, «он вытянул каждый шиллинг*» (пер. наш – М. Э.);

англ. (as) red as fire (flame) русск. «*огненно-красный, покрасневший, вспыхнувший (о лице)*»; англ. as red as a cherry (rose) русск. «*румяный, с румянцем на всю щёку = кровь с молоком*»;

англ. The girl's name was Peg. Her cheeks were as red as cherries... (Cronin, 2015: 224), - «Девушку звали Пэг. **Щеки** у нее были красные, как **вишни**...» (Кронин, 2015: 273).

В чеченском языке, как мы уже отмечали, адъективные компаративные сочетания сконцентрированы вокруг слова **санна**. При этом, не всегда основной компонент является именем прилагательным, как, например, мы наблюдаем это в английском языке. Проведенный нами в ходе исследования анализ структуры компаративных чеченских фразеологизмов, имеющих в своем составе компонент прилагательное, дал нам основание выделить среди них несколько разновидностей. Главной модели компаративных фразеологизмов в чеченском языке N+санна+A (68 ФЕ), равносильной английской as+A+as+N, по причине отличной структуры языка, характерен обратный порядок слов, нежели английской, что касается компонента-прилагательного в составе данных ФЕ, то они занимают в них постпозицию, например:

пен санна к1айн «очень бледный=белый как стена (стена как белый)»;
ша санна шийла «холодный, апатичный, равнодушный=холодный как лёд (лёд как холодный)»;

т1улг санна ч1ог1а «твёрдый как камень=крепкий, сильный (камень как твёрдый)» [Байсултанов, 2016: 250].

В чеченском языке имена прилагательные в составе компаративных фразеологизмов обозначают признаки сравниваемых предметов, в большей части людей. Для сравнения какого-либо качества в чеченском языке обычно приводится предмет или одушевленное существо, которое этим качеством обладает в высшей мере. Очевидно, выбор объекта для сравнения какого-либо признака или качества в различных языках зависит, в первую очередь, не от структурных особенностей языков, а скорее, от своеобразия языковых картин мира народов-носителей различных языков. В свою очередь и языковые картины мира народов – это, прежде всего, их исторический опыт, условия жизни и т.д., которые у каждого народа свои. Однако имеются,

наверное, и отдельные «общие места» этого плана, поскольку каждый человек, народ составляют в общем, человечество, обладающее целым рядом общих характеристик.

В чеченском языке, например, для обозначения степени интенсивности признака или качества приводятся те предметы или существа, которые этими качествами обладают в высшей степени (по крайней мере, представления чеченского народа, которые сложились в далекие времена и сохраняются традиционно). Как показывают примеры, для обозначения высшей степени признака *холодный* приводится сравнение со льдом, *твердый* – с камнем, *белый* – со стеной, *храбрый* – с волком, *высокий* – с горой, *горячий* – с огнем, *чистый* – с солнцем, *сладкий* – с сахаром, с медом и т.д.

Адвербиальные фразеологизмы сравнительной характеристики в английском языке демонстрируют некоторую зависимость смысла и структуры между собой. По мнению Н. М. Сидяковой, «эта (структурно-семантическая) особенность английских фразеологизмов данного типа выражается в следующей модели as+A+as (двойной союз в сочетании с прилагательным), в которой адъективный компонент с помощью союзов обозначает качество высокой степени. Как правило, наличие такой степени качества определяется первой частью структурной конструкции» [Сидякова, 1967: 126]. Например: as clear as noonday «ясно, как божий день»; as red as a cherry «румяный, кровь с молоком»:

Today you see them bouncing, buxom, **red as cherries** (Ch. Bronte, 2018: 219), – «Сегодня вы видите их крупными, здоровыми, **румяными**» (пер. наш – М. Э.).

В чеченских компаративизмах типа: чеченск. беккъа ша бу-кха/ша санна перевод букв. «сухой (то есть чистый лед/ лед как)» – русск. лит. «очень холодный, холодный как лёд»; чеченск. беккъа бурч букха/бурч санна перевод букв. «сухой (т.е. чистый) перец/перец как» – русск. лит. «очень острый, острый как перец»; чеченск. цѐна туьха ду/туьха санна перевод букв. чистая соль/соль как – русск. лит. очень соленый; чеченск. шекар ду/

Цена шекар перевод букв. «сахар, чистый сахар/сахар как» русск. лит. «очень сладкий» даже при отсутствии имен прилагательных с соответствующими признаками или качествами, семантика является прозрачной, то есть из самих этих сочетаний без обозначающего признак прилагательного значение (соответственно) *холодный, острый, соленый, сладкий* вполне очевидно. Обозначаемый именем существительным предмет, с которым сравнивается качество, сочетание со словом *санна* «как» передает предельную степень признака. Аналогично обстоит дело и с компаративными сочетаниями в английском языке, в которых указанная модель *as+A+as+N* также выразит предельное качество. Можно отметить, что данная модель в английском языке доминирует в отношении продуктивности образования адъективного типа фразеологизмов. Исключениями из этого общего правила можно считать некоторые сочетания, конструкции которых составлены по другим схемам. Ниже приводим выявленные нами фразеологизмы, выпадающие из самой продуктивной в английском языке модели *as+A+as+N*.

Так, сочетание *as the next man* «как любой другой, не хуже, не меньше других» построено на модели *as+A+N*, в которой имеет место только однократное употребление союза *as*:

англ. *By God, Cyrus, I've done much for this country as the next man* [Кунин, 2001: 256], - «Клянусь Богом, Сайрус, я много сделал для этой страны, не меньше других» (пер. наш – М. Э.).

Что касается второй разновидности компаративных ФЕ в английском языке, то и они являются в некоторой степени своеобразным отклонением от нормы, так как в них отсутствует привычный союз *as*, а вместо него используется слово *like s* (33 ФЕ), например:

англ. *like a full moon* русск. «круглое, как луна (о лице)»; англ. *like mad* русск. «как безумный»; англ. *like a red rag to a bull* русск. «как красная тряпка для быка, раздражающий, злящий (о том, что приводит кого-то в ярость)»:

англ. You say you have spoken to him and I'm like **a red rag to a bull** where he's concerned (Cronin, 1963: 222), - «Ты говоришь, что уже пробовал повлиять на него, но безуспешно, ну а я для него все равно, что **красная тряпка для быка**» (Кронин, 1963: 272).

В обеих разновидностях ФЕ имя прилагательное выступает определением имени существительного. Вторая разновидность ФЕ отличается субстантивацией исследуемого компонента. Известно, что характерным признаком английских адъективных компаративных сочетаний является, главным образом, использование имени прилагательного в положительной степени. В редких случаях встречаются компаративные устойчивые сочетания с прилагательным, употребляемым в сравнительной степени. Такие фразеологизмы с союзом *than* относятся к так называемой нестандартной компаративной модели. Следует отметить, что сравнительная степень прилагательного в ней используется, как правило, не для выражения большей степени признака, а для повышения экспрессивности компаративной модели, например: *bigger than life/larger than life* «преувеличенный, исполинский» (15 ФЕ):

англ. His mind ... saw everything **a little larger than life-size** (Maugham, 1984: 241), - «Ум его....воспринимал все в **чуть-чуть преувеличенном виде**» (Мозэм, 2011: 276).

Нередко, сравнительная степень прилагательного является показателем окказионального употребления адъективного компаративизма: англ. *as old as Adam* русск. «старый, древний как мир»; англ. *older than Adam* русск. «древнее самого Адама». Сравним их употребление в тексте:

англ. She had tempted him, yes, but he wouldn't use excuse **as old as Adam** (Buck, 2013: 220), - «Она соблазнила его, да, но он не стал бы использовать оправдание, такое же **старое, как Мир**» (пер. наш – М. Э.);

англ. ... that precious fluid **older than Adam yet strong as the morning dew** (Dodge, 2013: 231), - «...за этой драгоценной влагой, более древней, чем Адам, и все же юной, как утренняя роса» (Додж, 2013: 268). Употребление

прилагательных в превосходной степени в адъективных сравнительных оборотах английского языка не выявлено.

В чеченском языке в большом количестве присутствуют компаративные сочетания, в которых используются сложные имена прилагательные, отличительной особенностью которых является способ их образования – при помощи соединения формы сравнительного падежа имен существительных с формантом-окончанием сравнительного падежа *-л/-ла*, обозначающим предмет сравнения, с именами прилагательными: *дуйненал/а боккха*; *малхал/а бовха*; *кIарул/а Iаьржа*; *лилул/а сийна*; *цIарул/а цIие*; *барул/а можа*; *шурул/а кIай*; *бел-баьццара* и др. (58 ФЕ). «Предметом» сравнения в указанных ФЕ является существительное, признак которого считается абсолютным. В нашем случае: *«больше, чем мир; горячее солнца; чернее угля; синее синьки; краснее огня; желтее желтка; белее молока; травы зеленее и др.»* [Зубайраева, 2008: 57]. Сопоставимые с этими образованиями сравнительные словосочетания типа: чеченск. баттал хаза русск. *«луны красивее»*, чеченск. чал дера русск. *«медведя свирепее»*, чеченск. ломал лекха русск. *«горы выше»*, чеченск. мохал маса русск. *«ветра быстрее»*, чеченск. цIарал чехка русск. *«огня быстрее»*, чеченск. шал шийла русск. *«льда холоднее»*, чеченск. шарал деха русск. *«года длиннее (о времени)»*, чеченск. лобмал майра русск. *«льва храбрее»*, чеченск. цхьогалал мекара русск. *«лисы хитрее»*, чеченск. пхьагалал стешха русск. *«зайца трусливее»*, чеченск. малхал сирла русск. *«солнца ярче»*, чеченск. цIарал йовха русск. *«огня горячее»*, чеченск. барзал майра русск. *«волка храбрее»*, чеченск. лобмал чехка русск. *«льва быстрее»*, чеченск. тIулгал чIогIа русск. *«камня крепче»*, чеченск. малхал хаза русск. *«красивее солнца»*, чеченск. шал шера русск. *«льда глаже»*, чеченск. муьшал беха русск. *«верёвки длиннее»* и т.д., выражают преобладание признака или качества, обозначаемого качественным прилагательным, над соответствующим предельным (с точки зрения общепринятого мнения) качеством сравниваемого предмета или живого существа. При этом в «самой конструкции фразеологизма

прилагательное не стоит в форме сравнительной степени, а находится в «положительной» степени, т.е. в начальной форме. Семантика сравнения с предельным качеством, выше которого качество, выраженное прилагательным, передается сравнительным падежом имени существительного» [Зубайраева, 2008: 57], например:

чеченск. **Болатал ч1ог1а сайн дош** ас дели хьуна (Солцаев, 1988: 207),
- «Я даю вам свое слово, которое **крепче стали**» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. ... цунна т1аьхьа ма йог1у **шал шийла 1ожалла** (Солцаев, 1988: 207), - «За ним приходит **холодная (льда холоднее) смерть**» (пер. наш – М. Э.).

Представленная Диаграмма 3 характеризует количественные параметры, представленного и исследуемого эмпирического материала в параграфе 2.2.1., по анализу компаративно-адъективных ФЕ с компонентом прилагательным.

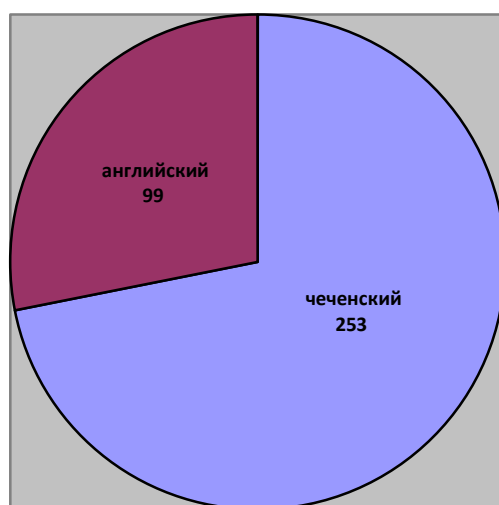

Диаграмма 3. Компаративные адъективные ФЕ с компонентом прилагательным

Статистический анализ корпоративных адъективных ФЕ с компонентом-прилагательным позволил нам заключить, что их функционирование в чеченском языке является более высокочастотным – 253 ФЕ, чем в английском языке – 99 ФЕ.

2.2.2. Адъективные ФЕ с компонентом-прилагательным некомпаративного характера

Адъективные некомпаративные фразеологизмы широко представлены как в чеченском, так и английском языках. В обоих сравниваемых нами языках они явственно выражают качественные значения. Некомпаративный тип адъективных фразеологизмов в английском языке менее распространен по сравнению с компаративным типом (37 ФЕ). Наиболее продуктивной среди компаративных устойчивых сочетаний является структурная модель A+Prep +N. Фразеологизмы данной модели, представляющие некомпаративный тип, можно охарактеризовать как адъективно-предложно-именной подтип атрибутивно-предложного типа. Указанному подтипу некомпаративных фразеологизмов свойственен примыкательный тип связи и употребление адъективного компонента сочетания слов (т.е. имени прилагательного) в препозиции.

А. В. Кунин относит фразеологизмы этого подтипа к устойчивым словосочетаниям с подчинительной структурой: англ. full of beans русск. «жизнерадостный, в приподнятом настроении»; англ. good for nothing русск. «никчёмный человек, бездельник»; англ. dry behind the ears русск. «зрелый, не новичок»; англ. easy on the eye русск. «приятный на вид, приятной наружности»; англ. long in the tooth русск. «старый=песок сыплется»; англ. big with news русск. «испытывающий нетерпение поделиться новостями» [Кунин, 1984: 255]. Отличительным признаком адъективного компонента некомпаративных фразеологизмов является варьирование: blue/green/white/yellow about the gills «больной, нездоровый вид»; black / blue in the face «гневный, очень сердитый»:

англ. Mr. Winkle pulled... till he was **black in the face** (Ch. Dickens, 2016: 230), - «Мистер Винкл тянул ... пока его лицо не почернело» (Диккенс, 1875: 198);

англ. Your Foggartism's to need money in every direction. You may swear

till you're blue in the face that ten or twenty years hence it'll bring **five fold** return; nobody will listen (Galsworthy, 2007: 235), - «А ваш фоггартизм требует денег, денег и еще денег! Можете кричать до хрипоты, что через десять или двадцать лет вы им вернете **впятеро больше**, - никто не станет слушать» (Голсуорси, 1927: 194).

Важно отметить, что наблюдаются и ФЕ данного типа, где прилагательное употребляется в сравнительной степени, например: англ. wiser after the event русск. «крепок задним умом», а также с субстантивацией прилагательного: англ. the last of the Mohicans русск. «последний из могикан, последний представитель».

Модель Prep+A+N в английском языке является самой многочисленной и имеет предложно-адъективно-именной подтип с подчинением. Это такие ФЕ, как: англ. without a red cent русск. «ни гроша за душой», англ. great name русск. «знаменитый», англ. with light fingers русск. «нечист на руку», англ. in good humor русск. «в хорошем настроении», англ. on one's last legs русск. «близкий к гибели, доживающий последние дни, на грани разорения, истощения»:

англ. People had grown tired of saying that the «Disunion» was on it's **last legs** (Galsworthy, 2018: 237), - «Всем уже наскучило повторять, что «Разлад» находится **при последнем издыхании**» (Голсуорси, 1973: 195).

В данной модели фразеологизмов, компонент прилагательное имеет функцию определителя и может взаимозаменяться, например: англ. in fine/high/good feather русск. «при полном параде», англ. in fine/ high fettle русск. «в отличном состоянии», англ. in a big/great way русск. «крупный, значительный»:

англ. The Beamish family had been manufacturers **in a big way** in Haliford for over fifty years and counted among the local aristocracy (Pristley, 1936: 244), - «Семья Бимиш была **крупным** изготовителем в Холлифорде больше пятидесяти лет и почитаема среди местной аристократии» (Пристли, 1936: 279);

англ. The older sister ... was ... married to a gentleman in a **great way** near Bristol (Austen, 2016: 216), - «... *старшею сестрой, которая составила блестящую партию, выйдя замуж за джентльмена из высшего общества...недалеко от Бристоля ...*» (Остен, 2016: 277).

Данные ФЕ являются показателями качественных признаков состояния (хорошее или плохое) и выражают временную или постоянную отнесенность признака к лицу, предмету. В рассматриваемых ФЕ возможно употребление прилагательных с антонимичным значением: англ. in good keep русск. «в хороших условиях, в хорошем состоянии»; англ. in low keep русск. «в плохих условиях, в плохом состоянии», англ. of great moment русск. «имеющий большое значение»; англ. of little moment русск. «имеющий небольшое значение», англ. in bad way русск. «в плохом состоянии (о здоровье)»; в упадке (о делах)»; англ. in a good way русск. «благополучный, зажиточный»:

англ. I happen to know Herb was in a **bad way** (Capote, 2000: 221), - «Я узнал, что Хёрб в **плохом состоянии**» (пер. наш – М. Э.);

англ. He ... engaged in trade having brothers already established in a **good way** in London (Austen, 2016: 216), - «Он... решил заняться торговлей, благо его братья успели **хорошо зарекомендовать** себя на этом поприще в Лондоне...» [Остен, 2016: 277].

Следующая модель A+and+A является довольно продуктивной, но в количественном отношении вдвое меньше, чем предыдущие. По классификации А. В. Кунина, – это «некомпаративные адъективные фразеологические единицы с сочинительной структурой» [Кунин, 1996: 83], а А. И. Алехина называет их «необратимыми двучленами» [Алехина, 1968: 4]. В изучаемом нами материале в адъективных некомпаративных ФЕ данного типа обязательным является наличие соединительной части. Семантическое взаимодействие обеспечивает наличие во фразеологизмах равноправных составляющих, которые являются:

1) синонимами: англ. hard and fast «русск. *жесткий, твердый (о правиле и т.п.)*», англ. high and mighty русск. «высокомерный», англ. free and

easy русск. «непринужденный; развязанный, бесцеремонный»:

англ. ... as for Kit, he looked at him in open – mouthed astonishment – wondering what kind of language he would address to him, if he talked in that **free and easy manner** to a notary (Dickens, 2014: 199), - «...а Кит смотрел на пожилого джентльмена с открытым ртом и думал, как же этот человек набросится на него, если ему ничего не стоит **говорить напрямик** с самим нотариусом» (Диккенс, 2002: 266);

2) словами одного семантического поля: англ. black and blue русск. «*побитый, в синяках и ссадинах*», англ. hale and hearty русск. «*бодрый и здоровый*», англ. alive and kicking русск. «*жив и здоров; цел и невредим*». Оба компонента прилагательных могут быть непроизводными англ. black and blue, hard and fast, или один из них англ. hale and hearty, free and easy, high and mighty;

англ. We can't make any **hard and fast** rules of what we shall or not do [Кунин, 2001: 256], - «*Мы не можем устанавливать жестких правил на предмет, что мы будем делать или не будем делать*» (пер. наш – М. Э.) - сочинительная структура, выступающая в функции препозитивного определения;

англ. Gloria: Oh, don't apologize. I was very **high and mighty** myself... [Кунин, 2001: 256], - «*Глория, не извиняйся. Я сам вел себя надменно*» (пер. наш – М. Э.)– предикативный член составного именного сказуемого;

англ. But if we give our ages wrong, are we married all right – legally? – **Hard and fast** [Кунин, 2001: 256], - «*Но если мы дадим неправильные данные о возрасте, наш брак будет законным? – Крепким*» (пер. наш – М. Э.) – прилагательное употребление, сливающееся с группой адвербиальных. Взаимозаменяемость компонентов английских ФЕ с сочинительной структурой в изучаемом нами материале не зафиксирована.

В результате исследования, мы пришли к выводу о том, рассматриваемые в данном исследовании некомпаративные адъективные фразеологизмы, имеющие в своем составе компонент прилагательное

существенно отличается от таковых в английском языке. Самой распространенной моделью, относящейся к данной группе ФЕ в чеченском языке является сочетание имени прилагательного и имени существительного со структурой N+A. (39 ФЕ), например: чеченск. дог цIена русск. «с чистым сердцем, чистосердечный». В таких ФЕ возможно употребление прилагательных с антонимичным значением: чеченск. дог Iаьржа – перевод букв.: *сердце черное* перевод лит. «с черным сердцем, неискренний, злопамятный»; чеченск. бос хаза – перевод букв.: «цвет красивый», перевод лит. *с красивым, приятным цветом лица*; чеченск. бохь лекха – перевод букв.: «верхушка высокая», перевод лит. «очень высокий»; чеченск. куьг говза – перевод букв.: «рука умная», перевод лит. «хороший мастер»; чеченск. са цIена – перевод букв.: «душа чистая», перевод лит. «благородного происхождения»; чеченск. са аьрта – перевод букв.: «душа тупая», перевод лит. «тупой»; чеченск. са дуткъа – перевод букв.: «душа тонкая», перевод лит. «обидчивый»; чеченск. са кIезга – перевод букв.: «души мало», перевод лит. «трусливый, жадный»; чеченск. са меца – перевод букв.: «душа голодная», перевод лит. «всегда голодный, прожорливый»; чеченск. са чIогIа – перевод букв.: «душа крепкая», перевод лит. «мужественный, сильный, предприимчивый»; чеченск. унах цIена – перевод букв.: «болезнь чистый», перевод лит. «с хорошим здоровьем»; чеченск. нур дашо – перевод букв.: «свет золотой», перевод лит. «излучающий (золотой) свет»; чеченск. цIий цIена – перевод букв.: «кровь чистый», перевод лит. «хорошего, благородного происхождения»; чеченск. цIий чехка – перевод букв.: «кровь быстрая», перевод лит. «быстрый, резвый; упрямый».

К исследуемой структуре N+A мы предлагаем отнести ФЕ типа: чеченск. куьйгана дика ву/вац русск. «на руку хороший есть/нет», чеченск. амална аьрха русск. «упрямый, строптивый, непокорный», чеченск. балхана тIера русск. «трудолюбивый», чеченск. бартана чехка русск. «прямолинейный», чеченск. дагна тамехь русск. «сердцу приятный», чеченск.

дашна говза русск. «красноречивый», чеченск. деглана аьхна русск. «телу приятный, мягкий», чеченск. лергана онда русск. «глуховатый, глухой», чеченск. лергана сема русск. «бдительный», чеченск. когана маса русск. «быстрый, быстро бегающий», чеченск. маттана говза (шера) русск. «красноречивый», чеченск. синна декъаза русск. «горемычный». Существительные в таких конструкциях имеют аффикс принадлежности «ан».

Таким образом, материал Диаграммы 4 позволил сделать вывод, что сравнительно-сопоставительный анализ адъективных ФЕ с компонентом-прилагательным в исследуемых языках характеризуется почти одинаковой частотностью функционирования адъективных фразеологизмов с компонентом-прилагательным, в чеченском – 39 ФЕ, а в английском языке – 37 ФЕ:

Диаграмма 4. Адъективные ФЕ с компонентом-прилагательным некомпаративного характера

В сопоставляемых языках деление фразеологизмов адъективного типа на две разновидности – компаративные и некомпаративные, по их структурно-семантическим характеристикам соответствует общей типологии ФЕ.

2.3 Фразеологические единицы с компонентом-названием цвета в чеченском и английском языках

Национально-культурные особенности этноса находят отражение на всех языковых уровнях, т. е. фразеология является той отраслью языкознания, где представлены наиболее специфические характеристики того или иного народа. Важно отметить, что ФЕ могут выражать и что-то общее, присущее любому языку, например, названия цвета, которые и являются предметом исследования данного параграфа. Лексемы цветообозначения становились предметом исследования многих ученых в разных языках (см. Л. М. Грановская (1964), В. А. Москович (1965), А. М. Куслик (1967), А.М. Яхина (2008), Назирова Мавджуда (2009), Е.А. Шабашева (2012), Iana Vuïuk (2016), А.Ю. Команова (2018), Shiqing Zhou (2020) и др.) считают, что семантическое поле названий цвета можно четко определить, и, видимо, этот факт привлекает лингвистов к изучению и описанию лексики цветообозначений. Например, Shiqing Zhou (2021) исследовал концептуальные метафоры с цветообозначением в английском и китайском языках. Автор объясняет различия между цветовой картиной мира носителей английского и китайского языков разницей в культурном происхождении, географической среде, формой мышления и национальной психологии. А. Ю. Команова (2018) рассмотрела лексико-семантические, стилистические и структурные особенности фразеологизмов с элементом цветообозначения в англоязычном медиапространстве. Vuïuk (2016) исследовала ФЕ с компонентом цвета в английском и турецком языках. По мнению исследователя три критерия определяют, является ли значение фразеологизмов, содержащих компонент-колорант, мотивированным или немотивированным, это: компонентный, семантический и этимологический критерии [Vuïuk, 2016: 175]. Л. М. Грановская (1964), В. А. Москович (1965), А. М. Куслик (1967) разрабатывали семантические и морфологические формы прилагательных, шкалу цветовой специфики разных языков. К. Н.

Дубровина (1970) и И. С. Куликова (1966) изучали стилистические аспекты функционирования цветообозначений [Дубровина, 1970: 53], Ф. Н. Шемякин описал появление некоторых наименований цвета в языке [Шемякин, 1960: 159], А. А. Гурдов посвятил свои исследования отдельным прилагательным цвета в разноструктурных языках (сопоставительные характеристики) [Гурдов, 1972: 44]. Ученые отмечали, что несмотря на ярко выраженные отличительные особенности языковой концептуализации в культурах разных народностей, восприятие цвета остается для них одинаковым. При этом, схожие и отличительные признаки цветообозначений ярко отражены во фразеологии, а причиной этому феномену, по нашему мнению, является специфическое для каждого народа отражение картины мира, метафорическое осмысление цвета тем или иным народом. Исследователи в области языкознания нередко обращались в своих трудах к ФЕ, имеющим в своем составе прилагательные, обозначающие цветовые качества. Особо следует отметить работы лингвистов (см. А. И. Бурлак (1955), М. Т. Ганиходжаева (1976), В. С. Фомина (1991), А. А. Кайбияйнен (1996), Н. Н. Репникова (1999), С. Г. Каримова (2007), М. А. Сорокина (2018) и др.). В исследуемой нами группе ФЕ посвящены сравнительно-сопоставительные исследования ученых (см. В. Н. Ключева «Прилагательные, обозначающие цвет в ФЕ (русский, французский, немецкий, английский и монгольский языки)» (1956); С. И. Ройзензон «Современные аспекты изучения фразеологии: английский и русский языки (1967); Г. С. Свешникова «Типологический анализ ФЕ с компонентом-прилагательным, обозначающим цвет (на материале немецкого, английского и шведского языков)» (1969); С. И. Войнова Сравнительный анализ фразеологических единиц с компонентом-цветообозначением (на материале русского и болгарского языков) (1978); Л. Г. Бедоидзе «Фразеологические единицы с компонентом цвета в немецком, русском и осетинском языках» (2012) и др).

Диссертационное исследование посвящено сравнительно-сопоставительному анализу фразеологизмов, содержащих имя

прилагательное, в таких языках как чеченский и английский, которые являются гетерогенными, т.е. генетически неродственными, которых отличает разная структурно-семантическая организация. Исходя из этого, мы считаем необходимым отнести к отдельному классу, ФЕ с цветообозначающим именем прилагательным, в чеченском и английском языках, поскольку они составляют наиболее многочисленную и часто употребляемую в речи группу. Количественный анализ фразеологизмов в сопоставляемых языках показал, что в английском языке их количество превышает количество чеченских ФЕ с обозначением цвета: 216 единиц – в английском, 88 единиц – в чеченском языке. Следует отметить, исследований, посвященных функционированию данной группы фразеологизмов в английском языке имеется значительное количество, в отличие от чеченского языка. Известно, что чеченский язык принадлежит к кавказской семье языков (нахская группа), а английский язык представляет индоевропейскую языковую семью и входит в состав германской группы. Анализ данных ФЕ двух сопоставляемых нами неоднородных языков дал нам возможность выделить «особенности взаимодействия интернационального и национального во фразеологии, ... с одной стороны, с общей типологией мышления, с другой, с менталитетом того и иного народа» [Маслова, 2001: 91].

Одной из задач нашей диссертационной работы является исследование ФЕ с компонентом–прилагательным цветообозначения, степени его влияния на эти устойчивые сочетания. В нашей работе, посвященной сравнительно-сопоставительному анализу чеченского и английского языков, мы предприняли попытку выявить оценочные коннотации прилагательных с цветообозначением во ФЕ и являются ли они общими для исследуемых нами языков. Языку каждого народа характерно наличие признаков, относящихся к разряду общих практически для всех народов. Таковым, в данном случае, является признак цветообозначения во ФЕ разных языков. Так, например, белый цвет во фразеологизмах имеет положительные коннотации, являясь

символом чистоты, красоты, доброты в противовес черному цвету, несущему отрицательные коннотации (зло, зависть и т.д.). В результате исследования и статистического анализа ФЕ, мы пришли к выводу, что имя прилагательное с наименованием цвета в чеченском языке является менее употребительным по сравнению с английским. Наблюдаются некоторые расхождения и в сочетаемости имен прилагательных с цветообозначением в чеченском и английском языках. Анализ исследуемых ФЕ показал, что в данных единицах английского языка частотно функционирование и использование прилагательного *чёрный* – 66, а в чеченском языке практически в два раза меньше – 29. ФЕ с участием прилагательного *лаьржа* «черный». Вторым по употребительности за прилагательным *black* «черный» является прилагательное *blue* «голубой/синий» – 34 употребления в английском языке, в чеченском языке для соответствующего прилагательного *сийна* «синий/голубой» характерна высокая частотность участия в составе ФЕ - 20 единиц; прилагательное *красный* – 30 ФЕ с его участием в английском языке и 14 ФЕ функционирует в чеченском языке. Всего 5 ФЕ с обозначением цвета *серый* «grey» зафиксировано в английском языке. В ФЕ чеченского языка данный компонент не наблюдается, а вот цветообозначение *белый* в английских фразеологизмах употребляется в три раза больше - 33 единицы, чем в чеченских - 11 единиц. Необходимо подчеркнуть, что прилагательные цвета во ФЕ английского языка употребляются относительно равномерно, чего нельзя сказать о чеченском языке. Наиболее широко в английской фразеологии используются прилагательные таких цветов, как: *чёрный* «black», *синий/голубой* «blue», *белый* «white», *красный* «red» и немного отстает от них *зелёный* «green», чеч. баьцара «зеленый» – 0 ФЕ с его участием. Чеченский язык объединяет с английским относительно высокая активность прилагательных *чёрный* «лаьржа», *синий* «сийна», *красный* «цIен».

Следует отметить, что названные цвета связывают с положительными или отрицательными ассоциациями, и в сознании индивидуума они являются

основными. Исследования, посвященные «психологическому восприятию цвета человека, свидетельствуют о сходстве основных ассоциаций, вызываемых определенным цветом» [Кайбияйнен, 1996: 62]. Далее, А. А. Кайбияйнен пишет, что «исследования психологов выявили, какие оценочные характеристики свойственны каждому отдельному цвету» [Кайбияйнен, 1996: 62]. Так, черный цвет ассоциируется с понятиями «трагический», «мрачный», а в чеченском языке и со значением «грязный», «завистливый». Таким образом, черный цвет вызывает отрицательные эмоции и характеризуется отрицательно как в английской, так и в чеченской языковой картине мира. Напротив, белый цвет – цвет радости, чистоты, то есть цвет, вызывающий положительные ассоциации. Можно сказать, что красный цвет в сопоставляемых языках также вызывает сходные ассоциации «яркий», «радостный», «красивый», «огненный». Если, например, в русском языке «красный» имеет более раннюю семантику *красивый* (сравните – *красна девица*), то в чеченском языке *цӀе* «красный» одного корня со словом *цӀе* – «огонь». И главное значение этого прилагательного *цӀе* «красный» в чеченском языке – «огненный» со всеми вытекающими ассоциациями. Во многом в «сопоставляемых языках совпадают ассоциации, вызываемые зеленым цветом – «весенний», «радостный», «растительный»» [Кайбияйнен, 1996: 62]. В чеченском языке прилагательное баьццара «зеленый» имеет корень буц «трава» и буквально означает «травянистый». Об относительной утрате предначальной семантики «травянистый» чеченским прилагательным баьццара «зеленый» свидетельствует чеченское словосочетание баьццара бай – буквально «травянистая трава», то есть *травянистое поле, луг* и т.д. В современном чеченском языке баьццара бай воспринимается уже не как «травянистая трава», «травянистое поле», а как «зеленая трава», «зеленое поле». Таким образом, в чеченском языке имеет место некоторое «затемнение» первоначальной семантики, тенденция утраты этимологической связи понятия «зеленый» от исходного «травянистый». Эмпирический материал, привлеченный нами для анализа,

позволил нам выявить восемь прилагательных цвета, участвующих во ФЕ английского языка. В составе чеченских ФЕ зафиксировано пять прилагательных цвета.

Основная часть прилагательных цвета в анализируемых ФЕ несет особую смысловую нагрузку. Семантическая структура этих прилагательных придает фразеологизмам эмоционально-экспрессивное качество, а также они наделяют предметы образными характеристиками в оборотах, в которых адъективными компонентами фразеологизмов являются прилагательные цвета. Исследователи, например, отмечали, что «семантические сдвиги прилагательных цвета в адъективно-субстантивных фразеологизмах имеют место в связи со свойственными им и прямым, и переносным значениями» [Кайбияйнен, 1996: 62]. При этом, как показывает материал, прилагательные, обозначающие цветовые оттенки, имеют или проявляют свой смысловой спектр. В зависимости от обозначаемого цвета и соответствующего потенциала таких прилагательных в сопоставляемых языках, они могут обозначать сходные в основном семантические оттенки в составе адъективно-субстантивных фразеологизмов. Можно сказать, что такие «совпадения» в гетерогенных языках – чеченском и английском – обусловлены соответствием или ассоциативным сходством семантики главных в цветовом спектре признаков – белого и черного. Наше исследование подтверждает, что «анализ фразеологизмов рассматриваемого типа в ряде языков германской группы (немецком, английском, шведском) демонстрирует сходство основных семантических сдвигов или основных значений адъективных компонентов фразеологизмов – прилагательных – не только в сопоставляемых германских языках, но и приводит к выводу о том, что это явление может иметь место и в других языках» [Свешникова, 1969: 120]. Относительно сопоставляемых нами языков – чеченского и английского – в части сходства основных значений прилагательных цветообозначения в составе фразеологизмов обоих разноструктурных языков, мы также можем констатировать соответствие высказанного Г. С. Свешниковой

предположения «по отношению к семантике адъективно-субстантивных фразеологизмов с прилагательным цвета в германских языках» [Свешникова, 1969: 120], отметить значительное совпадение смысловых оттенков прилагательных цвета в обоих языках. Анализ фразеологизмов с прилагательными цвета показывает наибольшую употребительность адъективного компонента черный чеченск. «*Іаьржа*»; англ. «*black*» как в английском, так и в чеченском языках. Диссертационная работа Г. С. Свешникова свидетельствует «о наличии трех основных значений прилагательного «*черный*» в английском, немецком и шведском языках – значения цвета и значения «*лишенный*»» [Свешникова, 1969: 120]. Первое значение – значение цвета – более конкретно. Два других значения – «*лишенный*» и «*цвет*» – ассоциируются с понятием «*темный*», а по отношению к человеку имеют отрицательную семантику.

Важно отметить, что анализ ФЕ чеченского языка, в части адъективно-субстантивного типа, подтверждает, в основном, сходство и этой стороны уже конкретно прилагательного черный «*Іаьржа*» в чеченском языке с английским эквивалентом. Сходство семантических оттенков прилагательного черный чеченск. «*Іаьржа*»; англ. «*black*» в значении «*темный*» по отношению к человеку в чеченском и английском языках наглядно демонстрируют примеры соответствующих фразеологизмов в сопоставляемых нами языках:

чеченск. *Іаьржа бала* – перевод букв.: «*чёрное горе*» – перевод лит. *горе, безвыходная тоска, печаль и т.п.*;

чеченск. *Іаьржа ойла* - перевод букв.: «*черная мысль*» (*ойланаиш*) – перевод лит. *тяжелые, невесёлые мысл*;

англ. *black ingratitude* - русск. «*чёрная неблагодарность*», англ. *a black look* русск. «*сердитый взгляд*», англ. *a black mark* русск. «*взыскание, выговор кому-либо*», англ. *to say blacks smb's eye* русск. «*обвинять, упрекать кого-либо*»:

англ. Jim had always good wages. Nevertheless, with **black ingratitude** he would throw up the job suddenly and depart [Кунин, 2001: 256], - «У Джима всегда была хорошая заработная плата. И, тем не менее, с **черной неблагодарностью** он внезапно смог бросить работу и уехать» (пер. наш – М. Э.);

англ. The administration let her go without a **black mark** on her record, [Кунин, 2001: 256] - «Администрация позволила ей уйти без **занесения выговора** в личное дело» (пер. наш – М. Э.);

англ. I'm afraid I shall get a **black mark** this week: this is the second time I've arrived late, [Кунин, 2001: 256] - «Боюсь, я **получу выговор** на этой неделе: я уже второй раз опаздываю», (пер. наш – М. Э.).

В чеченском языке наблюдаются фразеологизмы с цветовым прилагательным *чёрный*, которые характеризуют с отрицательной стороны непосредственно самого человека, например, как: чеченск. *1аьржа дог* – перевод букв.: «*черное сердце*» – перевод лит. «*о чрезмерно завистливом человеке, о черством человеке*»:

чеченск.

Хьох тешнарг наг-наггахь

Хьан коше вер ву.

«**1аьржа дог** дацара»

Хьуна цо эр ду (Мамакаев: 274), - «*Все кто верил тебе, / Придя на могилу, / «У него было не черное сердце» / Скажет*» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Мода яшо дукха г1ирсаш кечбина заводаша, уьш ерраш хьакхарх, хала дара хьан **1аьржа дог** даша (Яшуркаев: 283), - «*Разные моющие средства выпускают заводы, но даже если все их использовать, трудно будет твое черное сердце отмыть*» (пер. наш – М. Э.);

1аьржа нах – букв.: *черные люди – бедняки; люди, занимающие низкое общественное положение*:

чеченск. Дакъза ма вала, х1ай эла ва Мусост. Да эла хилла хьан, нана сту хилла хьан. **Хьо эла веца хьо, тхо 1аьржа нах деца.** Къа деца ва хьуна

зударийн, ва берийн. Эхь деца ва хьуна хьо санна ва болчу элашна ва юккьехь. Ма ехахь ахь тхобга тлехь йоцу ва ясах [Чеченский фольклор. Теркаца хьала-охьа вехаш хиллачу эла Мусостан, Адин Сурхон илии) [Байсултанов, 2016: 250], - *«Ты – не князь, а мы – не рабы твои»* (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Цо аьлча, Мухта-моллина хийтира: «Хинца-м дала тleлотта дера валийтора со хьуна, иштта цхьана бахьаниций бен шу **1аьржачу нахера** декхар схьадала мел хала дара (Бадиев, 1925: 191), - *«Мухта-мулла подумал: «По воле Аллаха я наткнулся на тебя, от вас, от **черных людей** только так можно долг получить»* (пер. наш – М. Э.).

чеченск. Шуна тхо **1аьржа нах** хета, ткьа, **1аьржа нах** шу шаьш ду, - олуш дерзийтира цо (Музаев, 1976: 203), - *«Для вас мы – **черные люди**, низкое сословие, вы сами – **черные люди**»* (пер. наш – М. Э.).

Такие английские ФЕ, как look on the black side (of things) *«быть пессимистом, мрачно смотреть на жизнь»*, look black *«мрачный, хмурый»* в английском языке передают значение *печальный, хмурый*. Что касается чеченского языка, то такое значение характерно для следующих устойчивых сочетаний:

чеченск. 1аьржа бала – перевод букв.: *«чёрное горе»* – перевод лит. *«горе, безвыходная тоска, печаль»* и т.п.:

чеченск. 1аьржа ойла (ойланаш) – перевод букв.: *«черные мысли»* – перевод лит. *«невесёлые мысли»*.

Дагийна, дайинчу адамийн даь1ахкаш,

Добзалан х1у дойуш бисинчийн ойланаш,

Акхачу арданго яржийна кьизаллаш,

1аьржачу балано кьежбина кегийнаш (Алиев, 2009: 189), - *Сожжены убитых кости,*

Мысли оставшихся бех поколений семьи,

Жестокость, которую распространила дикая стая,

*Молодые люди, которые поседели от **черного горя*** (пер. наш – М. Э.);

Гуш санна, тӀебогӀу и **Ӏаьржа бала**,

ТапӀаьлла дӀатийна Яьссица хьаннаш (Талхадов, 2018: 208), -

Кажется, грядет черная беда,

В мертвой тишине стоят Яссица леса (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Цул тӀаьхьа дукха хан ялале, 1944-чу шарахь деанчу Ӏаьржачу Ӏаьнца, беара **Ӏаьржа бала** ерриге а Нохчийчу [Байсултанов, 2016: 250], - «Вскоре, в 1944 году, в черную зиму, в Чечню пришло **черное горе**» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Да виса-кх, ницкъ белира и дуьненан мел долу жовхӀарш, мел долу рицкъа, вайн даймахкахь хилийта. Вайн лаьттахула хьийза **Ӏаьржа бала** панамахкхула дӀабахийта. ХӀора стаг шен даго ма-бохху ваха маьрша хилийта а... [Байсултанов, 2016: 250], - «*Была бы воля, чтобы все богатства мира были на нашей земле, чтобы изгнать черное горе с нашей земли, чтобы каждый человек мог свободно жить*» (пер. наш – М. Э.).

В ФЕ обоих языков с обозначением определённого промежутка времени обнаруживается и близкое этому значение «печальный», «трагический», например:

англ. black Friday русск. «чёрная пятница, пятница, в которую произошло какое-либо бедствие», англ.яз. a black day русск. «чёрный день, тяжелый день», англ.яз. black Monday русск. «первый день занятий после каникул»:

англ. My mother ... made home so disagreeable to me, that what is called by schoolboys **black Monday**, was to me the whitest in the whole year (Fielding, 2017: 234), - «Мать,.. сделала для меня пребывание в родительском доме настолько невыносимым, что день, называемый школьниками **черным понедельником**, был для меня самым белым днем в году» (Филдинг, 2016: 210).

Данной английской ФЕ *a black day* в чеченском языке соответствует ФЕ *Ӏаьржа де (денош)* – перевод букв.: «черный день (дни)» – перевод лит. «трудные, тяжелые дни, тяжелые времена»:

Сица лубттуш хийла хьоме цѣ,
Бѣаргаш хьалха хІутту хийла иѣшам.

Амма кхачарх уггар **Іаьржа де**,

Со ца къахко хьаьжна ирсах тешам (Юсупов: 281), -

«Порой родное имя через душу пропуская,

Перед глазами много раз встает потеря эта.

Но даже в самый худший день

Старался не вспугнуть я в счастье веру» (пер. наш – М. Э.).

ХІай, сийлахь возалла!

Дитахьа азаллехь,

Ца дубьцуш, ца хьехош,

И **Іаьржа де** [Байсултанов, 2016: 250], - *«Во имя чести своей*

Оставь это в вечности,

Не говори, не упоминай

*Об этом **черном дне**»* (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Сан бахам бац хьуна дешица бустуш,

Іаьржачу денна ца гулдина жовхІарш... [Байсултанов, 2016: 250], -
*«Мое состояние нельзя измерить золотом, я не откладывал жемчуг на **черный день**»* (пер. наш – М. Э.);

чеченск. ...Зударша шайна **Іаьржачу денна** бохуш дІадиллина долу
детин ахчанаш, ахча доцчо котам, гІаз йобькина вовшах а тоьхна, ахчанаш
(Бадиев, 1925: 191), - *«Женщины откладывали на **черный день** кто
серебряные монеты, кто курицу, а кто-то деньги от продажи гуся»* (пер.
наш – М. Э.).

Анализируемое нами прилагательное *чёрный*, присутствующее в
составе фразеологизмов придает им значение *«коварный, злой»*. Данное
явление характерно в большей степени английскому языку, чем чеченскому:
англ. black art русск. *«чёрная магия»*, англ. the black man русск. *«дьявол, злой
дух, сатана»*. Помимо перечисленных нами значений прилагательное *чёрный*
в ряде английских ФЕ имеет семантическое значение *«грязный»*, например:

(as) black as the ace of spades «очень грязный». В ФЕ black money перевод букв. «чёрные деньги» – «грязные деньги» это значение приобретает оттенок «нечестный». Например: англ. black market – русск. «подпольный рынок».

В чеченской ФЕ 1аьржа г1уллакхаш – перевод букв.: «черные дела» перевод лит. «незаконные дела»:

чеченск. Луларчу зударша дуйцура, Аьлбикас Борз-1елина молханаш дайна бохуш. Иза бакъхуьлийла дацара де а. Аьлбикас и **1аьржа г1уллакхаш** лелор дацара, наха леладо аьлча, тешар а яцара. Ша цхьа суй белахь а, и тайпа дацара Аьлбика (Юсупов: 281), - «Соседки рассказывали, что Аьлбика порчу навела на Борз-Али. Это не могло быть правдой. Аьлбика такими **черными делами** никогда не занималась, да и не поверила бы, что другие этим занимаются» (пер. наш – М. Э.).

Устойчивые сочетания и в чеченском, и в английском языках, в которых присутствует прилагательное чеченск. 1аьржа «черный» – англ. black – служат для описания плохих погодных условий или событий для человека, народа, человечества (природные аномалии, эпидемии и т.д.). Например:

англ. a black ice русск. «гололёд», англ. black frost русск. «трескучий мороз», англ. the black death русск. ист. «эпидемия чумы, чёрная смерть»;

чеченск. 1аьржа ун (хила) перевод букв.: «черная болезнь» перевод лит. «чёрная эпидемия»;

чеченск. 1аьржа 1а перевод букв.: «черная зима (без снега)» «потепление климата во время зимнего сезона»;

чеченск. 1аьржа талу перевод букв.: «черная отравы – (отравы)»:

чеченск. Цу **1аьржачу унахчул**, со царых кхоьруш ву (Солцаев, 1988: 207), - «Я их боюсь больше, чем **черной болезни**» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Цул т1аьхьа дукха хан ялале, 1944-чу шарахь деанчу **1аржачу 1аьнца**, беара **1аьржа бала** ерриге а Нохчийчу [Байсултанов, 2016: 250], - «После этого, спустя некоторое время, вместе с пришедшей в 1944 году **черной зимой**, во всю Чечню пришло **черное горе**» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Амхъад, со санначунна-м йовхо тоьлура, наха **Іаьржа Іа** ца магадахь а [Байсултанов, 2016: 250], - «Амхад, *таким как я больше подходит тепло, людям не нравится **черная зима***» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Стоьмаш талхарна кхерам бу – цхъаболчара чІенагаш естийна (Махмаев, 2011: 202), - «*Фрутовые деревья могут замерзнуть – у некоторых уже раскрылись почки*» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. **Іаьржа талу** дуур делара ахь кхин сан кертахь хІума ца юуш-м! (Нунуев, 1986: 204), - «*Можешь **черной отравой** питаться, больше в моем доме ты не будешь кушать*» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Таханлерниг санна хала де хила а хиллий-те хІокхуьнан **Іаьржа ун** хилла хъаьрчинчу кхолламехь? (Айдамирова, 2012: 187), - «*Был ли в его жизни труднее день, чем этот, в мире, охваченном **черной болезнью***» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Шайн волла, дуьненан массо а маьІлера адамаш хІаллакдеш хуьлу нераун а, **Іаьржа ун** а ца лета царах (Айдамиров, 2005: 186), - «*Их не берет даже **черная эпидемия**, покосившая людей во всем мире*» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Хила хъаьхна доьдуш дерг юьхьанца башха тидаме а ца лоруш, бІаьрзе хилла Іийна нах «самабевллачул» тІаьхьа геннадаьлла доьдуш карийра махкахь даьржина **Іаьржа ун** [Байсултанов, 2016: 250], - «*Вначале не обращавшие на это особого внимания люди очнулись и обнаружили, что **черная болезнь** распространилась по всей родной земле*» (пер. наш – М. Э.).

Следует подчеркнуть, что е прилагательное *Іаьржа* в чеченском языке и и *black* - в английском помогают фразеологизмам более отчетливо отразить отрицательное восприятие окружающего нас мира. Вместе с тем и в чеченском, и в английском языках прилагательное *Іаьржа*, *black* «*черный*» в некоторых устойчивых словосочетаниях может иметь нейтральную или положительную семантику. В качестве примеров приведем следующие фразеологизмы:

чеченск. **Іаьржачу** лаьттора – перевод букв.: «*черной землей*» перевод

лит. «клятвенное заверение»:

чеченск. Массара а иза вуьйцура, кино чохь волуш санна, цо цунна а, вукхунна а – оцу **1аьржачу лаяттора**, – цо еттар ма яра бохуш, массара а дуйнаш а бууш [Байсултанов, 2016: 250], - «*Все говорили о нем как о кинозвезде, клятвенно заверяя, что он всех может побить*» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. 1аьржанна а, к1айнна а – перевод букв.: не черное, не белое – перевод лит. ни за, ни против (нейтрально) (о позиции кого-л. в чём-л.):

чеченск. Дейишас Тамарас хьахийтича, **1аьржанна а, к1айнна а** вист ца хуьлура Руслан [Байсултанов, 2016: 250], - «*Когда тетя Тамара заговорила об этом, Руслан ничего не ответил*» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. 1аьржа кьиг хуьлуш (бен) ирон. – перевод букв.: «*когда черная ворона станет*» – перевод лит. «*очень редко*»:

чеченск. Неханаш-м цомгаш а хуьлу (хьехархой буьйцу ас), майрачуьнца эг1ий а боьлху. Х1ара-м г1ур яц хьуна ийг1ина, шайт1а доьдуш а. Марехь а ца хилча, йоьдий х1ара? Я цомгаш а ма хир яц, **1аьржа кьиг хуьлуш бен**. Кхуо гуттар а маникюр йийр ю-кх, ша «хазаллин ц1а» чохь йолуш санна, обществоведенин урокехь а йоцуш [Байсултанов, 2016: 300], - «*У других преподаватели и болеют, и уходят от мужей, а эта не поссорится с мужем даже, когда черт поссорится. Так она и не замужем, да и не заболевает даже, когда черная ворона заболевает*» (пер. наш – М. Э.).

Прилагательное *чёрный* во ФЕ может иметь и положительную коннотацию, что мы наблюдаем только в чеченском языке, например:

чеченск. 1аьржа латта санна (ва) тешаме – перевод букв.: «*преданный до последней степени*»:

чеченск. Тешаме ву хьуна х1ара Бошин 1ума, **1аьржа латта ва санна** [Байсултанов, 2016: 250], - «*Сын Боши преданный как черная земля*» (пер. наш – М. Э.);

англ. be in the black русск. «*вести дело прибыльно, получать доход*»,
англ. black swan русск. «*большая редкость*», англ. climb into the black русск.

«давать прибыль, стать рентабельным», англ. black letter русск. «прописная буква», англ. black letter day русск. «обычный, будний день», англ. to be not so black as it is painted русск. «быть не таким уж плохим, как изображают»:

англ. All the independent television companies are well in the black, [Кунин, 2001: 256] - «Все независимые телекомпании получают хороший доход» (пер. наш – М. Э.).

англ. The world bank which had lost money since it opened two years ago finally **climbed into the black** [Кунин, 2001:256]., - «Со времени открытия, терпевший убытки мировой банк, наконец, **пошел в гору**» (пер. наш – М. Э.);

англ. «I am glad for thy own sake, that he is **not so black as he is painted**». said Agatha [Кунин, 2001: 256]., - «Я рада, что он оказался **не таким плохим, как его описывали**» – сказала Агата» (пер. наш – М. Э.);

Подобные исключения в образовании семантического значения в колоронимах в ФЕ часто встречаются и у прилагательного *белый* чеч. *кIайн*; англ. *white*. Данный факт характерен как для чеченского, так и для английского языков. В результате нашего исследования, мы пришли к выводу, что в отличие от чеченского языка в английском языке они такие отклонения значительно преобладают, например:

англ. at a white heat русск. «в ярости, в бешенстве»; англ. buy a white horse русск. «транжирить деньги»; англ. bleed someone white русск. «обескровить, сделать бессильным; выкачать деньги, оставить ни с чем»; англ. white at the lips русск. «от злости»; англ. white crow русск. «белая ворона»:

чеченск. кIайн хабарш (разг. ирон.) перевод букв.: «белые разговоры» перевод лит. «безответственные разговоры»;

чеченск. кIайн йийсар дина (дан и. дI. кх.). уст. *пленить кого-л. или чего-л.*:

чеченск.

Лечкыйна хIун до вай,

Гуш ма ду **кIайн хабарш**,

Вай стена хИиттор ю кеп?

Халкъана курхала

Деш леллий пайхамарш?

Я эшний цхьа а билет? [Байсултанов, 2016: 250], - «*Зачем скрывать, и так ясно, что это – пустые разговоры*» (пер. наш – М. Э.).

Возможно, характеристика образов допускает в чеченском и английском языках некоторый семантический сдвиг в прилагательных *кIайн*, *white* «белый» в составе фразеологизмов. По мнению Г. С. Свешниковой, ««единство линии семантического развития» в различных языках может иметь единую или сходную экстралингвистическую основу» [Свешникова, 1969: 120]. К примеру, во многих языках имеет место, отмечаемое исследователями семантическое снижение качества. Для характеристики такого сходства, в сопоставляемых языках в нашем случае можно привести параллельные фразеологизмы, например, в следующей англо-чеченской фразеологической паре пен санна кIайн ву (ю, бу) (кIайвелла) «*стать бледным, как полотно, стать бледным как стена*» = *be/go/turn/look as white as a sheet*. Очевидно, совпадение в данном случае вызвано сходством состояния человека в экстремальной ситуации. Некоторые отклонения значения прилагательного *white* «белый» в составе фразеологизма в английском языке продиктованы какими-то событиями, фольклорными мотивами, обычаями, имевшими место в истории народа. В качестве примеров можно привести английские фразеологизмы *white horse* букв.: «белая лошадь», *white feather* букв.: «белое перо», *white elephant* букв.: «белый слон». В основе первого фразеологизма *white horse* букв.: «белая лошадь», имеющего в английском языке семантику *трусость, малодушие*, лежит предание о бегстве с поля боя на белой лошади английского короля Якова Второго. Следующий фразеологизм *white feather* букв.: «белое перо» в английском языке также является признаком *трусости, трусливой породы*. В основе фразеологизма и его семантики лежит примета о том, что белое перо в хвосте бойцовского петуха является признаком *трусости*. Это значение имеет, например,

следующий английский фразеологизм:

англ. «I have lost everything, sir,' Pen groaned out; 'my honour's gone; I'm ruined irretrievably; I can't go back to Oxbridge.' 'Lost your honour?' screamed out the Major. 'Heaven alive! you don't mean to say you **have shown the white feather?**', - — *Я погибший человек, сэра, - простонал Пен, - я обесчещен, я не могу вернуться в Оксбридж. Обесчещен! — заревел майор. - Праведное небо! Неужели ты **струсил** на дуэли?* [Кунин, 2021: 257].

Следующий, третий фразеологизм white elephant букв.: «белый слон», также основан на легенде о том, как дар белого слона правителем Сиама своему подданному обычно сопровождался разорением последнего в результате больших расходов на его содержание. Поэтому в английском языке white elephant означает «дорогую ненужную вещь». Необходимо подчеркнуть, что основным же значением прилагательного *белый* в составе ФЕ в исследуемых языках, по нашим наблюдениям, является значение «чистый» с разными его производными, например: англ. as white as chalk/milk/snow русск. «белый как мел, молоко, снег»; англ. white as a driven snow русск. «совершенно белый»:

чеченск. Шурула-к1айн (шарула-к1айн) – перевод лит. «белый-белый (в основном о белоснежном цвете) перевод букв.: «молока белее»;

чеченск. Шура санна к1айн – перевод лит. «белый-пребелый» перевод букв.: «молоко как белый»;

чеченск. Ло санна к1айн – перевод лит. «белый-пребелый» перевод букв. «снег как белый»:

чеченск. **Ло санна, к1айн** ши дин а бобжна, ч1ог1а кечийна яра церан пайтон! (Солцаев, 1988: 207), - «**Фаэтон был запряжен двумя белыми как снег лошадьми**» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. к1айн ахча – перевод букв.: «белые деньги» перевод лит. «праведные деньги», к1айн дуйне – перевод букв.: «белый мир», к1айн маьлхан дуйне перевод лит. «белый солнечный мир», к1айн дети перевод лит. «белое серебро», к1ай саг1а перевод лит. «пожертвование»:

англ. The wall were whitewashed as **white as milk** (Dickens, 1875: 226), - «*Выбеленные стены были белы, как молоко*» (Диккенс, 1875: 198).

ФЕ с данным значением, относящиеся к человеку, придают ему положительную оценку с морально-нравственной стороны. В чеченском языке такие ФЕ совсем не встречаются, а в английском языке встречаются редко:

англ. a white man русск. «*прекрасный, порядочный человек*»:

англ. Sit down and tell me about your sister and Jon. Is it a marriage of true minds?» «... It certainly is. Young Jon is a **pretty white man**... (Gasworthy, 2007: 235), - «*Садитесь и расскажите мне о вашей сестре и Джоне. Это брак по любви?*» «...*Да, несомненно. Джон прекрасный человек*» (Голсуорси, 1927: 194).

Необходимо отметить, что совпадение семантических «нюансов» прилагательного *Клайн, white* «белый» в чеченском и английском языках, также свидетельствует, о совпадении основных направлений и развитии семантических изменений в сопоставляемых языках. Важно подчеркнуть, что в начале параграфа 2.3., мы выдвинули предположение о том, что прилагательное *белый* положительно влияет на общее значение ФЕ чеченского и английского языков и это получило подтверждение во многих примерах.

Следующим активным прилагательным цвета во фразеологии обоих языков является красный чеч. *цлен*; англ. *red*. Основной компонент его значений, реализуемых во ФЕ и чеченского, и английского языков, – это цвет, например:

чеченск. *цлен ахча* (кехаташ) – перевод букв.: «*красные деньги/бумажки*» перевод лит.: «*десятирублёвые советские денежные купюры*»:

чеченск. Доллучул а юбртахошна новкъа дерг цхъаь дара: цхъаболчаьргахь талзар латтадахь а, вукхаьрца (шен кисана **цлен кехаташ** телош болчаьрца) члогла комаьрша а, дог кледа а вара хьуьнан хехо (Нунуев,

1986: 205), - «*Больше всего сельчанам не нравилось, что их лесник одним спуску не давал, а с теми, кто совал в его карманы **красные бумажки**, был очень вежлив*» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. цIен деши (дети) – перевод букв.: «*красное золото/серебро – (варшавское золото, (отличалось красным оттенком))*»:

чеченск. Ткъа хIинца кхуьнан хъешо дуйцучо дойъуш лавтгара кхуо мел лелийнарг. «*Шена моттаделларг кху Ювдало нахана хьалха алахь, вала де ма ду хIара,*» аьлла:

– Я-ца-ра, дера, хаза стаг ю хьо, Майдат, я-м хIай! Сан невцо еана чIуг, царна еаначуьнан можачу дешин хилла хIоз – **цIечу дешин**, ткъа **цIечу дешин** хилла бIаьрган гуо – можачу дешин болуш ма яра. Хьуна дага ца йогIу?! – элира кхуо (Тапалаева, 2014: 209), - «*Нет, конечно, вот ты – интересная женщина, Майдат! Обруч кольца, которое принес мой зять, был сделан из **красного золота**, а оправка для камня – из желтого, а у их кольца наоборот – из **красного золота**. Ты разве не помнишь?! – спросила она*» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Цо уззу **цIен деши** дIаэца хьайна! (Солцаев, 1988: 207), - «*Бери столько **красного золота**, сколько она весит*» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Мерзачу сан синна **цIен деши** хьо дара (Солцаев, 1988: 207), - «*Ты была **красным золотом** моей души*» (пер. наш – М. Э.);

англ. like a red rag to bull перевод лит.: «*опасное дело*», перевод букв.: «*как красная тряпка для быка*», англ. red ink – перевод букв.: «*красные чернила*» перевод лит.: «*красное дешевое вино*», англ. red Rambler перевод: «*праздношатающийся бродяга*»:

англ. Gumbril made a gesture of despair and was silent. He thought of Emily in her native quiet among the flowers; in a cottage all together too cottagey, with honeysuckles and **red rambles** and hollyhocks – though, on second thoughts, none of them would be blooming yet, would they? [Кунин, 2001: 256]. - «*Гумбрил сделал жест отчаяния и замолчал. Он думал об Эмили, в ее родной тиши среди цветов; в коттедже все было слишком по-деревенски, с*

жисмолостью и красными вьющимися розами и шток-розами – хотя, если подумать, они ещё не зацвели, не так ли?» (пер. наш – М. Э.);

Имя прилагательное чеч. *ц1ен*; англ. *red* употребляются во ФЕ, в основном относящихся к человеку, что наблюдается в обоих языках. Но исследуемый материал английского языка показал, что для него характерны ФЕ, описывающие психологическое состояние, имеющее внешнее проявление, например:

англ. *be/go/tum as red as a beetroot* русск. «*красный как свекла*», англ. *as red as a turkey cock* русск. «*красный как индюк*», англ. *as red as a lobster* русск. «*красный как рак*»:

англ. *He was sorry for McGown! There he sat, - with every one getting up all round him, still; and red as a turkey-cock* (Gasworthy, 2007: 235), - «*Ему было жаль Мак-Гауна. Все вокруг него встали, а бедняга сидел неподвижно, красный как индюк*» (Голсуорси, 2009: 136).

чеченск. *бурак санна ц1ен (ц1евелла)* – русск. «*красный как свекла*».

Необходимо подчеркнуть, что обоим сопоставляемым языкам характерно участие прилагательного, обозначающего красный цвет в структуре фразеологизмов для характеристики здоровья человека:

чеченск. *ц1ен бос богуш* – перевод букв.: «*сияя красным цветом*»
перевод лит.: «*иметь здоровый вид, выглядеть здоровым*»:

чеченск. *Эзар исс б1е шовзткъе шолг1ачу шеран берх1итталг1ачу ноябрехь ц1ен бос а богуш, элдарчу дагахь, каде, самукъане хилла гвардин капитан Бороденко шолг1ачу дийнахь дуьйна т1еман г1уллакхана пайденна хуьлчуьра д1авелира гуттаренна* (Айдамирова, 2012: 187), - *В 1942 году 18 ноября гвардии капитана Бороденко комиссовали. Он всегда был смел и весел, имел отменное здоровье* (пер. наш – М. Э.);

англ. *_be (look) red about the gills* – русск. «*иметь здоровый вид, выглядеть здоровым*», англ. *(as) red as a cherry (as a rose)* – русск. «*румяный, с румянцем во всю щёку, кровь с молоком*».

Во фразеологизмах чеченского языка не наблюдается соответствий с

английским языком при обозначении цвета в соответствии с некоторыми явлениями. Например:

– материальные отношения: англ. without a red cent – русск. «остаться ни с чем, обнищать», англ. not have a red cent – русск. «быть очень бедным»; «не иметь ни гроша», англ. be in the red – русск. «иметь долги перед банком, жить в кредит»;

– социальные явления: англ. cut the red tape – русск. «уладить формальности», англ. red tape – русск. «бюрократия, бумажная волокита».

В сопоставляемых языковых структурах только английскому языку свойственно употребление цвета *red* «красный» для обозначения семантики «яркий, неординарный». Такие значения отражены в следующих примерах:

англ. red herring – русск. «что-л., намеренно отвлекающее внимание»; англ. paint smth. red – русск. «представить в яркой сенсационной форме». А, вот, реализацию значения «чего-то несбыточного, нереального» мы находим только в чеченских фразеологизмах, например: цIен ло догIур ду (дара) – перевод букв.:» *красный снег пойдет – настолько несбыточно, нереально предложенное или предполагаемое, что можно с уверенностью предположить обратное тому, о чём говорят, надеется кто-либо*. Или значение «безразличия»: чеченск. цIен ло даглахъара хIетале и. дI.кх. – русск. «совершенно безразлично кому-л., что произойдёт в будущем»:

чеченск. Хийла хир ду даккхий ден вай, ца йича мало, адаман барт хилале, догIур дара **цIен ло** (Яшуркаев, 2013: 213), - «Скорее **красный снег** пойдет, чем люди будут жить в согласии» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. – Ассалам Iалайкум, Адам! Тахна-м **цIен ло** догIур дара вайна! – шен хазахетар лачкъо а ца гIерташ, доггаха вела а вольуш, Адамна маракхийтира иза [Байсултанов, 2016: 250], - «Ассалам аллейкум, Адам! Сегодня **красный снег** пойдет! – не скрывая своей радости, он обнял Адама» (пер. наш – М. Э.).

В чеченских фразеологизмах исследуемое прилагательное реализуется в значении «купить или продать что-либо по самой высокой цене»: чеченск.

ц1ен мах баккха – русск. «*красную цену сорвать*».

Анализ фразеологизмов с прилагательным «*красный*» в исследуемых языках обнаружил следующие совпадения:

чеченск. бурак санна ц1ен (ц1евелла) – русск. «*красный как свекла*»,

чеченск. ц1ен бос богуш – русск. «*иметь здоровый вид, выглядит здоровым*»;

англ. be/go/tum as red as a beetroot – русск. «*покраснеть; стать красным, как свекла*», англ. be (look) red about the gills – русск. «*иметь здоровый вид, выглядит здоровым*». Употребление в ФЕ прилагательного *желтый* в основном наблюдается только в английском языке, в чеченском же языке встречаем только единичные ФЕ. В основном ФЕ с этим компонентом в английском языке выражают отрицательную коннотацию:

англ. yellow leg подлый – русск. «*трусливый человек*»; «*презренное существо*», англ. yellow-livered – русск. «*трусливо, мерзко, низко, подло*»; англ. yellow press – русск. «*жёлтая пресса*», англ. yellow journalist – русск. «*папарацци, журналист бульварной прессы*»;

Если мы сравним соответствующие прилагательные (англ.) yellow (жёлтый) и (чеченск.) можа (*жёлтый*), то обнаружим общий компонент фразеологического значения – цвет. Например:

англ. canary-yellow – русск. *светло-желтый, канареечный цвет*:

чеченск. барула (борула, бурула) можа перевод букв.: «*желтка желтее – о ярко-жёлтом цвете*», чеченск. можа бос (мажьелла) – перевод букв.: «*болезненно-желтый цвет*»; чеченск. можа б1агор бан перевод букв.: «*желтый обморок*» перевод лит.: «*испытывать головокружение, испытывать злость*» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Шовзткъе пхи шо хила мега цуьнан. Шовзткъа-м хир ду, д1акхоьссича а. Тайниг санна ма ю х1инца а! Екъа, боху ас, т1ехь дилхан хьаса боцуш. **Бурула-можа месаш** а ю [Байсултанов, 2016: 250], - «*Возможно, ей сорок пять. Сорок лет, наверняка. До сих пор как куколка! Я имею в виду, худая. Волосы желтые (желтка желтее)*» (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Цул сов, нийсса сахътехъ мера клел хыйза **барула можа** **лежаш** а, цIарула цIен кемпеташ а ца юуш мила Iелур вара? [Байсултанов, 2016: 250], - «*Более того, кто не поддастся соблазну поесть (желтка желтее) желтые яблоки и (огня краснее) красные конфеты*» (пер. наш – М. Э.).

Значительные расхождения имеют место в семантике прилагательного, обозначающего синий – голубой цвет. В чеченском языке, также, как и в английском, отсутствует отдельная лексема для обозначения голубого цвета. Голубой цвет в чеченском языке передается описательно стигалан басахъ перевод букв. «небо/небесного цвета». Также, и оттенки синего цвета в чеченском языке обозначаются дополнительными словами – пояснениями таIна сийна «темно-синий», сирла сийна «светло-синий». Сходство по семантике прилагательного со значением *синий* во фразеологизмах чеченского и английского языков выявлено только в отношении цвета. Такого разнообразия использования семантических оттенков прилагательного *синий* как в английском языке, в чеченском не наблюдается.

Например: чеченск. сийна цIе ян – русск. «*синее пламя*»; чеченск. сийначу стигала ваккха (й, д, б) – русск. «*непомерно расхваливать, восхвалять!*»; англ. blue blood – русск. «*голубая кровь, аристократическое происхождение*»; англ. blue chips – русск. «*акции компании, выплачивающей высокие дивиденды (светокопия, синька)*»; англ. a blue stocking – русск. «*синий чулок (о сухой педантке, лишенной женственности)*»; англ. a blue print – русск. «*наметка, предварительный план*»; англ. blue-eyed boy – русск. «*любимчик, любимец*». Например:

англ. I have a grandson – up at Oxford – talks and behaves as if he were the last of some ancient family – **blue blood**. Crusades, moldering castles (Pristley, 1936: 244), - «*У меня внук в Оксфорде, и он держит себя как последний отпрыск древней семьи – голубая кровь, знаете ли, крестовые походы, полуразвалившиеся замки*». (Пристли, 1936: 279);

англ. I've got my money in **blue chips**, [Кунин, 2001: 256]; - «Я получил свои деньги в акциях» (пер. наш – М. Э.).

англ. She was a good mother to us all but there was no blinking the fact that the elder son was her **blue-eyed boy** [Кунин, 2001: 256], - «Она для всех нас была хорошей матерью, но не было сомнения, что старший сын был её любимчиком» (пер. наш – М. Э.);

англ. «A million!» I said... «That's money, but it doesn't prove that the deals crooked» «It's crooked all right, Maddux said grinly. «It's more than that, it's a **blue print** for murder» (Chase, 2006: 225), - «Миллион! – присвистнул я. – Большая сумма, но это не доказывает, что сделка мошенническая. – Еще какая мошенническая, - мрачно произнес Мэддокс. – Более того, это **план убийства**» (Чейз, 2016: 211).

В чеченском языке ФЕ с прилагательным сийна «синий» в основном выражают отрицательное отношение к чему или кому-либо, чаще их используют в выражениях проклятий, например:

сийна стигал «синее небо», т1еелха санна – разг. «темнота, облака, сильный дождь» и т.п.:

сийна ц1арах дага (й, в, б) – разг. «недоброе пожелание»;

сийна ц1е (синее пламя) лата (яла) – «с умыслом воспламенить что-л (иногда и кого-л.), поджечь что-к.-л.»;

сийна ц1е лато (йилла) – «предать всё огню, полностью уничтожению»;

сийна ц1е ялахъара (йолийла) х1окху нана дуйненах – разг. «пусть гибнет, пропадает, страдает и т.п., проявление безучастия, безразличия к кому-ч-л.»;

сийна ц1е ялахъара (йолийла) – «выражение возмущения, досады»;

сийна ц1е яьлча а (лерган дуйхъиг ухъур доцуш) – «ни при каких условиях, обстоятельствах; выражение отрицания чего-либо». Примеры:

чеченск. Даймохк бохийна

Цунах къаставахъ,

Сийна цIарах дог

Марса догур ду [Байсултанов, 2016: 250], - *«Расставшись с Родиной, мое сердце сгорит синим пламенем»* (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Аьрзу (чухула, дIаса а хьийзаш). Юха а вайшииь диси-кх вайшииь! Массо а дIаваха, хила а ца хилча санна... Я и гIан хилла... ХIара дерриге ду те гIан? О-о, ма дахделла хьо гIан. Маца чекхдер ду хьо? Маца? **Сийна цIарах** дага-кх хьо, дуьне, сийна цIарах! (Ахмадов, 2005: 190), - *«Опять мы остались вдвоем. Все ушли, как будто никого и не было. Или это был сон ...может это всё сон? Как долго длится этот сон. Когда он закончится? Когда? Пусть весь мир горит синим пламенем!»* (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Делора вогIур вац хьо цигара ас кхо-диь дакъа а дижоза-м, сайх **сийна це** ялахь а! (Нунуев, 1986: 204), - *«Ты не приедешь оттуда, пока я двух-трех людей не похороню, даже если меня охватит синее пламя»* (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Цхьа ша тайпа ницкъ бу къуоналлин: луьра дарц, **чехка мох** хьакхарх, **сийна це** яларх къуоналла къарьян хир дарий хьовх кху лаьттахь цхьа а хIума [Байсултанов, 2016: 250], - *«У молодости какая-то особенная сила: ни сильный ветер, ни синее пламя не сломит молодость»* (пер. наш – М. Э.);

чеченск. **Сийна це** ялахьара кху нана дуьненах [Байсултанов, 2016: 250], - *«Пусть горит синим пламенем весь мир»* (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Шайн юрт **сийначу цIарах ягийча** а, шаьш дерриг а доьзалшца цхьаьна сийначу Сибрех дахийтича а, буьйцур бацара (Айдамиров, 2005: 186), - *«Даже когда их село сожгли синим пламенем, и всю семью сослали в синюю Сибирь, они молчали»* (пер. наш – М. Э.);

чеченск. - Тапа! Хьуна бакьдерг дезахь, цу паччахьах а **сийна це** ялар лалур долуш бу-кх вайнах! – хаийтира Имхьяьжис (Музаев, 1976: 203), – *«Тапа, по правде говоря, вайнахам все равно, если этот правитель сгорит синим пламенем!»* (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Ерриг а юрт ягярх, **сийна ц1е яьлла**, уьш ший а вацара бен д1а ца хеташ [Байсултанов, 2016: 250], - *«Им обоим было все равно, даже если их село горело бы **синим пламенем**»* (пер. наш – М. Э.).

чеченск. – Цкъя делахь, царна коьрте х1иттинарш, х1окху Нохчийчобнах **сийна ц1е** яьлча а лерган дуьхьиг уьхьур доцуш нах бу, туркойн 1едалехьара цхьана дикане догдохуш боьлхуш (Айдамиров, 2020: 186), – *«Во-первых, те, кто их возглавил ухом не поведут, если даже вся Чечня сгорит **синим пламенем**»* (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Дахарехь коган лар йоцуш,

Тилкхаза ваьлла со лелахь,

Сан дег1ах кьинхетам боцуш,

Зама, ахь **сийна ц1е** елахь (Дакаев, 2011: 197), -

«Если я не оставлю следа в этой жизни,

если сойду с праведного пути,

*пусть я сгорю **синим пламенем**»* (пер. наш – М. Э.);

чеченск. Кхераме берш кхин бара, шайн таханлера хьашт-дезарш меттах1иттичахьана, Мохк а, Кьам а, оцу кьоман литература а **сийна ц1е** яьлла ягарх шек боцуш, шайн ворх1е дайшкахь дуьйна лай хилла, лайн амалш эцна арабевлла нах [Байсултанов, 2016: 250], - *«Опасаться стоило других, тех, кто продался из-за земных благ, тех, кому все равно, если даже **синим пламенем** сгорят его Родина, его народ и литература его народа»* (пер. наш – М. Э.). Статистическая обработка ФЕ с компонентом-названием цвета (см. Диаграмма 5) в сопоставляемых языках позволила заключить, что в чеченском языке функционирует 88 ФЕ, а в английском языке – 216 ФЕ с названием цвета, частотность функционирования в фразеологической системе английского языка высокая:

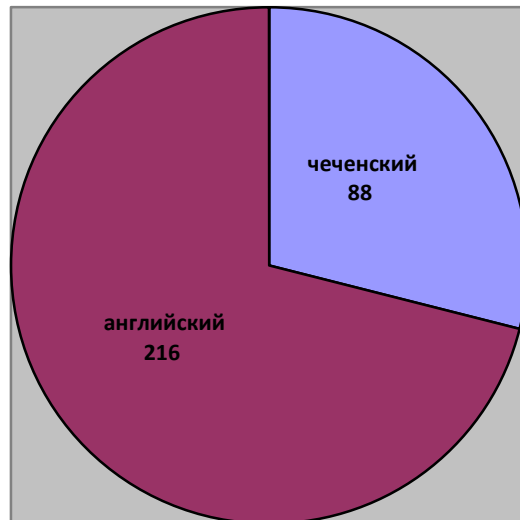

Диаграмма 5 ФЕ с компонентом-названием цвета

В данной мы проанализировали фразеологизмы с компонентом-названием цвета в чеченском и английском языках на предмет взаимозаменяемости и противопоставленности прилагательных исследуемой группы в составе ФЕ. Статистический анализ достаточно большого массива эмпирического материала показал, что взаимозаменяемость прилагательных цвета наиболее присуща английской части исследуемых ФЕ, хотя встречается и в чеченской фразеологической системе. Необходимо подчеркнуть, что сравнительно-сопоставительный анализ ФЕ с компонентом цвета в чеченском и английском языках свидетельствует, в основном, о сходстве характеристик этих ФЕ, о принципиальном сходстве влияния прилагательного цвета на семантику устойчивого словосочетания.

Выводы по второй главе

Сравнительно-сопоставительный анализ фразеологических систем чеченского и английского языков выявил, что в обоих языках в структуре компаративных устойчивых словосочетаний присутствуют союзы: в чеченском *санна*, а в английском *as*, выступающие элементами сравнения. По семантике эти союзы в чеченском и английском языках соответствуют союзу

«как», в русском языке. Основным или «стержневым» элементом в структуре компаративного словосочетания выступает адъективный компонент-прилагательное. Существительное в данной структуре является зависимым компонентом. В чеченском языке аналогичные фразеологические единицы имеют структуру N+санна+A: деши санна цлена русск. «золото как чистый». Прилагательные в составе такого типа фразеологических единиц имеют такие же характеристики, как и в английском языке. Доминирующей структурой фразеологизмов компаративного типа в английском языке является модель устойчивого сочетания слов, построенная по схеме (as)+A+as+N. При этом признак предмета или живого существа, а также общую семантику всего сочетания определяет адъективный компонент-прилагательное, например: as dead as a door-nail «без признаков жизни».

Следует отметить, что выпадающими, из общего правила, в чеченском языке являются конструкции со сложными прилагательными, которые образованы сочетанием формы сравнительного падежа существительного с качественным прилагательным. Форма сравнительного падежа существительного в этой конструкции нестандартна, она является своеобразной и «усилительной», и кроме как в этой конструкции обычно не употребляется. При этом, как мы считаем, значения сравнения передается не прилагательным, а его сочетанием с формой сравнительного падежа существительных, которые в чеченской языковой картине мира имеют соответствующее качество в предельной степени. В этих оборотах значение «предельно большой» передается сравнением с Вселенной (дуйне санна йоккха), «горячий» – сравнением с солнцем (малх санна йовха), «красный» – с огнем (цле санна цлен), «белый» – с молоком (шура санна клайн) и т.д. В исследуемых языках, также, выявлены и менее распространенные модели компаративных оборотов. Так, в английском языке выявлены следующие «нестандартные» конструкции. Одной из этих моделей является конструкция as+A+N, характеризующаяся инверсией, и обычной, свойственной имени прилагательному функцией определения. Еще одна конструкция

характеризуется союзом *like* (а не *as*). Этой конструкции свойственна субстантивация прилагательного, например: *like a bear*. Также выявлена конструкция с союзом «*than*», в которой с этим союзом сочетается прилагательное в сравнительной степени, *bigger than mountain*.

Выявлено, что некомпаративный тип устойчивых сочетаний слов является менее продуктивным в чеченском языке. В чеченском языке наблюдаются сравнительные обороты, представленные сложными именами прилагательными, образованными путем соединения формы сравнительного падежа имен существительных с формантом-окончанием сравнительного падежа *-л/-ла*, обозначающим предмет сравнения, с именами прилагательными: дуьненал/а боккха; малхал/а бовха; кларул/а лаьржа; лилул/а сийна; цларул/а цие; барул/а можа; шурул/а клай; бел-баьццара и др.

В английских компаративизмах имеет место многозначность прилагательных. В английском языке установлены следующие некомпаративные конструкции адвербиальных фразеологизмов:

- конструкция A+A, в которой прилагательное является определением, семантика которого усиливается препозитивными компонентами;
- конструкция A+A, которую характеризует соединительная связь и сочинительная структура;
- конструкция not+A, в которой фразеологизм характеризуется отрицательной формой.

Во фразеологизмах компаративного типа в английском языке возможна:

- замена прилагательных в соответствии со схемой A+Prep+N, Prep+A+N;
- синонимия по принципу A+and+A;
- антонимия Prep+A+N.

Имя прилагательное – адъективный элемент в структуре фразеологизма – допускает употребление в сравнительной степени и субстантивацию.

Адъективный компонент устойчивых сочетаний слов в английском языке допускает образование сложных слов сравнительной и сочинительной структуры.

В чеченском языке адвербиальные ФЕ некомпаративного типа мало распространены. Основная модель данного типа ФЕ в чеченском языке – это сочетание прилагательного и существительного со структурой N+A, например: дог цѐна «с чистым сердцем, чистосердечный». В таких ФЕ возможно употребление прилагательных с антонимичным значением: дог 1аьржа «с черным сердцем, неискренний, злопамятный». К исследуемой структуре N+A мы отнесли ФЕ типа: куьйгана дика ву/вац «хороший/плохой на руку». Существительные в таких конструкциях употребляются в форме дательного падежа. Анализ большого массива фактического материала свидетельствует о том, что взаимозаменяемость прилагательных цвета наиболее присуща английской части исследуемых ФЕ, хотя встречается и в чеченской части фразеологического материала. Явление это наблюдается во ФЕ, которые обладают отрицательной коннотацией и обозначают отражение физического или психического состояния, или эмоций на лице человека, например: англ. be (look) blue/green/white/yellow about the gills – русск. «иметь больной вид, выглядит больным»; англ. turn green / yellow with envy – русск. «позеленеть (пожелтеть) от зависти», чеченск. пен сана к1айн, можа бос кхетта (мажвелла) – перевод букв.: «стена как белый» перевод лит. «иметь больной вид, выглядит больным»; чеченск. можа б1агор бан перевод букв.: «желтый обморок»; чеченск. цѐн-к1айн дийца перевод букв.: «красно-белое говорить» (ирон.) «говорить красиво, витиевато»; чеченск. цѐн-к1айн духа перевод букв.: «бело-красное одевать» разг. «одеваться нарядно, празднично». Взаимозаменяемость прилагательных в структурах фразеологических сочетаний допускается языками из-за разности в семантическом наполнении их цветовых «полей», ввиду их семантической или ситуативной равноценности. В большинстве случаев, не столь важен сам цвет, обозначаемый прилагательным, как цветовая семантика. Наиболее

качественными прилагательными цветообозначения, распространенными в английской фразеологической системе являются лексемы, обозначающие *синий/голубой* «*blue*» и *черный* «*black*» цвета:

англ. *black / blue in the face* русск. «*очень сердитый, мрачный, угрюмый*»; англ. *blush like a black / blue dog* русск. «*потерять способность краснеть, отличаться бесстыдством*»;

англ. *give a black / blue eye* русск. «*подбить глаз, поставить фонарь под глазом*»; 2) «*дать отпор, провалить, понести сильный удар*»;

англ. *black / blue / red with rage* русск. «*измениться в лице, вспыхнуть от гнева, возмущения*».

В некоторых публикациях, посвященных исследуемым нами вопросам, в том числе и прилагательным цвета, высказывается мысль об отсутствии столь подробной, как в настоящее время, цветовой дифференциации у древних народов. Несмотря на относительно спорный характер вопроса, о древности народов, который для таких выводов нуждается в специальном исследовании, считаем возможным допустить и такую трактовку обозначения цветового спектра. Соответственно, мы допускаем относительную узость спектра цвета, обозначаемого прилагательными во фразеологических сочетаниях в английском языке, и возможное неразличение, в древние времена, синего и черного цветов. Возможно, это обстоятельство и служит объяснением тому, что английские фразеологические сочетания отражают общую семантику «*темный*». Также, возможна единая направленность семантических изменений, происходящих с именами прилагательными в конкретно взятых устойчивых словосочетаниях как в отношении отдельных лексем-прилагательных, так и в пределах отдельной языковой системы. Поэтому считаем возможным говорить о синонимичности устойчивых сочетаний слов с компонентами *black* и *blue*. В сопоставляемых нами фразеологических системах имеют место достаточно заметные количественные и содержательные расхождения фразеологических сочетаний, в которых употребляются прилагательные цветообозначения. В

английском языке возможно возникновение антонимических отношений прилагательных в составе фразеологизмов, тогда как вне фразеологизма они не являются антонимами. Так, нами выявлены три пары таких устойчивых сочетаний:

англ. a white-collar worker русск. «*конторский служащий*» англ. a blue-collar worker русск. «*рабочий*»;

англ. be (look) blue/green/white/yellow about the gills русск. «*иметь больной вид, выглядеть больным*»; англ. be (look) red about the gills русск. «*иметь здоровый вид, выглядеть здоровым*».

англ. black letter day русск. 1) «*будний день*»; 2) «*заурядный, ничем не примечательный день; день, обозначенный в календаре черным*», англ. a red letter day – русск. 1) «*праздничный день, обозначенный в календаре красным; праздник*»; 2) «*радостный, счастливый, незабываемый, памятный день*».

Как показывают примеры, антонимичные пары имен прилагательных, участвующих в этих устойчивых сочетаниях, являются одноструктурными. К тому же, замена или перестановка прилагательного цвета в них не приводит к изменению структуры фразеологического сочетания.

В чеченском языке мы наблюдаем только единичные случаи антонимичности в анализируемой группе ФЕ: чеченск. цлен-клайн дийца русск. ирон. «*говорить красиво, витиевато*»; чеченск. цлен-клайн духа перевод разг. «*одеваться нарядно, празднично*»; чеченск. я цлена я лаьржана а перевод букв.: «*ни красное, ни черное*» перевод лит. «*никакой реакции*». Эмпирический материал по чеченской фразеологической системе свидетельствует как о семантическом, так и о структурном сходстве чеченских устойчивых словосочетаний с прилагательными цвета с соответствующими фразеологизмами английского языка. Также, как и в английском языке, в чеченском языке прилагательные цвета в чеченских фразеологизмах влияют на общую семантику этих сочетаний с точки зрения ее позитивности/негативности; они являются одноструктурными; противопоставление в чеченских фразеологизмах основывается на одном

признаке – признаке цвета. Данный факт также является общим для обоих сопоставляемых языков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В проведенном сравнительно-сопоставительном исследовании нами рассмотрены вопросы одной из основных частей речи – имени прилагательного в чеченском и английском языках; общие и частные вопросы чеченской и английской фразеологии; имена прилагательные в субстантивных ФЕ в чеченском и английском языках; имена прилагательные в адъективных ФЕ в чеченском и английском языках; ФЕ с компонентом-названием цвета в чеченском и английском языках.

В отечественном и зарубежном сравнительно-сопоставительном языкознании, довольно подробно, глубоко и всесторонне рассмотрено прилагательное на лексическом и грамматическом уровнях, в то время как всестороннему анализу ФЕ с компонентом-прилагательным не уделялось должного внимания, предпринимались отдельные попытки исследования свойств имени прилагательного в составе фразеологизмов. Недостаточно работ, и по изучению свойств имен прилагательных, не только в теоретическом, но и в частно-лингвистическом плане, т.е. по отдельным языкам и группам языков. Анализ существующих научных трудов показал, что имена прилагательные во фразеологических системах и в сопоставительном аспекте недостаточно исследованы. С уверенностью можем предположить, что исследование поднятых вопросов и в отдельных языках, и в сравнительно-сопоставительном срезе, позволило бы прийти к обобщающим результатам на уровне теории языка, поскольку практика (изучение материала в сопоставительном аспекте даже в структурно отдельных языках, например, в чеченском и английском) свидетельствует о наличии не только расхождений, но и общих, совпадающих явлений в гетерогенных и разноструктурных языках – точках соприкосновения в

«поведении» имен прилагательных в составе устойчивых, т. е. фразеологических сочетаний.

Необходимо подчеркнуть, что в вопросе о делении имен прилагательных по разрядам в чеченском языкознании считаем обоснованной классификацию (см. Н. Ф. Яковлев (1960), Ю. Д. Дешериев (1963), А. И. Халидов (2004), М. Р. Овхадов (2012)), в соответствии с которой имена прилагательные в чеченском языке распределяются по двум разрядам: качественному и относительному. Отметим, что считаем недостаточными основания, по которым часть лингвистов выделяет в чеченском языке третий разряд прилагательных – притяжательные. Относительно вопроса о широком и узком толковании понятия «фразеологизм» придерживаемся мнения о том, что фразеологизм по своей структуре – это устойчивое словосочетание (а не предложение), высказанное в чеченском языкознании (см. В. Д. Тимаев (2007), М. Р. Овхадов (2012), Р. Д. Шамилева (2018)).

Проведенное нами исследование показывает, что «широкое» толкование термина «фразеология» с включением в него пословиц, поговорок, афоризмов и цитат свидетельствует не столько о глубоком и всестороннем подходе к изучению чеченской фразеологии на фоне общетеоретических исследований, сколько о недостаточно высоком на тот период уровне состояния самого чеченского языкознания, как науки, и, в первую очередь, фразеологии как ее части, когда фразеологией считали «всё образное». В процессе работы, мы также, пришли к заключению, что чеченская фразеология далеко не в полной мере исследована с научной точки зрения в отношении структуры фразеологических сочетаний, их классификации и других аспектов.

Сравнительно-сопоставительные исследования чеченской фразеологии с фразеологией других родственных (гомогенных) и неродственных (гетерогенных) языков отсутствуют. Всестороннее исследование фразеологии младописьменного чеченского языка, в исследовании которого имеется еще много «белых пятен», ее сопоставление с фразеологией

старописьменного, самого распространенного в мире, в настоящее время, английского языка существенно восполнит чеченскую лингвистическую науку, а в некоторой степени, позволит углубить теорию фразеологии. Дальнейший анализ фразеологического материала свидетельствует о том, что в составе фразеологизмов функционируют их компоненты-определения, которыми являются качественные имена прилагательные, теряют некоторые свойства этого разряда слов, т.е. не могут служить производящей основой для абстрактных существительных, лишаются возможности образования сравнительных степеней. Фразеологический материал обоих сопоставляемых языков демонстрирует некоторую нечеткость границ обоих разрядов имен прилагательных – качественных и относительных – в составе устойчивых словосочетаний адъективно-субстантивного типа. Важно отметить и тот факт, что относительная и качественная формы одних и тех же имен прилагательных в чеченском языке могут употребляться в свободных и устойчивых словосочетаниях, без внешних признаков; например, дашо *Зе «золотая цепочка»* и дашо *куйгаш «золотые руки»*, дашо *корта «золотая голова»*. В чеченском языке относительное прилагательное может перейти в разряд качественного, как правило, только в составе устойчивого словосочетания. Качественным становится переносное значение относительного прилагательного.

Проведенное нами исследование позволяет утверждать, что в английском языке, помимо сочетаемостных характеристик и переносного значения, наличествует также и морфологический маркер. Синтаксическое сочетание признака с субстантивом, который не может иметь этого признака в прямом значении, является причиной устойчивости словосочетания, в котором прилагательное употребляется в переносном смысле. В чеченском языке этого основания достаточно для описанных преобразований, в английском языке дополнительно используется и морфологический элемент – суффикс, например, *the golden/happy mean «золотая середина»*. Грань между относительными и качественными значениями прилагательных в

адъективно-субстантивных фразеологических сочетаниях проходит внутри одного и того же слова и в чеченском, и в английском языках. Учитывая, что аналогичное явление имеет место и в некоторых других языках (как об этом свидетельствуют исследования), можно с некоторой долей вероятности сделать предположение о широкой распространенности его во многих языках, если не во всех.

Стоит отметить, что собранный нами фактический материал также свидетельствует о том, что адъективные фразеологизмы традиционно делятся на две группы:

1) компаративные ФЕ;

2) адъективные ФЕ некомпаративного характера – соответствуют и фразеологическим системам чеченского и английского языков, сопоставляемым в нашем исследовании. Имена прилагательные в составе компаративных фразеологических сочетаний в чеченском языке обозначают признаки сравниваемых предметов, но в большей части людей. Для сравнения какого-либо качества в чеченском языке обычно приводится предмет или одушевленное существо, которое этим качеством обладает в высшей мере. Выбор объекта для сравнения какого-либо признака или качества зависит не от структурных особенностей языков, а от своеобразия языковых картин мира народов, являющихся результатом их исторического опыта. Например, в чеченском языке «эталонными» считаются качества (признаки) «холодный» – льда, «храбрый» – волка, «высокий» – горы, «чистый», «яркий» – солнца, «твердый» – камня, булата и т. д.

Адъективный тип фразеологических сочетаний в английском языке более распространен, чем в чеченском. В сопоставляемых языковых структурах в составе компаративных устойчивых сочетаний присутствуют союзы *санна* – в чеченском, *as* – в английском по своей семантике в обоих сопоставляемых языках соответствуют союзу «как» в русском языке. Стержневым элементом в структуре компаративного словосочетания выступает адъективный компонент – прилагательное, который определяет

общую семантику всего сочетания. Доминирующей структурой компаративных фразеологизмов в английском языке является модель (as)+A+as+N, в чеченском языке – модель N+сання+A. Важно отметить, что своим своеобразием, из общего правила, в чеченском языке выделяются конструкции со сложными прилагательными, образованными сочетанием сравнительного падежа существительного с качественным прилагательным. При этом, форма сравнительного падежа имени существительного имеет усилительное значение и соответствующую по сравнению со стандартной формой сравнительного падежа «усилительную» структуру. Например: кIарул Iаьржа «угля чернее», букв. «угля черный», цIарул цIе «огня краснее», букв. «огня красный» и т. д. Адвербиальные фразеологизмы компаративного характера (сравнительной характеристики) в английском языке демонстрируют некоторую зависимость смысла и структуры между собой, которая выражается в модели AS+A+AS. Например: as clear as noonday «ясно, как божий день». Для адъективных сравнений современного английского языка характерно употребление прилагательного в положительной степени. Употребление прилагательного в сравнительной степени нами замечено в нестандартной модели с союзом than, например, bigger than life/larger than life «преувеличенный, исполинский».

Основная модель некомпаративного типа ФЕ в чеченском языке – это сочетание прилагательного и существительного со структурой N+A, например, дог цIена – букв. «сердце чистое», т.е. «чистосердечный, с чистым сердцем». В этом отношении некомпаративная группа адъективных фразеологических сочетаний в чеченском языке значительно отличается от соответствующей английской как по структуре, так и меньшей употребительностью. Наиболее многочисленной по количеству и частотности применения в сопоставляемых языках является группа фразеологических сочетаний с прилагательными цветообозначения. В количественном соотношении нами зафиксировано в английском языке 200 фразеологизмов с прилагательными цвета, в чеченском языке – 70 единиц.

Необходимо подчеркнуть, что цифры свидетельствуют о значительном количественном преобладании фразеологизмов с прилагательными цветообозначения в английском языке.

Отметим, что с точки зрения изученности данная группа фразеологизмов в английском языке, в некоторой степени освещена, в чеченском языке данная группа фразеологических сочетаний не исследована. Сравнительно-сопоставительный анализ количественных характеристик прилагательных цветообозначения во фразеологических системах исследуемых языков выглядит следующим образом:

- с прилагательным black «черный» в английском языке нами обнаружены 66 фразеологизмов;
- в чеченском языке с прилагательным Iaържа «черный» найдено 29 ФЕ;
- прилагательное blue «синий/голубой» в 34-х английских фразеологизмах;
- с чеченским прилагательным сийна «синий» обнаружено 20 устойчивых сочетаний;
- прилагательное red «красный» употреблено в 30 ФЕ в английском языке;
- прилагательное це «красный» в чеченском участвует в структурах 14 ФЕ;
- с прилагательным grey «серый» в английском языке 5 устойчивых словосочетаний;
- в чеченских фразеологизмах прилагательное сира «серый» не обнаружено;
- прилагательное white «белый» в английском участвует в 33-х фразеологизмах;
- в чеченском языке прилагательное кIайн «белый» употребляется в 11 устойчивых словосочетаниях;

– в английском языке прилагательное green «зеленый» употребляется в 22 фразеологизмах;

– в чеченском языке прилагательное баьцара «зеленый» в структуре устойчивых сочетаний не обнаружено.

Таким образом, статистический анализ фразеологического материала сопоставляемых языков свидетельствует не только о значительном количественном преобладании в английском языке фразеологических сочетаний с прилагательными цвета (200 ФЕ), чем в чеченском (70 ФЕ), но и о более широкой палитре цветов в английских устойчивых сочетаниях. Исследованный материал позволяет говорить как о семантическом, так и о структурном сходстве устойчивых сочетаний с прилагательными цвета в чеченском и английском языках:

– прилагательные цвета в обоих языках влияют на общую семантику этих сочетаний с точки зрения позитивности/негативности;

– фразеологические сочетания с прилагательными цвета в обоих языках являются одноструктурными;

– противопоставление во фразеологических сочетаниях данной группы в обоих языках основывается на признаке цвета.

В целом сопоставление фразеологических систем цвета в чеченском и английском языках свидетельствует об основных сходствах их характеристик, о принципиальном сходстве влияния прилагательного цвета на общую семантику фразеологического сочетания.

Современные направления лингвистических и лингвокультурологических изысканий, рассматриваемых в диссертационном исследовании, могут явиться **перспективами дальнейшего исследования**. Чеченские фразеологические единицы могут быть классифицированы с точки зрения специфики функционирования в индивидуально-авторском языковом сознании чеченцев и их лингвопрагматических функций в тексте разной стилевой принадлежности - художественные произведения, фольклор, печатные и электронные средства массовой коммуникации, интернет-

стилистики. Являясь лингвокультурологическими единицами языковой картины мира чеченцев, могут быть изучены с привлечением материала гомогенных и гетерогенных языков, транслируя языковую картину мира чеченцев. В данных исследовательских направлениях как социокогнитивная лингвистика, копусная лингвистика чеченского языка, социолингвистика, антрополингвистика, этнолингвистика или нейролингвистика материал фразеологической системы может содействовать в реализации изысканий ядерных и периферийных концептов чеченской лингвокультуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абдулазимова, Т.Х. Синонимы и синонимические отношения в лексике чеченского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Абдулазимова Тоита Хизировна; Дагестанский государственный педагогический университет. – Махачкала, 2012. – 19 с.
2. Абуева, М.С.-С. Концептуальная метафора в чеченском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Абуева Милана Саид-Салимовна; Чеченский государственный университет. – Грозный, 2011. – 166 с.
3. Акодес, М.И. Английский язык: имя прилагательное: для студентов фак. и ин-тов иностр. яз. / М.И. Акодес. – Киев: Выща шк., 1987. – 103 с.
4. Алёхина, А.И. Фразеологическая антонимия и структурные типы фразеологических антонимов в современном английском языке: пособие для студентов и преподавателей языковых и неязыковых вузов / А.И. Алёхина. – Челябинск, 1968. – 355 с.
5. Али Абу эль-Футох Ибрагим эль-Шаих. Фразеологические обороты модели «прилагательное + существительное» в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Али Абу эль-Футох Ибрагим эль-Шаих. – М., 1971. – 24 с.
6. Алироев, И.Ю. Нахские языки и культура / И.Ю. Алироев. – Грозный, 1978. – 289 с.
7. Алироев, И.Ю. Иноязычная лексика в чеченском и ингушском языках = Кхечу меттанашкара тӀеэцна лексика / И.Ю. Алироев, М.Р. Овхадов. – Грозный, 1978. – 82 с.
8. Алироев, И.Ю. Введение в нахское языкознание / И.Ю. Алироев, А.Д. Тимаев, М.Р. Овхадов. – Грозный, 1998. – 106 с.
9. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии / Н.Н. Амосова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. – 208 с.

10. Анисимова, З.Н. Фразеологические единицы типа «прилагательное + существительное» в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Анисимова Зинаида Николаевна. – М., 1952. – 22 с.
11. Антонова, М.Б. Рождение смысла: концептуальные основания семантики английских прилагательных: монография / М.Б. Антонова; Российский государственный гуманитарный университет. – М.: Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2021. – 358 с.
12. Аракин, В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков: учеб. пособие / В.Д. Аракин. – М.: Физматлит, 2010. – 232 с.
13. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие / И.В. Арнольд. – 2-е изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 374 с.
14. Арсамакова, Ф.С. Устойчивые сравнения с сравнительными союзами как – санна в русском и ингушском языках (на материале фразеологических эквивалентов) / Ф.С. Арсамакова // Вопросы отраслевой лексики: сб. науч. тр. – Грозный, 1985.
15. Арсаханов, И.А. Современный чеченский язык. Лексикология, фонетика, морфология / И.А. Арсаханов. – Грозный, 1965. – 216 с.
16. Ахиярова, А.Г. Относительные прилагательные в истории английского языка: когнитивный и деривационный аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ахиярова Альфия Гусмановна. – СПб., 2010. – 183 с.
17. Байсултанов, Д. Об использовании фразеологизмов в чеченской художественной литературе / Д. Байсултанов, Д. Байсултанов // Орга. – Грозный, 1984. – № 4.
18. Байсултанов, Д.Б. Образные сравнения чеченского языка = Нохчийн меттан дустарш / Д.Б. Байсултанов // Пхьармат. – Грозный, 1992. – № 2.
19. Байсултанов, Д.Б. Экспрессивно-стилистическая характеристика фразеологизмов чеченского языка: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.09 / Байсултанов Дауд Бобаевич. – Лейден, 2006. – 405 с.

20. Балашова, С.П. Теоретическая грамматика английского языка: учеб. пособие / С.П. Балашова, О.И. Бродович, В.В. Бурлакова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. – 253 с.

21. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли; пер. с фр. К.А. Долинина; под ред. Е.Г. Эткинда; вступ. ст. Р.А. Будагова. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – 394 с.

22. Бедоидзе, Л.Г. Фразеологические единицы с компонентом цвета в немецком, русском и осетинском языках: специальность: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Бедоидзе Людмила Георгиевна; Южный федеральный университет. – Ростов н/Д, 1997. – 223 с.

23. Блох, М.Я. Теоретические основы грамматики: учебник / М.Я. Блох. – 3-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 2002. – 278 с.

24. Бондина, О.Н. Исследование смысловых связей в лексике немецкого языка на базе валентности / О.Н. Бондина, М.В. Марченко // Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 4. – С. 83-91.

25. Бурлак, А.И. Фразеологические единицы с компонентами прилагательными, выражающими основные понятия цвета, в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.00.00 / Бурлак Анна Ивановна; Моск. гор. пед. ин-т им. В.П. Потемкина. – М., 1955. – 241 с.

26. Бурлакова, В.В. О сочетательных свойствах прилагательных в современном английском языке / В.В. Бурлакова // Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии: межвуз. сб. ст. ЛГУ им. А.А. Жданова. – Л., 1985. – Вып. 5. – С. 8-14.

27. Буслаев, Ф.И. Сочинения Ф.И. Буслаева: сочинения по археологии и истории искусства. Т. 1-3 / Ф.И. Буслаев. – СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесности Имп. акад. наук, 1908-1910.

28. Вагапов, А.Д. Славяно-нахские лексические параллели / А.Д. Вагапов. – Грозный, 1994. – 194 с.

29. Вагапов, А.Д. О терминах чеченского языка = Нохчийн дешаран терминех лаьцна // Вайнах. – Грозный, 2004. – № 8. – С. 61-62.

30. Вердиева, З.Н. Семантические поля в современном английском языке: учеб. пособие для пед. ин-тов / З.Н. Вердиева. – М.: Высш. шк., 1986. – 120 с.

31. Виноградов, В.В. О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1959. – 655 с.

32. Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – 2-е изд. – М.: Высш. шк., 1972. – 614 с.

33. Виноградова, С.А. Семантика английского прилагательного: на материале относительных прилагательных: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Виноградова Светлана Аюповна. – Воронеж, 2018. – 498 с.

34. Винокурова, Л.П. О субстантивации прилагательных в английском языке / Л.П. Винокурова // Ученые записки ЛГУ. – Л., 1959. – Вып. 45. – 178 с.

35. Войнова, С.И. Сравнительный анализ фразеологических единиц с компонентом-цветообозначением (на материале русского и болгарского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Войнова Стефка Иванова. – Л., 1978. – 249 с.

36. Вольф, Е.М. Грамматика и семантика прилагательного. На материале иберо-романских языков / Е.М. Вольф. – М.: Наука, 1978. – 200 с.

37. Востоков, А.Х. Грамматика церковно-словенского языка, изложенная по древнейшим его письменным памятникам / сост. акад. А.Х. Востоковым. – СПб., 1863. – 135 с.

38. Вэй, И. Синонимические ряды русских прилагательных, характеризующих свойства личности: функционально-семантический и лексикографический аспекты = Synonymic rows of russian adjectives describing personality traits: functional-semantic and lexicographical aspects: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.5. / И. Вэй; ФГБОУ ВО СПбГУ. – СПб., 2023. – 357 с.

39. Гандалоева, А.В. Фразеологические единицы с компонентами «голова» и «сердце» в ингушском языке в сопоставлении с английским: дис.

... канд. филол. наук: 10.02.20 / Гандалоева Ася Вахиевна. – Махачкала, 2013. – 170 с.

40. Ганиходжаева, М.Т. Прилагательные цвета узбекского языка в сравнительно-историческом аспекте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Ганиходжиева Мунира; Ин-т языка и литературы им. А.С. Пушкина. – Ташкент, 1986. – 185 с.

41. Глушкова, А.А. Лексико-семантическое поле качественно-относительных прилагательных в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Глушкова Антонина Александровна; Нижегородский гос. лингв. ун-т им. Н.А. Добролюбова. – Нижний Новгород, 2005. – 230 с.

42. Головин, В.А. Семантические особенности и сочетаемость прилагательных, выражающих понятие материального состояния в английском, немецком и шведском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Головин Василий Алексеевич. – М., 1983. – 300 с.

43. Грановская, Л.М. Прилагательные, обозначающие цвет, в русском языке XVII-XX вв.: дис. ... канд. филол. наук: 10.00.00 / Грановская Лидия Михайловна. – М., 1964. – 303 с.

44. Гурдов, А. Семантическая структура английских прилагательных white, black и туркменских ак, гара и их деривационный потенциал в сопоставительных языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Гурдов Акы. – М., 1972. – 35 с.

45. Дешериев, Ю.Д. Бацбийский язык: Фонетика, морфология, синтаксис, лексика / Ю.Д. Дешериев; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1953. – 383 с.

46. Дешериев, Д.Ю. Чеченский язык / Д.Ю. Дешериев // Языки народов СССР: в 5 т. – М.: Наука, 1967. – Т. 4.

47. Дешериев, Д.Ю. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов / Д.Ю. Дешериев. – Грозный, 1963. – 555 с.

48. Джамалханов, З.Д. Чеченский язык / З.Д. Джамалханов, М.Ю. Мачигов. – Грозный, 1972. – Ч. I. – 224 с.
49. Джамалханов, З.Д. Сравнительно-сопоставительное изучение русского языка и национальных языков / З.Д. Джамалханов // Роль русского языка в жизни народов Кавказа и развитие их литературных языков: тез. докл. регион. науч. конф. – Грозный, 1982. – С. 85.
50. Джамалханов, З.Д. Чеченский язык. 10-11 класс = Нохчийн мотт. 10-11-чуй классантамат / З.Д. Джамалханов, Т.Н. Чинхоева. – Грозный, 2002. – 206 с.
51. Долакова, Р.И. Ингушский язык / Р.И. Долакова // Языки народов СССР: в 5 т. – М.: Наука, 1967. – Т. 4. – 712 с.
52. Долгова, Е.В. Фразеологические единицы английского языка как модели репрезентации знаний о человеке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Долгова Елена Владимировна. – Тамбов, 2020. – 244 с.
53. Дубровина, К.Н. Семантико-стилистический анализ лирики Федерико Гарсиа Лорки (на материале цветообозначений): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Дубровина Кира Николаевна. – М., 1970. – 29 с.
54. Закиров, Р.Р. Фразеологические единицы с компонентом цветообозначения в английском, русском и татарском языках: дис ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Закиров Рафис Рафаелевич. – Казань, 2003. – 267 с.
55. Звегинцев, В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях: в 2 т. / В.А. Звегинцев. – М.: Просвещение, 1964-1965. – Т. 2. – 495 с.
56. Зимон, Е.И. Семантико-стилистическое варьирование имен прилагательных в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Зимон Елена Ильинична. – Ташкент, 1981. – 198 с.
57. Зубайраева, М.У. Градационность качественного признака: на материале чеченского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Зубайраева Марина Увайсовна; Чеченский государственный Университет. – Грозный, 2008. – 119 с.

58. Зубайраева, М.У. Интенсивность выражения качественного признака в английском и чеченском языках: монография / М.У. Зубайраева. – Грозный: Изд-во Чеченского гос. ун-та, 2013. – 140, с.

59. Иванова, И.П. Теоретическая грамматика современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов. – М.: Высш. шк., 1981. – 285 с.

60. Ильясова, Р.С. Антонимия в современном чеченском языке в сопоставлении с русским языком: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Ильясова Раиса Сайтхасановна; Чеченский государственный университет. – Грозный, 2013. – 154 с.

61. Казанская, М.Д. К сравнительному изучению прилагательного в германских языках / М.Д. Казанская // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. – М., 1968. – № 327.

62. Кайбияйнен, А.А. Устойчивые атрибутивно-субстантивные сочетания с прилагательными цвета в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Кайбияйнен Алла Адольфовна; Казанский государственный университет. – Казань, 1996. – 193 с.

63. Кайтмазова, Н.С. Номинативное пространство фразеологизмов со значением эмоций (на материале английского и осетинского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Кайтмазова Нина Сергеевна. – Москва, 2005. – 220 с.

64. Калинина, И.К. Степени сравнения имен прилагательных, их употребление в современном русском языке и связанные с ним лексико-фразеологические обороты: дис. ... канд. филол. наук: 10.00.00 / Калинина Инесса Константиновна; Московский ордена Ленина государственный университет им. М.В. Ломоносова. – М., 1952. – 407 с.

65. Карасаев, А.Т. Классификация фразеологических единиц чеченского языка по их семантическим признакам / А.Т. Карасаев // Известия ЧИНИИИЯЛ. – Грозный, 1975. – Т. X, вып. 2.

66. Карасаев, А.Т. Структурные типы фразеологических единиц чеченского языка / А.Т. Карасаев // Известия ЧИНИИИЯЛ. – Грозный, 1975. – Т. X, вып. 2.

67. Карасаев, А.Т. О фразеологизмах чеченского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.09 / Карасаев Айсаш Тайсумович. – Грозный, 1977. – 197 с.

68. Карасаев, А.Т. Основные типы фразеологических единиц чеченского языка с точки зрения их семантической слитности / А.Т. Карасаев // Вопросы вайнахской лексики. – Грозный, 1980.

69. Карасаев, А.Т. К вопросу о времени возникновения некоторых фразеологических единиц чеченского языка / А.Т. Карасаев // Вопросы вайнахской лексики. – Грозный, 1980.

70. Каримова, С.Г. Адъективные фразеологические единицы метафорического характера в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Каримова Суфия Габдельхаевна. – Казань, 2007. – 169 с.

71. Каушанская, В.Л. Грамматика английского языка = A Grammar of the English Language / В.Л. Каушанская, Р.Л. Ковнер, О.Н. Кожевникова [и др.]. – М.: Айрис-Пресс, 2008. – 381 с.

72. Климов, Г.А. Введение в кавказское языкознание / Г.А. Климов; отв. ред. Б.А. Серебренников; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1986. – 208 с.

73. Ключева, В.Н. Прилагательные, обозначающие цвет во фразеологических единицах (русс., франц., немец., англ., монгол, яз.) / В.Н. Ключева // Ученые записки 1-го МГПИИЯ. – М., 1956. – С. 3-18.

74. Команова, А.Ю. Функционирование фразеологизмов с элементами цветообозначения в англоязычном медиадискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Команова Алла Юрьевна. – Смоленск, 2018. – 164 с.

75. Комарова, Л.Н. Прилагательные и особенности их классификации в английском языке / Л.Н. Комарова // Педагогический опыт: теория, методика, практика. – 2016. – № 1 (6). – С. 1-4.

76. Котов, Р.Г. Устойчивые словосочетания типа «глагол + прилагательное» в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 13.00.00 / Котов Ренат Григорьевич. – М., 1956. – 176 с.

77. Кочерган, М.П. Введение в языкознание: учеб. для студентов филол. спец. высш. учеб. заведений / М.П. Кочерган. – Киев: Академия, 2005. – 368 с.

78. Куликова, И.С. Семантико-стилистическая характеристика атрибутивных именных словосочетаний (на материале цветowych и светowych прилагательных в произведениях К.Г. Паустовского и М.М. Пришвина): дис. ... канд. филол. наук: 10.00.00 / Куликова Ирина Сергеевна. – Л., 1966. – 398 с.

79. Кунакужина, Н.В. Систематика и прагматика места прилагательного в именной синтагме: дис. ... канд. филол. наук 10.02.05 / Кунакужина Наталия Валерьевна; Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. – СПб., 2005. – 227 с.

80. Кунин, А.В. Фразеология и количественный подход / А.В. Кунин // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: материалы межвузовского симпозиума. – Тула, 1968. – 355 с.

81. Кунин, А.В. Английская фразеология: (Теоретический курс) / А.В. Кунин. – М.: Высш. шк., 1970. – 344 с.

82. Кунин, А.В. Фразеология современного английского языка / А.В. Кунин. – М.: Междунар. отношения, 1972. – 287 с.

83. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / А.В. Кунин. – 2-е изд., перераб. – М.; Дубна: Высш. шк.: Феникс, 1996. – 381 с.

84. Куслик, А.М. Роль прилагательных, обозначающих цвет в лексической системе современного немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.00.00 / Куслик Анна Михайловна. – Л., 1967. – 340 с.

85. Лескина, С.В. Категория пейоративности в русском и английском языках в аспекте лингвокультурологического сопоставления: на материале фразеологических единиц: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Лескина Седа Витальевна. – Челябинск, 2010. – 510 с.

86. Ломоносов, М.В. Российская грамматика: репринт. изд. / М.В. Ломоносов. – М.; СПб.: Еврошкола, 2016. – 210 с.

87. Любова, А.Н. Адъективные компаративные фразеологизмы в английском, немецком и норвежском языках: общее и специфическое: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Любова Анна Николаевна. – Белгород, 2009. – 206 стр.

88. Максимов, Л.Ю. Антонимия как один из показателей качества прилагательных / Л.Ю. Максимов // Учёные записки МГПИ. – 1958. – Вып. 8. – 231 с.

89. Мальсагов, З.К. Грамматика ингушского языка / З.К. Мальсагов. – 2-е изд. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1963. – 160 с.

90. Марданова, Г.Б. Сопоставительный анализ фразеологических антонимов в английском и татарском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Марданова Галдия Болгаровна; Казанский государственный педагогический университет. – Казань, 1998. – 232 с.

91. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2010. – 208 с.

92. Мациев, А.Г. Очерки лексикологии современного чеченского языка / А.Г. Мациев. – Грозный, 1973. – 146 с.

93. Мезенин, С.М. Конструкции современного английского языка, имеющие значение сравнения: дис. ... канд. филол. наук: 10.00.00 / Мезенин Сергей Михайлович. – М., 1969. – 232 с.

94. Милетова, Е.В. Английское прилагательное в специальном дискурсе: функционально-семантическая характеристика на материале искусствоведческого дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Милетова Екатерина Владимировна; Южный федеральный университет. – Пятигорск, 2016. – 197 с.

95. Мифтахутдинова Л.Т. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом-прилагательным в английском и турецком языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Мифтахутдинова Лилия Тагировна. – Чебоксары, 2003. – 437 с.

96. Михайлова, Л.Ю. Номинативный потенциал немецких прилагательных *dicke, dünn, fein*, французских прилагательных *gros, fin* и их функции в составе именного атрибутивного словосочетания: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Михайлова Людмила Юрьевна. – Саратов, 2004. – 150 с.

97. Москович, В.А. Семантическое поле цветообозначений: дис. ... канд. филол. наук: 10.00.00 / Москович Вольф Абрамович. – М., 1965. – 251 с.

98. Назирова, М. Фразеологические единицы с компонентом цветообозначения английского, русского и таджикского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Назирова Мавжуда. – Душанбе, 2009. – 134 с.

99. Нальгиева, Л.А. Сопоставительная характеристика эмотивных и социально-оценочных прилагательных английского, немецкого и ингушского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Нальгиева Либихан Ахметовна. – Пятигорск, 2006. – 192 с.

100. Натх, М.Р. Лексико-семантическая группа прилагательных русского языка со значением характеристики внешности человека: дис. ... канд. филол. наук / Натх Менон Равиндер. – М., 1985. – 201 с.

101. Никитина, Г.М. Сопоставительное исследование адъективных словосочетаний типа «прилагательное + предлог + существительное / местоимение» (на материале современного английского и русского языков):

автореф. дис. ... канд. филол. наук / Никитина Галина Михайловна. – М., 1972. – 25 с.

102. Овсянникова, В.И. Лексическая сочетаемость и семантическая структура группы английских прилагательных со значением умственных способностей: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Овсянникова Валентина Ивановна. – М., 1984. – 216 с.

103. Овхадов, М.Р. Паремии как объект лингвистики / М.Р. Овхадов, Р.Д. Шамилёва // Наука и образование в Чеченской республике: состояние и перспективы развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 10-летию со дня рождения КНИИ РАН (7 апреля 2011). – Грозный, 2011. – С. 659-662.

104. Овхадов, М. Р. Имя прилагательное и вопрос о его разрядах в чеченском языке / М.Р. Овхадов // Чеченский язык: проблемы и перспективы развития = Нохчийн мотт: проблемаш а, кхиоран перспективаш а: материалы регион. науч.-практ. конф. – Грозный: Академия наук Чеченской Республики, 2012.

105. Оголевец, А.В. Прилагательные с ограниченной лексической сочетаемостью в русском языке: (исследование строгой лекс. избирательности): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Оголевец Анна Владимировна; Ин-т языковедения им. А.А. Потебни АН УССР. – Киев, 1976. – 25 с.

106. Огольцев, В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии / В.М. Огольцев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 159 с.

107. Оливер, Е.А. Прилагательные со значением размера в современном английском языке (small, little, large, big, great): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Оливер Евгения Александровна. – Л., 1954. – 16 с.

108. Пасюкова, О.А. Субстантивные фразеологизмы с компонентом-прилагательным русского и английского языков в семантико-грамматическом аспекте: на материале публицистических текстов: дис. ...

канд. филол. наук: 10.02.20 / Пасюкова Ольга Александровна; Башкирский государственный университет. – Челябинск, 2016. – 196 с.

109. Патиев, С.У. Структурно-семантическая характеристика устойчивых сочетаний ингушского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.09 / Патиев Султан Умарович. – Тбилиси, 1998. – 189 с.

110. Печенкина, В.Г. Адъективно-субстантивные фразеологические сочетания в современном русском языке (фраземы с несерийной сочетаемостью имени прилагательного): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Печенкина В.Г. – Ростов н/Д, 1969. – 17 с.

111. Поливанов, Е.Д. Введение в языкознание для востоковедных вузов / Е.Д. Поливанов // Избранные труды по восточному и общему языкознанию. – М., 1991. – С. 3-78.

112. Репникова, Н.Н. Семантика прилагательных цвета и ее отражение во фразеологии новоанглийского периода: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Репникова Наталья Николаевна. – М., 1999. – 163 с.

113. Рехвиашвили, М.М. Имя прилагательное в грузинском языке и его преподавание в школе: дис. ... канд. пед. наук / Рехвиашвили Михаил Махоевич; Тбилисский государственный педагогический институт им. А.С. Пушкина. – Тбилиси, 1966. – 30 с.

114. Рогг, Э.Х. Компаративные фразеологизмы в русском, немецком французском языках / Э.Х. Рогг // Вопросы романо-германского языкознания. – Челябинск, 1967. – 82 с.

115. Ройзензон, Л.И. Современные аспекты изучения фразеологии / Л.И. Ройзензон, Ю.Ю. Авалиани // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. – Вологда: Северо-Западное кн. изд., 1967. – С. 72-78.

116. Сайранбаев, Т. Глагольные словосочетания с прилагательными и числительными в современном казахском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Сайранбаев Т. – Алма-Ата, 1965. – 19 с.

117. Сакаева, Л.Р. Национально-культурная специфика концептосфер на материале фразеологических единиц разноструктурных языков / Л.Р. Сакаева, Р.Е. Шкилев, Э.Н. Гиляева; науч. ред. Л.Р. Сакаева. – Набережные Челны, 2011. – 108 с.

118. Сакаева, Л.Р. Сравнительно-сопоставительный анализ субстантивных и адвербиальных ФЕ (на материале ФЕ, характеризующих власть) / Л.Р. Сакаева // European Social Science Journal. – 2014. – № 6 (45), т. 3. – С. 195-201.

119. Сандакова, М.В. Тенденции развития класса лексических интенсификаторов в русском языке новейшего периода / М.В. Сандакова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2020. – № 4. – С. 217-225.

120. Свешникова, Г.С. Типологический анализ ФЕ с компонентом-прилагательным, обозначающим цвет (на материале немецкого, английского и шведского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.00.00 / Свешникова Галина Сергеевна. – М., 1969. – 239 с.

121. Сергеева, Л.А. Оценочное значение и категоризация оценочной семантики: опыт интерпретационного анализа: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Сергеева Лариса Александровна; Башкирский государственный университет. – Уфа, 2004. – 316 с.

122. Сергиенко, Н.А. Сопоставительное исследование лексико-семантических групп прилагательных с идентификаторами «чистый/грязный» и «clean/dirty»: по материалам лексикографии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Сергиенко Наталья Анатольевна. – Екатеринбург, 2006. – 189 с.

123. Сигаури, И.М. Место чеченского языка в северокавказской семье языков: исконная лексика / И.М. Сигаури. – М.: Academia, 2012. – 230 с.

124. Сидоркин, К.А. Анализ научных подходов к классификации прилагательных английского языка в отечественной и зарубежной

литературе / К.А. Сидоркин // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). Филологические науки. – 2014. – № 8. – С. 122-123.

125. Сидякова, Н.М. Структурные особенности КФЕ в современном английском языке / Н.М. Сидякова // Ученые записки Вологодского ГПИ. – Вологда, 1961. – Т. XXVI.

126. Сидякова, Н.М. Компаративные фразеологические единицы типа (AS) + прилагательное + AS + существительное в современном английском языке: дис. ... д-ра филол. наук: 10.00.00 / Сидякова Нина Михайловна. – М., 1967. – 385 с.

127. Соловьёва, Т.С. Английский язык. Конспект лекций по фразеологии: учеб. пособие для студентов спец. «Филология» / Т.С. Соловьёва. – Петропаловск-Камчатский: Изд-во КамчатГТУ, 2007. – 102 с.

128. Солодуб, Ю.П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования (на материале фразеологизмов со значением качеств оценки лица) / Ю.П. Солодуб. – М.: Наука, 2002. – 112 с.

129. Сорокина, М.А. Имя прилагательное в разноструктурных языках как транслятор синестезии (на материале английского, таджикского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Сорокина Мария Александровна. – Душанбе, 2018. – 148 с.

130. Талапина, М.Б. Сопоставительное исследование русских и английских прилагательных «белый/черный» и «white/black» в когнитивно-дискурсивном аспекте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Талапина Марина Борисовна. – Екатеринбург, 2008. – 209 с.

131. Татаренко, С.В. Сопоставительное исследование прилагательных эстетической оценки в русском и английском языках: на материале словарей: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Татаренко Светлана Валерьевна. – Екатеринбург, 1999. – 179 с.

132. Терентьев, А.В. Адъективные компаративные ФЕ как языковая универсалия (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Терентьев Андрей Викторович. – Нижний Новгород, 1997. – 149 с.
133. Терехова, Н.В. Семантико-функциональный анализ имен прилагательных со значением «характер человека» в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Терехова Нелли Владимировна; Дагестан. гос. пед. ун-т. – Махачкала, 2002. – 156 с.
134. Тимаев, В.Д. Современный чеченский язык. Лексикология. Фонетика. Морфология / В. Д. Тимаев. – 2-е изд. – Грозный, 2007. – 416 с.
135. Топоян, А.М. Поле прилагательных как части речи в немецком языке / А.М. Топоян // Вестник Московского университета. Сер.: Филология. – 1973. – № 5. – С. 54-62.
136. Тукешова, М.Н. Фразеологические единицы с антонимичными компонентами в английском и казахском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Тукешова Нургул Максетовна. – Казань. – 2022. – 221 с.
137. Турьева, О.В. Сочетаемость прилагательных и их синонимия в современном английском языке: лекция / О.В. Турьева. – Л., 1970. – 31 с.
138. Ушакова, И.Б. Концептуальный анализ прилагательных с темпоральными признаками «прошлое», «настоящее» и «будущее» в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ушакова Ирина Богдановна. – Иркутск, 2002. – 150 с.
139. Федуленкова, Т.Н. Одномерные и двумерные модели в английской, немецкой и шведской фразеологии: монография / Т.Н. Федуленкова. – Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 2006. – 194 с.
140. Фомина, В.С. Анализ одной из групп фразеологических единиц с компонентом «зеленый» / В.С. Фомина // Русский язык как объект изучения и преподавания. – Минск, 1991. – С. 87-91.
141. Фортунатов, Ф.Ф. О происхождении глаголицы / Ф.Ф. Фортунатов. – СПб., 1918. – 36 с.

142. Хаймович, Б.С. Теоретическая грамматика английского языка (на английском языке) / Б.С. Хаймович, Б.И. Роговская. – М.: Высш. шк., 1987. – 298 с.
143. Халидов, А.И. Нахские языки в типологическом освещении: монография / А.И. Халидов. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 312 с.
144. Халидов, А.И. Чеченский язык: морфемика и словообразование: монография / А.И. Халидов. – Грозный: Кн. изд-во, 2010. – 766 с.
145. Халидов, А.И. Словарь лингвистических терминов чеченского языка / А.И. Халидов. – Грозный: Кн. изд-во, 2012. – 448 с.
146. Хамидова, З.Х. Фразеологизмы в комедии А.-Х. Хамидова «Бож-Али» / З.Х. Хамидова // Орга. – Грозный, 1976. – № 3.
147. Хамидова, З.Х. Грамматическая стилистика чеченского языка / З.Х. Хамидова. – М.: Пантори, 2007. – 160 с.
148. Хамидова, З.Х. Основы стилистики чеченского языка / З.Х. Хамидова. – М.: Пантори, 2007. – 368 с.
149. Харитончик, З.А. Имена прилагательные в лексико-грамматической системе современного английского языка / З.А. Харитончик. – Минск: Вышэйш. шк., 1986. – 94 с.
150. Чокаев, К.З. Морфология чеченского языка. Словообразование частей речи: в 2 ч. – Ч. 1: Словосложение / К.З. Чокаев. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1968. – 228 с.
151. Чокаев, К.З. Морфология чеченского языка. Словообразование частей речи: в 2 ч. – Ч. 2: Аффиксация / К.З. Чокаев. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1970. – 152 с.
152. Чрелашвили, К. Цова-тушинский (бацбийский) язык / К. Чрелашвили. – М.: Наука, 2007. – 278 с.
153. Шабашева, Е.А. Фразеологические единицы с компонентом «цвет» в русском и английском языках: аксиологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Шабашева Евгения Александровна. – Калининград, 2012. – 28 с.

154. Шакирова, Ф.С. Сочетаемость прилагательных и существительных как основа метафоры: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Шакирова Фания Сафовна; Московский государственный педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза. – М., 1974. – 170 с.

155. Шамилева, Р.Д. Сравнения в чеченских поговорках / Р.Д. Шамилева // Наука и молодежь: материалы IV ежегод. респ. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов, 29 мая 2010 г. – Грозный, 2010. – С. 64-66.

156. Шамилева, Р.Д. Чеченские пословицы и поговорки: лингвистический аспект (с привлечением материала русского и английского языков): монография / Р.Д. Шамилева. – Грозный: Изд-во Чечен. гос. ун-та, 2012. – 212 с.

157. Шамилева, Р.Д. Семантика и структура чеченских поговорок / Р.Д. Шамилева. – Махачкала: Алеф, 2018. – 176 с.

158. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – 7-е изд. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 272 с.

159. Шемякин, Ф.Н. К вопросу об отношении слова и наглядного образа (цвет и его название) / Ф.Н. Шемякин // Известия АПН. – М., 1960. – Вып. 113.

160. Шепелева, Е.В. Особенности перевода фразеологизмов / Е.В. Шепелева // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – Пенза, 2012. – № 29. – С. 68-72.

161. Шехтман, Н.А. Сочетаемость прилагательных и система их значений в современном английском языке / Н.А. Шехтман. – М., 1965. – 213 с.

162. Шубарчик, И.В. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов с компонентом-прилагательным: на материале произведений писателей конца XIX-начала XX веков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Шубарчик Ирина Викторовна. – Челябинск, 2003. – 221 с.

163. Шутникова, Р.С. Опыт исследования сочетаемости прилагательных в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.00.00 / Шутникова Раиса Сергеевна. – М., 1965. – 16 с.
164. Шхалахова, Р.А. Имя прилагательное как лексико-грамматический разряд слов в адыгейском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.09 / Шхалахова Римма Аюбовна; Адыгейский государственный университет. – Майкоп, 1998. – 20 с.
165. Щепина, Т.С. О регулярной многозначности прилагательных / Т.С. Щепина // Филологические науки. – 1984. – № 3 – С. 56-60.
166. Эйвазов, А.Г. Степени имен прилагательных в современном турецком языке (с привлечением материалов из других тюркских языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Эйвазов А.Г. – Баку, 1964. – 16 с.
167. Юсупова, С.С.-А. Новые слова и значения в чеченском языке: постсоветский период: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Юсупова Светлана Сайд-Алиевна; Чеченский государственный университет. – Грозный, 2007. – 186 с.
168. Юсупова, С.С.-А. Неологизация лексической системы современного чеченского языка: монография / С.С.-А. Юсупова. – Грозный: Изд-во Чечен. гос. ун-та, 2014. – 138 с.
169. Яковлев, Н.Ф. Морфология чеченского языка / Н.Ф. Яковлев. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1960. – 239 с.
170. Ausheva, E.A. Features of verbal phraseological units in the Ingush language / E.A. Ausheva, A.Z. Gandaloeva // *Philology. Theory & Practice*. – 2013. – Vol. 16, Iss. 11. – P. 3821-3826.
171. Bolinger, D. The Atomization of Meaning / D. Bolinger // *Language*. – 1965 – Vol. 41. – P. 555-573.
172. Bolinger, D. Adjectives in English, attribution and predication / D. Bolinger // *Lingua*. – 1967. – Vol. 18, N 1.
173. Bryant, M. A functional English grammar / M. Bryant. – Boston: Heath, 1945. – 326 p.

174. Dabrowska, A. A Syntactic Study of Idioms. Psychological States in English and Their Constraints / A. Dabrowska. – Cambridge Scholars Publishing, 2018. – 371 p.

175. Byiyk, I.A. Phraseological units with a colour component in the English and Turkish languages: Author's abstract for the doctoral degree (Candidate of Philology) thesis / Byiyk Iana Arthurovna. – Kazan, 2016. – 16 p.

176. Curme, G.O. A grammar of the English language / G.O. Curme. – Essex: Verbatim, 1977. – 370 p.

177. Farsi, A.A. Classification of Adjectives / A.A. Farsi // Language Learning. – 1968. – Vol. XVIII, N 12.

178. Granger, S. Phraseology. An interdisciplinary perspective / S. Granger, F. Meunier. – John Benjamins Publishing Company, 2008. – 422 p.

179. Marinuci, M. L'aggettivo / M. Marinuci // La lingua italiana. Grammatica. – Torino: Edizioni Scolastiche, 2000. – P. 110-150.

180. Naciscione, A. Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse / A. Naciscione. – John Benjamins Publishing Company, 2010. – 309 p.

181. Nesfield, J.C. English Grammar, Past and Present: in 3 parts. Rev. in accordance with the views of the joint committee on grammatical terminology / J.C. Nesfield. – London: Macmillan, 1924. – 470 p.

182. Rajabova, S.M. The semantic-cognitive features of the postnominal adjectives in modern English : abstract of the dis. ... doctor of philosophy: field of science: Philology: speciality 5708.01 Germanic languages / Rajabova Sevil Madat; Republic of Azerbaijan, Azerbaijan university of languages. – Baku, 2023. – 30 p.

183. Sweet, H. A new English grammar. Logical and historical / H. Sweet. – Part I: Introduction, phonology and accidence. – Oxford: At the Clarendon Press, 1900; Part II: Syntax. – Oxford: At the Clarendon Press, 1930.

184. Teller, P. Some Discussion and Extension of Manfiled Bierwisch's work on German Adjectives / P. Teller // Foundations of language. – 1969. – Vol. 5, N 1.

185. Vendler, Z. *Linguistics in Philosophy* / Z. Vendler. – N. Y.: Cornell Univ. Press, 1967.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

186. Айдамиров, А.А. Дарц / А.А. Айдамиров // *Орга.* – Грозный, 2005. – № 12. – С. 21-40.

187. Айдамирова, М. Лаьмнийн хIайкал [Нохчийн Республикан яздархойн союз] / М. Айдамирова. – Сольжа-ГIала (Грозный): Тетраграф, 2012. – 317 с.

188. Айдамиров, А.А. Долгие ночи: роман-хроника / А.А. Айдамиров. – 2-е изд., доп. (на чеч. яз.). – Грозный: Кн. изд-во, 2020. – Кн. 1. – 656 с.

189. Алиев, Г. Маржа-яI заманаш / Г. Алиев // *Вайнах.* – Грозный, 2009. – № 1.

190. Ахмадов, М.М. *Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1: Рассказы. Повести* / М.М. Ахмадов. – Грозный: Дош, 2005. – 557 с.

191. Бадуюев, С. Мацалла: повесть. Сольжа-ГIала, Нохчоблзорб // *Серло.* – 1925.

192. Берсанов, Х.-А. ЦIийца чIагIделла доттагIалла = Дружба, скрепленная кровью: повесть / Х.-А. Берсанов. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1986. – 144 с.

193. Бронте, Ш. Джейн Эйр / Ш. Бронте; пер. с англ. В. Станевич. – М.: Эксмо, 2022. – 608 с.

194. Голсуорси, Д. Сага о Форсайтах. Т. 2: Серебряная ложка / Д. Голсуорси; пер. А.В. Кривцовой = Gasworthy, J. *The Silver Spoon.* – М.: Рипол-Классик, 2006. – 310 с.

195. Голсуорси, Д. Собственник: роман / Д. Голсуорси; пер. М.Ф. Лорие = Galsworthy, J. *The Men of Property.* – М.: Библиотека всемир. лит., 1973. – 862 с.

196. Голсуорси, Д. В петле / Д. Голсуорси; пер. М. Богословская-Боброва = Galsworthy, J. In Chancery. – М.: Каро, 2009. – 480 с.
197. Дакаев, С. «...Даймахках хийца йиш йоцуш». Сан дехар / С. Дакаев // Вайнах. – Грозный, 2011. – № 6. – С. 70.
198. Диккенс, Ч. Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим Т. 1 / Ч. Диккенс; пер. с англ. А.В. Кривцовой, Е. Ланна = Dickens, Ch. David Copperfield. – М.: Гослитиздат, 1952. – 492 с.; Т. 2. – М.: Гослитиздат, 1952. – 488 с.
199. Диккенс, Ч. Лавка древностей / Ч. Диккенс; пер. с англ. Г.Г. Кудрявцевой = Dickens, Ch. The Old Curiosity Shop. – М.: Эксмо, 2022. – 608 с.
200. Макалов, Ш.А.-Р. Хазалин йийсарехъ / Ш.А.-Р. Макалов. – Сольжа-Гала: Книжни издательство, 2008.
201. Макалов, Ш.А.-Р. Малх гаттале / Ш.А.-Р. Макалов. – Сольжа-Гала: Книжни издательство, 2008. – 159 с.
202. Махмаев, Ж.М. Сан кегий доттагий: забаре дийцарш: тЮеюзна, шозлагIа арахоьцу / Ж.М. Махмаев. – Грозный: Грозненский рабочий, 2011. – 207 с.
203. Музаев, Н. Барлагийн тоба. Далахъ / Н. Музаев. – Грозный, 1976. – 54 с.
204. Нунуев, С.-Хь. Даймехкан мукъамаш / С.-Хь. Нунуев // Мелодии Родины: рассказы. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1986. – 232 с.
205. Нунуев, С.-Хь. ДIа ца кхаьчна кхаь / С.-Хь. Нунуев // Мелодии Родины: рассказы. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1986. – 232 с.
206. Нунуев, С.-Хь. Йилбазан оьмар / С.-Хь. Нунуев // Мелодии Родины: рассказы. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1986. – 232 с.
207. Солцаев, М.Б. Бешто. Нохчийн а, гIалгIайн а драматурги пьесийн: сборник / М.Б. Солцаев. – Грозный: Нохч-ГIалгIайн книжни издательство, 1988.

208. Талхадов, Хь. Кхойтта шо дукха ду / Хь. Талхадов // Нана. – 2018. – С. 7.
209. Тапалаева, А. Деза дукъ / А. Тапалаева; Союз писателей Чеченской Респ. – Грозный: Грозненский рабочий, 2014. – 191 с.
210. Филдинг, Г. История Тома Джонса, найденыша / Г. Филдинг; пер. с англ. А.А. Франковского = Fielding, H. The History of Tom Jones. – М.: Худож. лит., 2016. – 960 с.
211. Чейз, Д.Х. Двойная сдача: роман / Д.Х. Чейз; пер. Е.Ю. Морозова = Chase, J.H. The Double Shuffle. – М.: Центрполиграф, 2016. – 251 с.
Переводчик:
212. Цуруев, Ш. Нохчаллах дош / Ш. Цуруев // Орга. – 2022. – № 4.
213. Яшуркаев, С. Нохчийн жайна / С. Яшуркаев // Нана. – Грозный, 2013. – № 5-8.
214. Aldridge, J. The Diplomat / J. Aldridge. – TBS The Book Service Ltd UK, 1972. – 631 p.
215. Anderson, Sh. Kit Brandon / Sh. Anderson. – N. Y.: C. Scribner's Sons, 1936. – 373 p.
216. Austen, J. Emma / J. Austen. – L.: Macmillan, 2016. – 589 p.
217. Bret, F. Harte The Luck of Roaring Camp» / F. Bret Harte. – Boston: Houghton Mifflin, 1869. – 256 p.
218. Bronte, Ch. Jane Eyre / Ch. Bronte. – T8 RUGRAM, 2017. – 428 p.
219. Bronte, Ch. Shirley / Ch. Bronte. – T8 RUGRAM, 2018. – 804 p.
220. Buck, P.S. Come My Beloved / P.S. Buck. – L.: Open Road Media, 2013. – 311 p.
221. Capote, T. In cold blood / T. Capote. – L.: Penguin, 2000. – 344 p.
222. Cronin, A.G. Hatter's Castle / A.G. Cronin. – М.: Foreign Languages Publishing House, 1963. – 670 p.
223. Cronin, A.J. Shannon's Way / A.G. Cronin. – L.: Ulverscroft, 1972. – 495 p.

224. Cronin, A.J. *The Stars Look Down* / A.J. Cronin. – L.: Posetta Books, 2015. – 626 p.
225. Chase, J.H. *Come Easy Go Easy* / J.H. Chase. – M.: Айрис Пресс, 2006. – 329 p.
226. Dickens, Ch. *David Copperfield* / Ch. Dickens. – London, 1875. – T. 1. – 517 p.; T. 2. – 527 p.
227. Dickens, Ch. *Dombey and Son* / Ch. Dickens. – Boston: Wordsworth, 2002. – 320 c.
228. Dickens, Ch. *Pickwick's Papers* / Ch. Dickens. – N. Y.: Oxford University Press, 2011. – 1080 p.
229. Dickens, Ch. *The Old Curiosity Shop* / Ch. Dickens. – T8 RUGRAM, 2014. – 602 p.
230. Dickens, Ch. *Martin Chuzzlewit* / Ch. Dickens. – T8 RUGRAM, 2016. – 622 p.
231. Dodge, M. *The Silver Skates* / M. Dodge. – СПб.: Капо, 2013. – 384 p.
232. Dreiser, Th. *A Gallery of Women* / Th. Dreiser. – N. Y.: Kessinger Publishing, 2004. – 829 p.
233. Fast, H. *Freedom Road* / H. Fast. – N. Y.: Duell, Sloan and Pearce Publishers, 1944. – 278 p.
234. Fielding, H. *The History of Tom Jones* / H. Fielding. – T8 RUGRAM, 2017. – 732 p.
235. Gasworthy, J. *The Silver Spoon* / J. Gasworthy. – L.: Headline Review, 2007. – 299 p.
236. Galsworthy, J. *In Chancery* / J. Gasworthy. – СПб.: Капо. 2009. – 480 p.
237. Galsworthy, J. *The Men of Property* / J. Galsworthy. – T8 RUGRAM, 2018. – 436 p.
238. Galsworthy, J. *Villa Rubein* / J. Gasworthy. – T8 RUGRAM, 2018. – 378 p.

239. Greene, G. Short Stories / G. Green. – M., 1970. – 367 с.
240. Hartley, L.P. The go-between / L.P. Hartley. – Harmondsworth: Penguin, 1958. – 289 p.
241. Maugham, W.S. Of Human Bondage / W.S. Maugham. – L.: Pan Books, 1984. – 616 p.
242. Murdoch, I. The Sandcastle / I. Murdoch. – L.: Penguin Books, 2017. – 532 с.
243. Prichard K.S. Golden Miles / K.S. Prichard. – L.: Allen @ Unwin, 2012. – 386 p.
244. Pristley J.B. They walk in the city / J.B. Pristley. – N. Y.; L.: Harper Brothers Publishers, 1936. – 515 с.
245. Reade, Ch. It is Never Too Late to Mend / Ch. Peade. – Public Domein, 1884. – 1051 p.
246. Shaw, B. Misalliance / B. Shaw. – N. Y.: Brentano's, 1914. – 245 p.
247. Thackeray, W. Pendennis / W. Thackeray. – N. Y.: T. Y. Crowell, 1900. – 766 p.
248. Thackeray, W.M. Vanity Fair / W.M. Thackeray. – N. Y.: Collector's Library Editions, 2017. – 808 p.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

249. Байсултанов, Д. Фразеологический словарь чеченского языка / Дадаш Байсултанов, Дауд Байсултанов. – Грозный, 1989. – 320 с.
250. Байсултанов, Д.Б. Чеченско-русский фразеологический словарь: около 12 тыс. фразеологических единиц чеченского языка: в 3 томах / Д. Б. Байсултанов. – 2-е изд., доп., перераб. – Грозный: Грозненский рабочий, 2016. – Т. 1. – 732 с.; Т. 2. – 509 с.; Т. 3. – 590 с.
251. Вагапов, А.Д. Англо-чеченский лингвистический словарь / А.Д. Вагапов, К.А. Вагапова // Вестник ЛАМ. – Грозный, 2003. – № 20. – С. 37-39.

252. Вагапов, А.Д. Этимологический словарь чеченского языка / А.Д. Вагапов. – Тбилиси, 2011. – 298 с.
253. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. – Назрань: Пилигримм, 2010. – 486 с.
254. Карасаев, А.Т. Оьрсийн-нохчийн словарь / А.Т. Карасаев, А.Г. Мациев. – М., 1978. – 728 с.
255. Кунин, А.В. Англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин; лит. ред. М.Д. Литвинова. = English-Russian Phraseological Dictionary. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1984. – 944 с.
256. Кунин, А.В. Англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. – М.: Рус. яз., 2001. – 512 с.
257. Кунин, А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь: около 20 000 фразеологических единиц / А.В. Кунин = Comprehensive English-Russian Phraseological Dictionary. – 6-е изд., испр. – М.: Живой язык, 2005. – 942 с.
258. Куркиев, А.С. Ингушско-русский словарь / А.С. Куркиев. – Магас: Сердало. 2005. – 544 с.
259. Мациев, А.Г. Чеченско-русский словарь / А.Г. Мациев. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. – 316 с.
260. Мациев, А.Г. Нохчийн г1алг1айн-оьрсийн словарь / А.Г. Мациев, И.А. Оздоев, З.Д. Джамалханов. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1962. – 197 с.
261. Мюллер, В.К. Новый англо-русский словарь / В.К. Мюллер, В.Л. Дашевская, В.А. Каплан. – 5-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1998. – 880 с.
262. Сакаева, Л.Р. Многоязычный словарь фразеологизмов, пословиц и поговорок / Л.Р. Сакаева. – Казань: Изд-во КазГУ, 2007. – 533 с.
263. Халидов, А.И. Словарь лингвистических терминов чеченского языка / А.И. Халидов. – Грозный: Кн. изд-во, 2012. – 448 с.
264. Siefring, J. Oxford Dictionary of Idioms. Oxford University Press / J. Siefring. – Oxford, 2004. – 340 p.

Интернет-источники

265. Бисултанов, А. Къинойх цландеш 1алам [Электронный ресурс] / А. Бисултанов. – Режим доступа: <https://ok.ru/group/52623942680697/topic/61489425140601>

266. Диккенс, Ч. Торговый дом Домби и сын [Электронный ресурс] / Ч. Диккенс; пер. с англ. А.В. Кривцовой = Dickens, Ch. Dombey and Son / Ch. Dickens. – Wordsworth, 2002. – Режим доступа: <http://lib.ru/INPROZ/DIKKENS/d13.txt>

267. Диккенс, Ч. Жизнь и приключения Мартина Чезлвита [Электронный ресурс] / Ч. Диккенс; пер. под ред. М.А. Орлова = Dickens, Ch. Martin Chuzzlewit. – Т8 RUGRAM, 2016. – 480 р. – Режим доступа: https://royallib.com/read/dickens_charlz/gizn_i_priklyucheniya_martina_chezlvita.html#0

268. Додж, М.М Серебряные коньки [Электронный ресурс] / М.М. Додж; пер. А. Рождественской = Dodge, M. The Silver Skates. – СПб.: Каро, 2013. – 384 р. – Режим доступа: <https://xn--2-9sb0d.xn--p1ai/serebryanye-konyki-11624623/read>

269. Драйзер, Т. Галерея женщин [Электронный ресурс] / Т. Драйзер; пер. Н. Роговская, А. Глебовская, М. Литвинова = Dreiser, Th. A Gallery of Women. – М.: Азбука-Аттикус, 2022. – 400 р. – Режим доступа: <https://onlinereads.net/bk/68277714-galereya-zhenshchin>

270. Ибрагимов, Л. Хьо ца гуш де-буйса, хан-хене далахь [Электронный ресурс] / Л. Ибрагимов. – Режим доступа: <https://www.stihi.ru/2010/10/19/2657>

271. Кронин, А. Путь Шеннона [Электронный ресурс] / А. Кронин; пер. Т. Кудрявцева. – М.: Иностр. лит, 1948. – Режим доступа: http://www.6lib.ru/books/put_sennona-44757.html

272. Кронин, А. Замок Броуди [Электронный ресурс] / А. Кронин; пер. М. Абкина. – М.: Высш. шк., 1989. – 670 р. – Режим доступа: <http://lib.ru/INPROZ/KRONIN/castle.txt>

273. Кронин, А. Звезды смотрят вниз [Электронный ресурс] / А. Кронин; пер. М. Абкина. – М.: Высш. шк., 1990. – 180 р. – Режим доступа: <https://knijky.ru/books/zvezdy-smotryat-vniz>

274. Мамакаев, И. Даге далахь [Электронный ресурс] / И. Мамакаев. – Режим доступа: <https://chechnyatoday.com/news/275137>

275. Мёрдок, А. Под сетью [Электронный ресурс] / А. Мёрдок; пер. М. Лорие, И. Трудюлюбова = Murdoch, I. Under the Net. – М.: АСТ, 2009. – 320 с. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/book/ayris-merdok/pod-setu-begstvo-ot-volshebника-69268228/chitat-onlayn/>

276. Моэм, У.С. Бремя страстей человеческих [Электронный ресурс] / У.С. Моэм; пер. Е. Голышева, Б. Изаков = Maugham, W.S. Of Human Bondage. – М.: АСТ, 2016. – Режим доступа: https://fictionbook.ru/author/moyem_uilyam_somerset/bremya_strasteyi_chelovec_heskih/read_online.html

277. Остен, Д. Эмма [Электронный ресурс] / Д. Остен; пер. И. Мансуров = Austen, J. Emma. – М.: Macmillan, 2016. – 589 р. – Режим доступа: <https://thebooks.su/book/396099-emma.html>

278. Олдридж, Д. Дипломат [Электронный ресурс] / Д. Олдридж; пер. Е. Калашникова, И. Кашкина, В. Топер = Aldridge, J. The Diplomat. – М.: Изд-во иностр. лит., 1953 – Режим доступа: <https://thebooks.su/book/248636-diplomat.html>

279. Пристли, Д. Они пришли к городу [Электронный ресурс] / Д. пристли; пер. М. Абкина = Pristley, J. V. They walk in the city. – N. Y.: Harper Brothers Publishers, 1936. – Режим доступа: <https://thebooks.su/book/152277-oni-prishli-k-gorodu.html>

280. Причард, К.С. Золотые мили [Электронный ресурс] / К. Причард; пер. Т. Озерская, Т. Кудрявцева = Prichard, K.S. Golden Miles. – Allen @ Unwin, 2012. – 386 р. – Режим доступа: <https://thebooks.su/book/176354-zolotyе-mili.html>

281. Юсупов, И. Цхьалле [Электронный ресурс] / И. Юсупов. – Режим доступа: <https://stihi.ru/2010/11/02/5345>

282. Яндарбиев, З. Буйса [Электронный ресурс] / З. Яндарбиев. – Режим доступа – URL: <https://nohchalla.com/literatura/chechenskie-stihi/yandarbiev-zelimkhan/1718-bujsa>

283. Яшуркаев, С. Мода яшо дукха гIирсап кечбина заводаша. далахь [Электронный ресурс] / С. Яшуркаев. – Режим доступа: <https://www.radiomarsho.com/a/28282978.html>

284. Funtek, E. Idiom Comprehension in English as a Second Language (Undergraduate thesis) [Electronic resource] / E. Funtek. – Rijeka: University of Rijeka, Faculty of Humanities and Social Sciences, 2015. – Access mode: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:186:433474>

285. Ghazala, H. Idiomaticity Between Evasion and Invasion in Translation: Stylistic, Aesthetic and Connotative Considerations [Electronic resource] / H. Ghazala. – Babel, 2003. – № 49. – P. 203-228. – Access mode: <https://www.researchgate.net/publication/233528311>

286. Knappe, G. Sugar and Spice... Exploring Food and Drink Idioms in English [Electronic resource] / G. Knappe, L. Pinnavaia // International Journal of Lexicography. – 2016. – Vol. 29, Issue 3. – P. 383-392. – Access mode: <https://doi.org/10.1093/ijl/ecv047>

287. Shiqing, Z. A Cognitive Analysis of Conceptual Metaphors of Color Idioms in English and Chinese Based on Data Mining. International Conference on Application of Intelligent Systems in Multi-modal Information Analytics [Electronic resource] / Z. Shiqing // MMIA 2020: Application of Intelligent Systems in Multi-modal Information Analytics. – P 349-355. – Access mode: <https://www.researchgate.net/publication/343107871>